

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (50)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 3 (50), 2021

Научный журнал. Издается с 1968 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (50)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 3 (50), 2021

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Дзуганов Т.А.</i>	Организация торговли в Нальчикском округе в начале XX в.	7
<i>Лобанов В.Б.</i>	Аллея памяти Пискаревского кладбища: регионы Северо-Кавказского федерального округа в битве за Ленинград (1941–1944 гг.)	16
<i>Пазов И.С.</i>	Исполнительные органы в системе общественного управления Нальчикского округа в начале XX в.: структура и направления деятельности	24

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бижоев Б. Ч.</i>	Категория времени и проблема систематизации временных форм в кабардино-черкесском языке	33
<i>Абазэ М.М.</i>	Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжъэ хуэхъуа щыщIэбзэр (диалектыр)	42
<i>Афаунова А.А.</i>	О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке	49
<i>Къумыкъу Д.М., БицIо Б.Ч.</i>	Зэпэщыт зэхушытыкIэхэр адыгэбзэм щызэрызэщхъэщыкI лIэужьыгъуэхэр	57
<i>Токъмакъ М.Х.</i>	Адыгэбзэм и лексико-тематикэ системэр джыныр	66
<i>Шэрджэс З.В.</i>	ЕхьэлIа плъыфэцIэхэм я грамматикэ нэщэнэхэр. НэгъуэщIыбзэхэм щыщу адыгэбзэм къищта плъыфэцIэхэр	75
<i>Гутов А.М.</i>	Контаминация в сказаниях адыгского историко-героического эпоса	81
<i>Гутова Л.А.</i>	Диффузии мотивов в эпическом сказании (вариант и самостоятельный цикл)	91
<i>Гергокова Л.С.</i>	Принципы классификации анималистических персонажей в карачаево-балкарском животном эпосе	100
<i>Алхасова С.М.</i>	Мотивы поэзии Руслана Семенова и Николая Рубцова	110
<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i>	Личностное самоопределение героев эпической повествования (роман З. Толгурова «Большая медведица»)	118
<i>Хакуашева М.А.</i>	Особенности гендерных этико-социальных характеристик художественных произведений Амира Макоева	129
<i>Хавжокова Л.Б., Бейтуганова Ф.С.</i>	О некоторых особенностях художественной организации поэтического текста в творчестве Бетала Куашева	137
<i>Хъэвжокъуэ Б.Л., Алгэскыр С.Р.</i>	Нало Заур и балладэхэр: жанрыр къызэрыгъэлэрыхуам и ГуэхукIэ	144

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Dzuganov T.A.</i>	Trade organization in Nalchik district at the beginning of the XX century.	7
<i>Lobanov V.B.</i>	Piskarevsky cemetery memorial alley: regions of the North Caucasus federal district in the battle for Leningrad (1941–1944)	16
<i>Pazov I.S.</i>	Executive authorities in the system of public administration of the Nalchik district in the early twentieth century: structure and directions of activity	24

PHILOLOGY

<i>Bizhoeff B.Ch.</i>	The category of time and the problem of systematization of time forms in the Kabardino-Circassian language	33
<i>Abazova M.M.</i>	Dialect base of Kabardino-Circassian literary language	42
<i>Afaunova A.A.</i>	On the linguistic status of interjective phraseological units in the Kabardino-Circassian language	49
<i>Kumykova D.M., Bizhoeff B.Ch.</i>	Types of semantic opposites and their expression in the Kabardino-Circassian language	57
<i>Tokmakova M.H.</i>	Study of the lexico-thematic system kabardino-cherkess language	66
<i>Cherkesova Z.V.</i>	Grammatical features of relative adjectives in the kabardino-circassian language. About adjectives borrowed from other languages	75
<i>Gutov A.M.</i>	Contamination in the legends of the Adyghe historical and heroic epic	81
<i>Gutova L.A.</i>	Diffusions of motives in an epic Tale (a variant and an independent cycle)	91
<i>Gergokova L.S.</i>	Classification principles of animalist characters in the karachai-balkar animal epos	100
<i>Alkhasova S.M.</i>	The Motives of the Poetry of Ruslan Semenov and Nikolai Rubtsov	110
<i>Bolatova (Atabieva) A.D.</i>	Personal self-determination of the heroes of the epic narrative (Z. Tolgurov's novel "The big dipper")	118
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Features of gender ethical and social characteristics of Amir Makoev s works of art	129
<i>Khavzhokova L.B., Beytuganova F.S.</i>	About some features of the artistic organization of the poetic text in creativity of Betal Kuashev	137
<i>Khavzhokova L.B., Atlaskirova R.S.</i>	Zaur Naloyev's ballads: to the problem of genre development	144

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-7-15

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2021

Аннотация. В статье исследуется функционирование коммерческого предпринимательства в Нальчикском округе. Изучается история формирования устойчивой сети торговых учреждений, их специализация и порядок работы. В работе анализируются структура и многообразие методов реализации коммерческой инициативы, основные виды, их отличительные черты и общие принципы. Показано, что уже к началу XX в. в Нальчикском округе происходит качественное изменение способов предоставления коммерческих услуг, выразившееся в оформлении устойчивой системы торговых заведений, налаживание механизмов ее деятельности. На основе архивных материалов и данных периодической печати устанавливаются, что уже к началу XX в. в слободе Нальчик появились первые специализированные «домовладельческие» магазины, анализируется их специализация и характер предоставляемых услуг. Определена степень влияния предпринимательского сообщества Нальчика на развитие торгового дела в округе. Выявлены формы участия горского населения Кабарды и Балкарии в развитии предпринимательских практик округа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, XIX–XX вв., Нальчикский округ, Нальчик, предпринимательство, коммерция, услуги, организация торговли, розничная сеть

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Организация торговли в Нальчикском округе в начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-7-15

Original article

TRADE ORGANIZATION IN NALCHIK DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Timur A. Dzughanov

Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center” Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences“, Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-3333-8888>.

© Т.А. Dzughanov, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of one of the key issues of the economic history of Kabardino-Balkaria – the mechanism of the functioning of entrepreneurship in the Nalchik District. The history of the formation of a stable network of trade establishments, their specialization and operating procedures are studied. The paper ana-

lyzes the structure and variety of methods for implementing a commercial initiative in the conditions of the Nalchik District, the main types, their distinctive features and general principles. It is shown that by the beginning of the XX century, in the Okrug there is a qualitative change in the sphere of providing commercial services, expressed in the design of a stable system of trade establishments, the establishment of mechanisms for its activities. On the basis of archival materials and data from periodicals, it is established that by the beginning of the twentieth century, in the settlement of Nalchik, the first specialized “homeowners” shops appeared, their specialization and the nature of the services provided are analyzed. The degree of influence of the business community of Nalchik on the development of trade in the district has been determined. The forms of participation of the mountain population of Kabarda and Balkaria in the development of entrepreneurial practices in the district have been identified.

Keywords: North Caucasus, XIX – XX centuries, Nalchik District, Nalchik, entrepreneurship, commerce, services, organization of trade, retail network

For citation: Dzuganov T.A. Trade organization in Nalchik district at the beginning of the XX century. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2021; 3 (50): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-7-15

Социально-экономические изменения второй половины XIX в. заложили основы становления и развития предпринимательства у народов Нальчикского округа, которое прошло сложный эволюционный путь от меновой торговли до многоуровневой системы коммерческих предприятий. Система, как показало время, наилучшим образом соответствовала этно-социальным, экономическим и природным особенностям региона, что формирующейся местной торговой буржуазии выстоять в конкурентной борьбе с «иногородними» – купцами из южных губерний России, вытеснив последних из наиболее прибыльных сегментов рынка. В немалой степени этому способствовала сложившаяся к началу XX в. форма организации торговли, общие принципы и механизмы которой оказались превосходно адаптированы к местным реалиям.

Несмотря на достаточно обширный материал, накопленный отечественной историографией в области изучения экономической истории народов Кабарды и Балкарии второй половины XIX – начала XX вв., проблемы развития окружной торговли и предпринимательства, формирование здесь многообразия частных экономических стратегий, принципы организации коммерческой деятельности, изучены недостаточно. Исследование этих вопросов позволяет глубже понять характер и движущие силы многих социально-экономических процессов, происходивших в округе в пореформенный период, и определить ключевые факторы, влиявшие на ход этих событий.

Определенную сложность для исследователей проблемы представляет ограниченность сохранившихся статистических данных. Деловая документация позволяет лишь приблизительно реконструировать ситуации в области предпринимательства, и не отражает всей полноты картины. В этой связи особенный интерес представляют документы и материалы, которые условно можно обозначить как «рекламную периодику». Помимо газет к ним можно отнести различные адрес-календари, содержавшие рекламу коммерческих услуг и предложений предпринимателей. Наиболее ценным источником в этой группе является справочник «Вся Донская область и Северный Кавказ», вышедший в первые годы XX в. [Вся Донская...] и содержавший обширный материал, на основе которого удастся реконструировать общую картину торговых учреждений слободы Нальчик.

В советский период в отечественной историографии данному вопросу, в силу ряда идеологических установок, господствовавших в науке, уделялось недостаточно внимания. В исследованиях, посвященных социально-экономической истории округа, развитие торговли либо не отражено вовсе, либо представлено эпизодически. Вместе с тем данные по торговле фрагментарно присутствуют в исследованиях большинства специалистов, занимавшихся изучением социально-политических процессов в округе в пореформенный период и развитием рыночных

отношений у народов его населявших. Если, например, А.А. Белоусов, в своем исследовании экономического развития Кабарды, вообще не затрагивал этот аспект [Белоусов 1955], то Т.Х. Кумыков уже в своей ранней работе заинтересовался вопросом генезиса рыночных отношений в крае [Кумыков 1962: 134]. Позднее автор неоднократно возвращался к проблеме развития торговли и предпринимательства округа, но этот вопрос так и не стал предметом отдельного научного исследования [Кумыков 1965]. Подобная тенденция сохранялась в отечественной историографии и в последующем. Т.А. Жакомихов, исследуя проблемы развития кустарной промышленности и торговли округа в конце XIX – начале XX вв., ограничивался констатацией факта наличия торговых заведений и ростом их оборотов [Жакомихов 1965: 181].

Подход к проблеме начинает меняться в новейшее время. В работах М.З. Саблирова [Саблиров 2001], К.Р. Соблировой [Соблирова 2009] предпринимаются попытки определения роли и значения торговли в культурно-экономической жизни округа, устанавливается свершившийся «переход» от ярмарочной к базарно-лавочной торговле, определяется наличие стационарной торговой сети. Вместе с тем авторам по-прежнему не удается выйти за рамки устаревшей историографической концепции, для которой предпринимательская деятельность, во всем многообразии этого явления, представляла интерес лишь как показатель степени развития рыночных отношений в Нальчикском округе.

В современных условиях, по нашему мнению, назрела необходимость выйти за рамки устоявшихся научных представлений, отчасти обусловленных скудостью источниковой базы. Введение в научный оборот новых документов и материалов позволяет сделать качественный переход в исследовании данной проблемы и приступить непосредственно к изучению самого явления и его роли в общественно-экономических процессах, развернувшихся в Кабарде и Балкарии в пореформенный период

Отладка механизма функционирования учреждений торговли происходила на протяжении всей второй половины XIX в., в результате чего в Нальчикском округе происходит синтез различных форм реализации коммерческой деятельности, в том числе, поиск оптимальных методов организации торговли. Ключевую роль в этом деле сыграли представители крупнейших купеческих династий округа – Зипаловы, Барановы, Калмыковы, Ханукаевы, Шуйские и др.

Система окончательно оформилась к началу XX в. Ее характерными чертами являлись диверсификация предпринимательства, унификация торговой деятельности, а также проникновение в экономику округа элементов сетевого бизнеса. К тому же, значительное представительство купцов из соседних губерний, имевшее место в означенный период, обусловило сосуществование постоянных и сезонных торговых предприятий. Причем, приезжавшие в сезон торговцы не обязательно открывали новые торговые точки. Часто, особенно в условиях Нальчика и отдельных балкарских селений, практиковалась аренда и субаренда этих заведений. Сами заведения различались ассортиментом и объемами продаж. В большинстве кабардинских аулов с конца XIX в., в зависимости от количества жителей и степени удаленности от торговых центров Терской области, имелось от 1 до 3-х лавок. Первоначально они принадлежали горским евреям, но уже к началу XX в. кабардинские предприниматели почти повсеместно вытеснили их, взяв внутриаульскую торговлю в свои руки. Примерно такая же картина наблюдалась в казачьих станицах и русских поселениях округа.

Несколько иначе складывалась ситуация в балкарских обществах, где к началу XX в. торговля еще не рассматривалась в качестве престижного занятия, потому вся коммерция была монополизирована заезжими купцами, заинтересованными в сохранении ее сезонного характера. Этому отчасти способствовала география региона, значительно ограничивавшая мобильность местного населе-

ния, и патриархальный уклад, продолжавший господствовать среди балкарцев. На рубеже XIX–XX вв. архивные документы фиксируют появление первых негочинтов и из числа балкарцев, но их количество к началу XX в. оставалось незначительным, и они не могли составить серьезной конкуренции пришлому торговому элементу. В ущельях, где в силу природных условий и ландшафта, множество средних и мелких хуторов группировалось вокруг центрального поселения, держать лавку в каждом было не целесообразным, зато в самом центральном селении их общее количество, особенно в сезон, могло достигать до 10. Большинство этих торговых учреждений принадлежало грузинским купцам из Рачи и являлись семейным предприятием.

В селениях кабардинцев и казачьих станицах, как правило, лавки открывались прямо в домах владельцев. Редко, когда для этих целей выстраивалось специальное помещение. В балкарских обществах сезонные торговцы старались обзавестись собственной недвижимостью, либо вынуждены были прибегать к услугам аренды. В Нальчике ситуация была сложнее, здесь встречались все перечисленные формы организации торговли. Вместе с тем, к началу XX в. в слободе крупные купеческие династии выработали собственный механизм, позволивший им максимально расширить виды осуществляемой коммерческой деятельности, позволив тем самым оптимизировать процесс ее диверсификации.

Имея необходимые разрешительные документы, купец мог совмещать торговлю сразу несколькими видами товаров в рамках единой торговой площади, либо, исходя из экономической целесообразности, вынести торговлю определенной продукцией в отдельную розничную точку. Обслуживание клиентов осуществлял сам торговец, или члены его семьи, реже наемный персонал. Немногочисленные сохранившиеся документы позволяют реконструировать типичное купеческое подворье этого периода. Помимо основного жилого дома, часть которого использовалась под торговый склад, оно включало в себя жилой павильон, сдававшийся в аренду, и несколько торговых «будок» – маленьких специализированных магазинчиков. Именно так, например, выглядело расположенное в Нальчике, на бывшей Воронцовской улице, имение купцов Вязмитиных, где помимо различных хозяйственных построек имелось:

- «1. Дом деревянный, обложенный кирпичом, крыша железная, общая кубатура 503, 77 куб. метр.
2. Жилой флигель дерев. обмаз. под черепицей в объёме 168,90 куб. метр.
3. Торговая будка – 2, дерев. обмаз. под черепицей 83,20 куб. метр.
4. Торговая будка, дерев., обложенная (обмазанная), под черепичной крышей» [Котляров 2017: 41].

По такому же принципу действовали коммерческие предприятия Шуйских, Ханукаевых и менее значительных торговцев. Сложившаяся форма организации коммерческой деятельности, в условиях слободы, являлась наиболее выигрышной, т.к. превращала купеческое подворье в небольшой магазин с 2–3 специализированными отделами. Это было удобно и покупателям, имевшим возможность закупиться сразу всем необходимым в одном месте, и выгодным самим торговцам, которые таким образом решали проблемы контроля торговли, логистики и охраны товара. Именно этим, по нашему мнению, объясняется частое упоминание в качестве владельцев различных бакалейных, мануфактурных и прочих лавок одних и тех же коммерсантов. Таким образом, некоторую часть торговых лавок, указанных в сохранившихся документах, нужно рассматривать не как отдельные коммерческие предприятия, а как отделы одного «домовладельческого» магазина. К сожалению, установить их точное количество, в силу крайней скудности сохранившихся статистических данных, не представляется возможным.

Вместе с тем, другое обстоятельство, которое обращает на себя внимание – это частая смена формальных владельцев семейных торговых заведений. В приведенной

ниже таблице представлены мануфактурные магазины, принадлежавшие членам трех купеческих династий Нальчикского округа. В этот список мы заведомо не включили семьи, владевшие всего тремя и меньше специализированными торговыми точками, как, например, Абрамовы, в собственности которых находилось всего три мануфактурные точки.

Владельцы мануфактурных лавок Нальчика (1901–1912 гг.)		
Зипалов С.М.	Ифраимов А.Х.	Ханукаев И.А.
Зипалов С.Г.	Ифраимов Э.Х.	Ханукаев Д.М.
Зипалов П.Г.	Ифраимов С.А.	Ханукаев И.И.
Зипалов И.Г.	Ифраимов Э.А.	Ханукаев Д.М.
		Ханукаев И.А.
		Ханукаев Д.А.
		Ханукаев И.
		Ханукаев Я.И.
		Ханукаев А.А.
		Ханукаев А.
		Ханукаев М.

[*Вся Донская...* 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Если еще возможно допустить, что в Нальчике одновременно сосуществовали по четыре мануфактурные лавки Зипаловых и Ифраимовых, то наличие, параллельно отмеченным, сразу одиннадцати однотипных заведений Ханукаевых представляется маловероятным. Скорее всего, таким образом молодое поколение торговых династий проходило испытание на профессиональную пригодность в «полевых условиях», по итогам которых наиболее перспективным и удачливым позволялось открывать собственное дело. Тем самым не только укреплялась кадровая структура этих заведений, но и расширялись горизонты развития предпринимательской активности торговых кланов. Это объясняет и заметную ротацию управленческих кадров в рамках общесемейных коммерческих предприятий. Схожая ситуация, помимо Нальчика, наблюдалась в торговых предприятиях, находившихся на территории балкарских обществ. В начале XX в. в Хуламском обществе владельцами мануфактурных лавок поочередно значатся: Рехвиашвили А.; Рехвиашвили Г.А.; Рехвиашвили И.А.; Рехвиашвили И.П.; Рехвиашвили П.Г.; Рехвиашвили П. А в Балкарском обществе: Рехвиашвили Б.М.; Рехвиашвили Н.П.; Рехвиашвили К.Б.; Рехвиашвили О.Г. и Рехвиашвили О. [*Вся Донская...* 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Диверсификация в предпринимательстве заключалась не только в расширении торговой сети, но прежде всего в разнообразии ассортимента предлагаемой продукции и услуг. Одним из наиболее ярких примеров ее успешной реализации в Нальчикском округе является история купцов Зипаловых. Первые сведения об их участии в коммерческих операциях в округе относятся к 70-м гг. XIX в. Успеш-

ному росту семейного предприятия в немалой степени способствовали тесные связи со слободской администрацией. Основатель династии – Василий Зипалов, параллельно занятиям торговлей, некоторое время принимал участие в слободском самоуправлении. Венцом его карьерного роста стала должность казначея, которую он занимал в конце XIX в. Есть сведения, что, Зипалов весьма активно использовал занимаемое положение в корыстных целях, и когда это обстоятельство открылось, слободское начальство не смогло вовремя погасить скандал, вылившийся в уголовное разбирательство. Из донесения начальника округа известно, что в 1893 г. Нальчикский слободской казначей Василий Зипалов «был заподозрен в лихоимстве», т.е. за взимание им, с корыстной целью, при продаже гербовых марок, цены выше номинальной стоимости. Производилось специальное дознание и «виновность Зипалова вполне обнаружена» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 212. Л. 2]. Впрочем, данное событие не имело серьезных последствий. Зипалов продолжал и далее, несмотря на многочисленные скандалы, наращивать обороты семейного предприятия. Например, ему ничто не помешало ловко обойти «Приговор Кабардинского народа» о недопустимости открытий «ни в одном туземном селении» питейных заведений. «Приговор» этот строго соблюдался до 1897 г., когда первое питейное заведение все же было открыто на территории селения Нальчикско-Клишбиевского. «И вот ... случилось, что Нальчикское селение якобы единогласно выдало г-ну Z. Приговор на открытие торговли питьями на земле, состоящей в пользовании этого селения.

Заручившись приговором, а потом и патентом, Z. немедленно приступил к устройству собственного дома за рекой Нальчик против казарм, расположенных в слободе войск, с тем расчетом, надо полагать, что нижние чины предпочтут его заведение всем другим, тем более что в селении нет таких полицейских чинов, кроме помощника старшины и десятника, которые могли бы наблюдать за исполнением закона о недопуске нижних чинов в питейные заведения» [Терские ведомости. 1897: 23]. Нет никаких сомнений, что, под «Z.» автор заметки намекает на гильдейского купца Василия Зипалова, исправлявшего до 1893 г. должность нальчикского слободского казначея [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5290. Л. 12–12 об.], и с 1892 г. хозяина одного из наиболее доходных питейных заведений заведений округа на Баксанском посту [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

Сохранились архивные свидетельства, что Зипалов не чурался и ростовщичества. В 1897 г. некий Осман Шахмурзаев, житель Чегемского общества, подал прошение начальнику Нальчикского округа с просьбой о возвращении ему незаконно изъятого скота. Это имущество было изъято у него по распоряжению слободского старшины (Нальчика) для погашения задолженности по ростовщическому кредиту купца Василия Зипалова [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 411. Л. 66–66 об.].

К началу XX в. Зипаловы, в основном, сосредоточились на мелкооптовой и розничной торговле. Постоянно расширяя сеть торговых учреждений, они, тем не менее, продолжали активно участвовать и в других перспективных предприятиях. Зипалов Петр Григорьевич в 1901 г. держал в Нальчике бакалейную и мануфактурную лавки. Одновременно, в слободе функционировали галантерейное и мануфактурное заведения Зипалова Семена Васильевича. Не ограничиваясь Нальчиком, Семен Васильевич содержал галантерейные лавки в Пятигорске и ст. Кисловодская. Зипалов Николай Егорович – в сл. Есентукской. В том же году некая Зипалова Елена Михайловна владела собственной галантерейной лавкой в Грозном [Вся Донская... 1901: 227].

В 1903 г. Зипаловы заметно увеличивают сеть своих торговых заведений. Помимо предприятий Петра Григорьевича, в Нальчике заработали мануфактурная и галантерейная лавки Зипаловой Надежды Алексеевны. Мануфактурную лавку в Нальчике открывает Зипалов С.Г. Расширение сети торговых учреждений династии прослеживается и в последующие годы. В 1904 г. в Нальчике заработала

мануфактурная точка Зипалова С.Г., а в 1908 г. там же функционировала мануфактурная лавка Зипалова И.Г. В 1909 г., в слободе открывается лавка с мелочным товаром, принадлежавшая Зипаловой Н.А. Зипалов Д.Н. держал лавку с галантерейным товаром в Пятигорске [Вся Донская... 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140].

Пример Зипаловых далеко не единичный. Диверсифицировать свое предприятие старались и другие торговые династии округа. Особенно в этом направлении преуспели Шуйские. Первоначально они так же, как и Зипаловы активно создавали сеть питейных заведений. В 1892 г. Алексей Шуйский являлся арендатором питейной точки в колонии Александровской вблизи окружного центра, а Илья Шуйский – непосредственно в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. В 1902 г. Алексей Ильич увеличивает питейный актив семейного предприятия духаном в ст. Солдатская, Шуйский Ф.И. владел духаном в ст. Котляревская (Сунженский отдел).

Следует отметить, что Зипаловы и Шуйские – наиболее крупные, но не единственные сетевые предприниматели рынка питейной продукции и услуг Нальчикского округа. Посильную конкуренцию им составляли и другие купеческие кланы, такие как, например, Свешниковы. Свешников Иосиф Лазаревич в 1902 г. являлся владельцем духана в с. Баксанское, а в с. Брянское Кизлярского отдела – Свешников Л.Л. Ему же принадлежали духаны в ст. Черный-рынок и селении Таловка. В ст. Зольская Пятигорского отдела духаном владел Свешников Осип Лазаревич. Свешников Лазарь Лукич содержал ренсковый погреб в ст. Есентукская [Вся Донская... 1902: 311–312]. Другой наглядный пример – семья пиво-торговцев Лецингер. В 1909 г. производством пива в Нальчике занимался Лецингер А.Р. Пивным производством в Георгиевске – Лецингер Г.Р. Продажей пива в Пятигорске – Лецингер Г.Р., а в Георгиевске – Лецингер А.Р. и Лецингер Г.Р. [Вся Донская... 1909: 163].

Элементы сетевого предпринимательства, помимо питейного, встречались и в других видах экономической деятельности.

Возвращаясь к Шуйским, отметим, что коммерческие начинания семьи питейным делом отнюдь не ограничивались. Купцы активно участвовали во многих сферах экономической жизни округа, смело вкладывались в новые проекты. Например, интерес Шуйских к курортному предпринимательству выразился в строительстве первой гостиницы в Нальчике. Алексей Шуйский возвел ее в самом начале главной улицы слободы – Воронцовской. Это был «солидный двухэтажный особняк, с большим балконом, с витыми ажурными решетками» [Котляров 2017: 69].

Алексей Ильич, судя по документам, обладал хорошими организаторскими способностями, которые успешно реализовывал, запуская новые семейные предприятия. Наладив работу, он передавал управление кому-либо из членов семьи, а сам брался за новое направление. Именно он в 1901 г. значится в документах владельцем мясной лавки в Нальчике. В 1902 г. она переходит в формальную собственность Евдокии Федоровны Шуйской, а с 1908 г. владельцем лавки значится уже Шуйский М.Н. [Вся Донская... 1902: 328; 1908: 290]. Сам Алексей Ильич с 1903 г., как это видно из документов, руководит делами в лесоторговом предприятии в Нальчике [Вся Донская... 1903: 304]. В следующем, 1904 г. лесоторговля реформируется на Шуйского М.И., а Алексей Ильич продолжил организацию новых проектов. В 1910 г. он официальный владелец двух слободских предприятий – мануфактурной и винной лавок [Вся Донская... 1910: 95, 75].

В отличие от Зипаловых, Шуйские в деле диверсификации семейного предприятия пошли еще дальше. Внимательно отслеживая конъюнктуру местного рынка, они старались закрепиться в каждом перспективном, с коммерческой точки зрения, сегменте. В 1902 г. это торговля кожами в Нальчике, ею управлял Шуйский Илья Ефимович, он же являлся владельцем местной скобяной лавки [Вся

Донская... 1902: 313]. В 1903 г. кожевенная лавка переходит к Шуйскому И.Д., а Илья Ефимович в 1904 г. переключается на бакалейную торговлю, открывая для этих целей небольшое заведение [Вся Донская... 1904: 120]. Примерно с этого времени в документах встречается упоминание торгового предприятия, специализировавшегося на продаже кирпича в Нальчике. Его владельцем значился Ф.И. Шуйский. Расширяя свою деятельность, Шуйские приходят в кабардинские аулы. В с. Лескен с 1911 г. функционировали мануфактурная и бакалейная лавки братьев М.Ф. и М. Шуйских [Вся Донская... 1911: 173].

Обобщим характерные черты организации деятельности предпринимательских династий округа. Это общий источник накопления первоначального капитала, в качестве которого выступало питейное дело, упор на развитие розничной торговой сети, частая ротация управленцев семейных предприятий. Диверсификация предприятий торговли стала закономерным продолжением процесса совершенствования механизмов торговли, расширения горизонтов реализации коммерческой инициативы ведущей части торговой буржуазии. По мере усложнения видов и форм этой деятельности, в округе наблюдается складывание элементов сетевого бизнеса. Многие наиболее доходные сегменты местного рынка, такие как питейное дело, общественное питание и розничная торговля товарами повседневной необходимости монополизировались семейными сетевыми объединениями. Именно бакалейно-мануфактурная, мелочная и галантерейная виды торговли являлись наиболее высокодоходными направлениями коммерческой деятельности в округе. Развитие этой отрасли способствовало расширению торгово-розничной сети, а также сопровождалось выработкой механизмов ее наиболее эффективного функционирования.

В слободе Нальчик к концу XIX в. базарно-лавочная организация торговли окончательно возобладала над ярмарочной. Ведущей формой организации коммерческого предприятия стала деятельность «придомовых» универсальных магазинов наиболее состоятельных купеческих кланов. Кабардинские и русские поселения округа обзавелись собственной постоянной розничной сетью, обслуживание которой осуществлялось местной торговой буржуазией. В балкарских обществах продолжала господствовать смешанная стационарно-сезонная форма организации лавочной торговли, контролируемой иногородними купцами.

Таким образом, к началу XX в. в округе сложилась система организации торговли и предпринимательской деятельности, своеобразие которой заключалось в многообразии методов реализации коммерческой инициативы, сосуществовании различных организационных моделей ее практического воплощения. Развитие рыночных отношений разрушало патриархальный уклад народного хозяйства, способствовало развитию товарного земледелия и скотоводства, ускоряло процесс интеграции местного населения в общероссийское экономическое и культурное пространство.

Список источников

1. Белоусов А.А. Экономическое развитие Кабарды. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. 153 с.
2. Вся Донская область и Северный Кавказ: Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия. Ростов-на-Дону. Вып.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912.
3. Жакомихов Т.А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 205 с.
4. Котляров В. Купеческие семьи Нальчика. Родовые корни предпринимательства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 80 с.
5. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 200 с.
6. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.

7. Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.
8. Соблирова К.Р. Развитие экономики Нальчика в XIX – начале XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 2. С. 20–24.
9. Терские ведомости. 1897. № 23.
10. УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

1. BELOUSOV A.A. *Ekonomicheskoe razvitie Kabardy* [Economic development of Kabarda]. Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1955. 153 p.
2. *Vsya Donskaya oblast i Severnyi Kavkaz: Uchrezhdeniya i dolzhnostnye litsa. Promyshlennyye i torgovyye predpriyatiya* [The entire Don region and the North Caucasus: Institutions and officials. Industrial and commercial enterprises. Rostov-on-Don]. Rostov-na-Donu. Вып.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912.
3. ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 205 p.
4. KOTLYAROV V. *Kupecheskie semi Nalchika. Rodovye korni predprinimatelstva Kabardino-Balkarii* [Merchant families of Nalchik. The ancestral roots of entrepreneurship in Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. 80 p.
5. KUMYKOV T.KH. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiiskii rynek* [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962. 200 p.
6. KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kulturnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1965. 419 p.
7. SABLIROV M.Z. *Kultura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th – early 20th centuries]. Nalchik: Aдыгэ хэку, 2001. 232 p.
8. SOBLIROVA K.R. *Razvitie ekonomiki Nalchika v XIX – nachale XX vv.* [The development of the economy of Nalchik in the XIX – early XX centuries]. IN: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2009. № 2. P. 20–24.
9. Terskie vedomosti. 1897. № 23.
10. *UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentralnogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Directorate of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – candidate of historical sciences, senior researcher in the sector of ancient history and archeology.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья
УДК 94(1941-1944)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-16-23

**АЛЛЕЯ ПАМЯТИ ПИСКАРЕВСКОГО КЛАДБИЩА:
РЕГИОНЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД (1941–1944 гг.)**

Владимир Борисович Лобанов

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

© В.Б. Лобанов, 2021

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с мемориализацией участия уроженцев регионов СКФО в обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны в 1941–1944 гг. Отмечается, что к 45-ой годовщине победы в Великой Отечественной войне и к 40-ой годовщине открытия Пискаревского мемориального кладбища была открыта Аллея Памяти. На ней установлена на сегодняшний день 101 плита от регионов РФ, бывших республик СССР, зарубежных стран, министерств и ведомств. Из них 7 плит установлено от регионов СКФО, чьи уроженцы сражались в Битве за Ленинград. Установка мемориальных плит является одним из элементов современной политики памяти, направленной на сохранение исторической памяти и воспитание молодого поколения в духе патриотизма. Плиты от регионов нынешнего СКФО символизируют единство народов Российской Федерации в историческом прошлом и настоящем, отражают неразрывную связь поколений наших предков, совместно отстоявших Ленинград в тяжелые годы Блокады

Ключевые слова: Блокада, Ленинград, Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Пискаревское мемориальное кладбище, Аллея Памяти

Для цитирования: Аллея памяти Пискаревского кладбища: регионы Северо-Кавказского федерального округа в битве за Ленинград (1941–1944 гг.) // Вестник КБГИИ. 2021. № 3 (50). С. 16–23. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-16-23

Original article

**PISKAREVSKY CEMETERY MEMORIAL ALLEY:
REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT
IN THE BATTLE FOR LENINGRAD (1941–1944)**

Vladimir B. Lobanov

North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia,
lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

© V.B. Lobanov, 2021

Abstract. The article examines the issues related to the memorialization of the participation of natives of the regions of the North Caucasus Federal District in the defense of Leningrad during the Great Patriotic War in 1941-1944. It is noted that the Alley of Memory was opened for the 45th anniversary of the victory in the Great Patriotic War and for the 40th anniversary of the opening of the Piskarevsky Memorial Cemetery. To date, 101 plates from the regions of the Russian Federation, the former republics of the USSR, foreign countries, ministries, and departments have been installed on it. Of these, 7 plates were installed from the regions of the North Caucasus Federal District, whose natives fought in the Battle for Leningrad. The installation of memorial slabs is one of the elements of the modern memory policy aimed at preserving historical memory and

educating the younger generation in the spirit of patriotism. The plates from the regions of the current North Caucasus Federal District are a visible proof of the unity of the peoples of the Russian Federation in the historical past and present, they reflect the indissoluble connection of the generations of our ancestors who jointly defended Leningrad during the difficult years of the Blockade

Keywords: Blockade, Leningrad, the Great Patriotic War, the North Caucasus, Piskarevskoye Memorial Cemetery, Memory Alley

For citation: Lobanov V.B. Piskarevsky cemetery memorial alley: regions of the North Caucasus federal district in the battle for Leningrad (1941–1944). *Vestnik KBIGI* = KBINR Bulletin. 2021; 3 (50): 16–23. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-16–23

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. является одним из центральных событий XX в. Она до сих пор привлекает внимание отечественных [Ломагин... 2019: 157–158; Соболев... 2013: 6–55; Пученков... 2019: 150–153; Кольцов, Кутузов... 2021: 371–383] и зарубежных исследователей. Битва за Ленинград, длившаяся с 1941 по 1944 гг., в свою очередь является одним из центральных событий Великой Отечественной. Ленинград обороняли уроженцы многих регионов Советского Союза, многие из них погибли, не пустив врага в город. В Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге) и Ленинградской области увековечена память тех, кто сражался и погиб на Ленинградском и Волховском фронтах. Среди памятников и памятных мест тем, кто воювал и погиб на подступах к Ленинграду, следует отдельно выделить мемориальные места, посвященные уроженцам регионов, входящих ныне в состав СКФО.

В октябре 1998 года в Санкт-Петербурге был создан общественный фонд «Пискаревский мемориал». Помимо всего прочего, сотрудниками фонда был разработан проект увековечивания памяти защитников Ленинграда – уроженцев различных регионов бывшего СССР, с последующим созданием аллеи Памяти в парковой зоне Пискаревского мемориального кладбища.

Проект аллеи Памяти Пискаревского кладбища был запущен 7 мая 2000 г., накануне 55-летия победы и 40-летия открытия мемориального комплекса Пискаревского кладбища. Торжественное открытие аллеи Памяти состоялось 7 мая 2002 года на основании Постановления Правительства Санкт-Петербурга. [У подвига... 2013: 6]. На сентябрь 2021 г. аллея Памяти состоит из 101 мемориальной плиты от регионов бывшего Советского Союза, зарубежных стран, министерств и ведомств. Среди них выделяются 7 мемориальных плит от регионов, составляющих СКФО.

Первую по счету мемориальную плиту от СКФО установили представители Дагестана. На ней высечены слова: «Вечная память воинам-дагестанцам – защитникам блокадного Ленинграда». Она была установлена 19 мая 2001 года и стала 31-й на Аллее. [У подвига... 2013: 19]. По официальным данным, здесь покоятся более тысячи уроженцев республики, которые в годы Великой Отечественной войны ценой своей жизни защитили город на Неве. Несколько тысяч дагестанцев пали смертью храбрых в кровопролитных боях на Синявинских высотах и на Невском пятачке. В знак сыновней благодарности землякам здесь установлены две памятные гранитные стелы.

Уроженцы Дагестана регулярно принимают участие в торжественно-траурных мероприятиях, посвященных Дню памяти жертв блокады. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области каждое 8 сентября проходят мероприятия, посвященные Дню памяти жертв блокады. В них принимают участие сотрудники постпредства Республики Дагестан в Санкт-Петербурге, представители Содружества дагестанской молодежи, Культурно-просветительского центра «Дагестан», уполномоченные представительства республики в районах города и области [Дагестанцы... 2020].

Далее по хронологии на Аллее Памяти 25 января 2002 г. появилась плита под № 40 от Кабардино-Балкарии. На ней есть надпись: «Воинам Кабардино-Балкарии – защитникам блокадного Ленинграда». [У подвига... 2013: 20].

Помимо этой плиты, 18 апреля 2014 г. на территории Малоохтинского парка Красногвардейского района Санкт-Петербурга прошла торжественная закладка Аллеи Памяти из 70 саженцев красного дуба, подаренных Кабардино-Балкарской Республикой жителям Северной столицы.

В акции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, приняли участие делегация из КБР во главе с председателем Государственного комитета КБР по печати и массовым коммуникациям Игорем Дроздовым, всемирно известный кинорежиссёр Александр Сокуров, постоянный представитель республики в Санкт-Петербурге Альберт Саральп, народные артисты КБР – композитор Мурат Кабардоков и дирижёр Михаил Голиков, представители администрации и ветеранских организаций Санкт-Петербурга, жители города.

Глава администрации Красногвардейского района Санкт-Петербурга Виктор Панкевич отметил, что подобные патриотические мероприятия укрепляют дружественные отношения между регионами и содействуют сохранению исторического прошлого для будущих поколений: «Это дар жителей КБР всем, кто защищал Ленинград в суровые годы фашистской блокады. Мы знаем и помним, что у стен нашего великого города сражались представители разных национальностей, в их числе и славные сыны Кабардино-Балкарии».

Игорь Дроздов рассказал участникам акции о том, что в Кабардино-Балкарии уделяют большое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения и в качестве примера напомнил о видеоконференции «Подвиг Ленинграда нам памятен и дорог», состоявшейся между городами Нальчик, Санкт-Петербург, Вологда, Казань, Ярославль и Челябинск в начале года. Именно тогда было решено подарить 70 саженцев дуба городу-герою.

«В Нальчике и во многих населенных пунктах республики есть улицы, названные именами наших земляков, павших смертью храбрых, защищая Ленинград. Пусть эта дубовая аллея станет символом вечной памяти о героическом подвиге советских воинов и будет как можно дольше напоминать о дружбе жителей Кабардино-Балкарии и Санкт-Петербурга», – сказал Игорь Дроздов.

«Вот как раз года хватит деревьям, чтобы окрепнуть к 70-летию Победы. А так как они еще называются «вековыми», то, глядишь, еще много веков будут хранить нашу общую память», – сказал председатель Государственного комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Евгений Григорьев.

После посадки аллеи в торжественной обстановке был установлен камень с надписью «Защитникам Ленинграда в дар от жителей КБР в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Далее собравшиеся посетили выставку национальных блюд двух братских регионов: любой желающий мог отведать приготовленные кабардинскими и балкарскими девушками лакумы и хичины с черкесским сыром, а также отломить лакомый кусок от румяного каравая, испеченного петербурженками.

Завершением акции стал праздничный концерт с участием артистов двух регионов. Неподдельный восторг у публики вызвали старинные кабардинские наигрыши на шикапшине в исполнении Ашамазы Заифова и под аккомпанемент Мурата Кабардокова, танцевальные номера от Тимура Тлехугова и Элины Бязровой, а также ансамбля «Нур». Особенно трогательным стал совместный музыкальный номер, подаривший незабываемое впечатление от дуэта адыгской шикапшины и русской балалайки.

Представители администрации Санкт-Петербурга пообещали в скором времени сделать Нальчику ответный подарок. Правда, какой – пока хранится в секрете, – сообщает пресс-служба Госкомпечати КБР [Аллея Памяти... 2020].

После Кабардино-Балкарии свою плиту под № 53 с надписью: «Уроженцам Осетии – защитникам блокадного Ленинграда» в 2003 г. поставили осетинские представители [У подвига... 2013: 23]. В боях на Ленинградском, Карельском и

Волховском фронте сражались свыше двух тысяч представителей Осетии, из которых девять человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В Невской земле покоятся останки 576 уроженцев Осетии, погибших, защищая блокадный Ленинград.

Представители Южной Осетии регулярно отмечают даты, связанные с историей блокадного Ленинграда. В частности, в январе 2019 г. посольство Южной Осетии в Российской Федерации приняло участие в торжественно-траурной церемонии в Санкт-Петербурге, организованной по случаю 75-ой годовщины полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады в годы Великой Отечественной войны. Как сообщает пресс-служба посольства, мероприятие сотрудники посольства посетили по приглашению временно исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова.

«От имени народа Республики Южная Осетия посол нашей Республики Знаур Гассиев возложил венки к подножию монумента Матери-Родины на Пискарёвском мемориальном кладбище и к памятной гранитной плите, открытой в честь уроженцев Осетии – защитников блокадного Ленинграда», – сказали в пресс-службе.

Там отметили, что в церемонии возложения приняли участие югоосетинские курсанты Михайловской военной артиллерийской академии, Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, представители осетинского землячества Санкт-Петербурга [В Санкт-Петербурге... 2019].

Далее на Пискарёвском мемориальном кладбище в Санкт-Петербурге установлены мемориальные плиты с именами ингушских воинов-защитников Ленинграда. 27 июня 2011 года на Пискарёвском мемориальном кладбище состоялась церемония открытия памятной плиты № 74 воинам – уроженцам Ингушетии, защищавшим блокадный Ленинград [У подвига... 2013: 20]. В церемонии приняли участие Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Бамагиреевич Евкуров, ветераны Великой Отечественной войны Бамат Муниевич Келигов и Тагир Мурцалиевич Бекбузаров, Полномочный представитель Республики Ингушетия в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Юнус Султанович Хаутиев, Председатель Комитета по социальной политике Правительства Санкт-Петербурга Александр Николаевич Ржаненков, Советник главы Администрации Калининского района Святослав Николаевич Мережко, а также ветераны Великой Отечественной войны Калининского района во главе с Председателем общества защитников блокадного Ленинграда Калининского района Жанной Яковлевной Киселёвой. Обряд освящения памятной плиты совершили муфтий Республики Ингушетия Иса-Хаджи Хамхоев, игумен Благочинный православных церквей Республики Ингушетия, настоятель Покровской церкви Владимир Георгиевич Пономарев (отец Варлаам) и муфтий Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона Джафар-хазрат Пончаев.

Выступая перед участниками мероприятия, Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров, возглавлявший официальную ингушскую делегацию сказал: «Со дня окончания войны прошло уже шестьдесят шесть лет, но мы будем всегда помнить о тех, кто с беззаветным мужеством и отвагой на фронте и в тылу ковал победу над фашизмом, о тех, кто в смертельной схватке с врагом отдал свою жизнь». По словам Главы региона, оборона Ленинграда – одна из самых славных и ярких страниц истории Великой Отечественной войны, один из самых выдающихся примеров стойкости и массового героизма советского народа в борьбе за независимость своей Родины. «Наравне со всеми народами, проживавшими на территории бывшего Советского Союза на разных фронтах Великой Отечественной войны в те грозные дни для всей страны, воевали и представители ингушского народа. Маленькая Республика Ингушетия внесла свою лепту в защиту города Ленинград. Более ста двадцати человек из Ингушетии защищали великий город на Неве, многие из них отдали

за него свои жизни», в своем обращении к собравшимся отметил Юнус-Бек Евкуров. Он также добавил, что сегодняшняя встреча особенно знаменательна тем, что она проходит в дни, когда вся страна отметила трагическую дату, 70-летие со дня вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. «Этот день для всех нас, и особенно для ингушского народа, является долгожданным, так как долгие годы не было должным образом оценено участие ингушского народа в Великой Отечественной войне. А сегодняшнее открытие мемориальной плиты воинам Ингушетии, павшим при защите Ленинграда, является данью памяти всем тем участникам Великой Отечественной войны, имена которых были преданы забвению», – особо подчеркнул Глава Ингушетии. Далее ингушская делегация посетила музей на Пискаревском мемориальном кладбище, а после в книге почетных гостей Юнус-Бек Евкуров оставил памятную запись. Символическим возложением цветов завершилось данное мероприятие [Открытие... 2011].

После Ингушетии на Аллее Памяти 8 сентября 2012 г. открыли мемориальную доску № 76 [У памяти... 2013: 25] памяти уроженцев Чеченской Республики, защищавших блокадный город в годы войны. Церемонию открытия приурочили ко Дню начала блокады Ленинграда.

В мероприятии приняла участие чеченская делегация во главе с председателем Парламента Чечни Дукувахой Абдурахмановым. Мероприятие началось с торжественного шествия участников церемонии и возложения венков к подножию монумента «Матери-Родины». После под звуки прозвучавших поочередно гимнов России и Чечни состоялось открытие Мемориальной гранитной плиты.

– Не считаясь с национальными различиями, они выполняли свой долг перед Родиной и будущим страны. Именно поэтому Правительство Санкт-Петербурга поддерживает эту добрую традицию открытия памятных досок тем, кто когда-то был объединен общим словом «советский народ. Я склоняю голову перед теми, кто погиб, защищая наш город, – сказал член Правительства Санкт-Петербурга.

Как отметили в чеченской делегации, из Чечено-Ингушетии на фронты Великой Отечественной войны ушло около 56 тысяч только чеченцев и ингушей, многие из которых, как и представители других народов, не вернулись. А среди защитников Ленинграда были сотни чеченцев.

– Я заверяю Санкт-Петербург в нашем братстве. Я абсолютно уверен в том, что чеченцы в нужный момент придут к вам, отвечая на вызовы времени, как петербуржцы сегодня пришли на южные рубежи, защищая целостность нашей страны, – подчеркнул Дукуваха Абдурахманов.

Директор Пискаревского кладбища-музея передал в дар Рамзану Кадырову капсулу со священной землей Пискаревского кладбища, набор памятных книг и медаль музея.

В завершение мероприятия для гостей провели экскурсию по музею Пискаревского мемориального кладбища. Отметим, что это самое большое в мире кладбище жертв Второй мировой войны. Здесь погребено около пятисот тысяч человек [Дроботов... 2012].

18 января 2014 года состоялось исторически важное событие для Ставропольского края – была открыта памятная мемориальная плита «Землякам, погибшим при защите героического Ленинграда» на Пискаревском мемориальном кладбище. Данная плита – это дань памяти всем жителям Ставропольского края, отдавшим свои жизни за оборону Ленинграда и в боях за этот героический город. Инициатором открытия плиты от Ставропольского края стало Государственное образовательное учреждение дополнительного образования детей Молодежный многофункциональный патриотический центр «Машук» при поддержке Правительства Ставропольского края, а так же руководства Пискаревского мемориального кладбища. Мемориальная плита от жителей и правительства Ставропольского края стала 82 на аллее памяти. Открытие памятного знака посвятили 70-летию

со дня снятия блокады. В торжественном открытии приняли участие директор ГБОУ ДОД ММПЦ «Машук» Капитонов Юрий Дмитриевич, директор Пискаревского мемориала – Баев Олег Александрович, специалисты ГБОУ ДОД ММПЦ «Машук», представители СЗО МОФ «Центр Национальной Славы», жители города Санкт-Петербурга, родившиеся и выросшие на Ставрополье, а также студенты и школьники. Торжественное открытие плиты началось с возложения цветов к мемориальной плите и митинга, посвященного данному историческому событию. После окончания митинга, было проведено освящение плиты. Далее делегация направилась в здание музея Пискаревского мемориального комплекса для внесения записи в книгу памяти [В Санкт-Петербурге... 2014].

Наконец, 6 сентября 2018 на Пискаревском мемориальном кладбище у монумента Матери-Родины прошла торжественная церемония открытия памятной плиты от Карачаево-Черкесии. Она стала 101-й плитой от стран и российских регионов, которые увековечили имена своих Героев – защитников блокадного Ленинграда. В торжественной церемонии на Пискаревском кладбище приняли участие глава КЧР Рашид Темрезов и спикер парламента Александр Иванов.

Рашид Темрезов поблагодарил руководство Санкт-Петербурга и лично губернатора Георгия Полтавченко, который сразу откликнулся на обращение общественников, проживающих в Санкт-Петербурге и на предложение правительства республики увековечить имена погибших героев – солдат из Карачаево-Черкесии.

– Это знаковое событие, которое навсегда останется в летописи наших отношений между Санкт-Петербургом и Карачаево-Черкесской Республикой, и, конечно же, хороший пример – в очередной раз мы показываем молодому поколению, насколько был силен подвиг нашего старшего поколения, которое освободило страну от фашистов, – сказал Рашид Темрезов.

По поручению губернатора Санкт-Петербурга в торжественной церемонии открытия памятной плиты приняла участие вице-губернатор Анна Митянина. Сотни имен уроженцев КЧР навечно остались в летописи блокады: Магомед Эльканов, Вера Воронова, Маджир Гаджаев, Заваль Дауров, братья Ибрагим и Кертибей Аппаковы. В одном зенитно-артиллерийском дивизионе Ленинградского фронта воевали Юнус Урусов, Хусей Джаубаев, Магомет Балатчиев, Магомед Хачиров, Аскер Бабоев, Ахмат Тамбиев, Умар Богатырев, Хусей Бабоев, Магомет Ахтаов. Участником обороны Ленинграда был лейтенант Даут Байчоров. На его груди было 13 госнаград, в том числе 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени. Был 4 раза ранен, но после госпиталя снова возвращался на фронт. Хаджи-Исмаил Бабоев – один из тех, кто погиб, защищая небо над «Дорогой жизни».

Защищая Ленинград, мужественно сражались Зекерья Гогуев, Георгий Каргин, Николай Петров, Иван Скобара, Иван Снимщиков, Рамазан Темрезов, Рамазан Узденов, Владимир Хетагуров, Кумаль Чачев и другие воины.

Участники торжественной церемонии вспомнили и о героизме простых жителей из аула Бесленей, которые, рискуя своей жизнью, спрятали в своих домах от фашистов детей из блокадного Ленинграда. Всего 32 ребенка получили кров в тяжелые военные годы [В Санкт-Петербурге... 2018].

В заключение хотелось бы отметить, что Битва за Ленинград 1941–1944 гг. являлась одним из важнейших сражений Великой Отечественной войны. На захват города немцы и их союзники бросили свои отборные дивизии. Гитлер придавал мистическое значение взятию Ленинграда, считая, что город, носящий имя основателя Советского государства, должен быть не просто взят, а стерт с лица земли. Понимая это, защитники Ленинграда не собирались сдаваться на милость победителям, подобно Парижу в июне 1940 г. Население Ленинграда встало на защиту города, пополнив собой регулярную армию и народное ополчение, встав за заводские станки, принимая участие в строительстве оборонительных рубежей

по периметру города-крепости. Значительный вклад в оборону городу и ленинградскую победу в 1944 г. внесли уроженцы всех регионов Советского Союза, в их числе не последнее место занимают уроженцы регионов СКФО.

Список источников

1. Ломагин Н.А. Захватывающая эпопея Г.Л. Соболева // Российская история. 2019. № 3. С. 157–163.
2. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 696 с.
3. Пученков А.С. Классическая история блокадной эпопеи // Российская история. 2019. № 3. С. 150–153.
4. Кольцов И.А., Кутузов А.В. Профилактика эпидемий в блокадном Ленинграде: Исторический аспект // Гидрометеорология и экология. 2021. № 63. С. 371–383.
5. У подвига нет национальности: каталог-справочник по аллее Памяти Пискаревского мемориального кладбища. СПб.: ООО «СПС-Принт», 2013. 66 с.
6. Дагестанцы приняли участие в торжественно-траурных мероприятиях, посвященных Дню памяти жертв блокады // <https://mahachkala.bezformata.com/listnews/dnyu-pamyati-zhertv-blokadi/87575760/> (дата обращения: 25.09.2021).
7. Аллея Памяти от жителей КБР появилась в Санкт-Петербурге // <https://kbrria.ru/obshchestvo/alleya-pamyati-ot-zhiteley-kbr-poyavilas-v-sankt-peterburge-2453> (дата обращения: 25.09.2021).
8. В Санкт-Петербурге почтили память уроженцев Осетии – защитников блокадного Ленинграда // <https://cominf.org/node/1166520750> (дата обращения: 25.09.2021).
9. Открытие плиты на Пискаревском кладбище в память о воинах – уроженцах Ингушетии // <http://maga-gorec.livejournal.com/33567> (дата обращения: 25.09.2021).
10. Дроботов А. В Санкт-Петербурге открыли мемориальную доску чеченцам, защищавшим город в блокаду // <https://www.stav.kp.ru/daily/25949.4/2892107/> (дата обращения: 25.09.2021).
11. В Санкт-Петербурге открыта мемориальная плита в память о ставропольцах оборонявших город // <https://govorun26.ru/news/3981> (дата обращения: 26.09.2021).
12. В Санкт-Петербурге увековечили память защитников блокадного Ленинграда, уроженцев Карачаево-Черкесии // <https://www.stav.kp.ru/online/news/3227337> (дата обращения: 25.09.2021).

References

1. LOMAGIN N.A. *Zahvatyvayushchaya epopeya G.L. Soboleva* [The exciting epic of G.L. Sobolev]. IN: Rossijskaya istoriya. 2019. № 3. P. 157–163.
2. SOBOLEV G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga pervaya: Iyun' 1941 – Maj 1942* [Leningrad in the struggle for survival in the blockade. The first book: June 1941 – May 1942]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2013. 696 p.
3. PUCHENKOV A.S. *Klassicheskaya istoriya blokadnoj epopei* [The classical history of the blockade epic]. IN: Rossijskaya istoriya. 2019 № 3. P. 150–153.
4. KOL'COV I.A., KUTUZOV A.V. *Profilaktika epidemij v blokadnom Leningrade: Istoricheskij aspekt* [Prevention of epidemics in besieged Leningrad: A historical aspect]. IN: Gidrometeorologiya i ekologiya. 2021. № 63. P. 371–383.
5. *U podviga net nacional'nosti: katalog-spravochnik po allee Pamyati Piskarevskogo memorial'nogo kladbishcha* [The feat has no nationality: a directory guide to the Alley of Memory of the Piskarevsky Memorial Cemetery]. SPb.: ООО «СПС-Принт», 2013. 66 s.
6. *Dagestancy prinyali uchastie v torzhestvenno-traurnyh meropriyatiyah, posvyashchennyh Dnyu pamyati zhertv blokady* [Dagestanis took part in solemn mourning events dedicated to the Day of Remembrance of the victims of the blockade]. IN: <https://mahachkala.bezformata.com/listnews/dnyu-pamyati-zhertv-blokadi/87575760/> (data obrashcheniya: 25.09.2021).
7. *Alleya Pamyati ot zhitelej KBR poyavilas' v Sankt-Peterburge* [The Alley of Memory from the residents of the CBD appeared in St. Petersburg]. IN: <https://kbrria.ru/obshchestvo/alleya-pamyati-ot-zhiteley-kbr-poyavilas-v-sankt-peterburge-2453> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

8. *V Sankt-Peterburge počtili pamyat' urozhencev Osetii – zashchitnikov blokadnogo Leningrada* [In St. Petersburg, the memory of the natives of Ossetia-the defenders of the besieged Leningrad was honored]. IN: <https://cominf.org/node/1166520750> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

9. *Otkrytie plity na Piskarevskom kladbishche v pamyat' o voinah – urozhencah Ingushetii* [Opening of the slab at the Piskarevskoye cemetery in memory of the soldiers-natives of Ingushetia]. IN: <http://maga-gorec.livejournal.com/33567> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

10. DROBOTOV A. *V Sankt-Peterburge otkryli memorial'nyyu dosku chechencam, zashchishchavshim gorod v blokadu* [A memorial plaque was unveiled in St. Petersburg to the Chechens who defended the city during the blockade]. IN: <https://www.stav.kp.ru/daily/25949.4/2892107/> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

11. *V Sankt-Peterburge otkryta memorial'naya plita v pamyat' o stavropol'cah oboronyavshih gorod* [In St. Petersburg, a memorial plate was opened in memory of the Stavropol residents who defended the city]. IN: <https://govorun26.ru/news/3981> (data obrashcheniya: 26.09.2021).

12. *V Sankt-Peterburge uvekovechili pamyat' zashchitnikov blokadnogo Leningrada, urozhencev Karachaev-Cherkessii* [In St. Petersburg, the memory of the defenders of the besieged Leningrad, natives of Karachay-Cherkessia, was perpetuated]. IN: <https://www.stav.kp.ru/online/news/3227337> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

Информация об авторе

В.Б. Лобанов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the author

V.B. Lobanov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-24-32

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX В.: СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ибрагим Станиславович Пазов

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Кабардино-Балкарский торгово-технологический колледж», Нальчик, Россия, ibragim.pazov@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2841-0402

© И.С. Пазов, 2021

Аннотация. В статье исследуются основные направления деятельности исполнительных структур с некоторыми функциями земских управ в системе общественного управления Нальчикского округа в начале XX в. (Кабардинская общественная сумма, Хозяйственная комиссия и Кабардинское лесничество) в контексте их взаимодействия со Съездом доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ. Рассмотрены проекты их преобразований, выявлена направленность этих изменений в сторону их институционализации и подготовки учредительных нормативных документов, регламентирующих их деятельность. Определенное внимание уделяется рассмотрению вопросов, связанных с планами учреждения в Нальчикском округе банка на базе общественной суммы. Отмечается, что вопрос реорганизации общественной суммы в 1905–1917 гг. в банк не был завершен, т.к. не был подготовлен проект устава предполагаемого банка. Установлено, что, несмотря на отсутствие специальных нормативных актов, регламентирующих порядок функционирования исполнительных структур, их деятельность регулировалась множеством разрозненных административных распоряжений, которые принимались компетентными органами ситуативно, по мере необходимости. Делается вывод о том, что неопределённость их правового статуса и отсутствие кодифицированного нормативного регулятора не позволили им трансформироваться на более высокую ступень организации самоуправления, так как они оставались полностью в замкнутой системе окружного управления.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, Съезд доверенных, Кабардинская общественная сумма, Хозяйственная (поземельная) комиссия, Кабардинское лесничество, поземельные депутаты

Для цитирования: Пазов И.С. Исполнительные органы в системе общественного управления Нальчикского округа в начале XX в.: структура и направления деятельности // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 24–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-24-32

Original article

EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE NALCHIK DISTRICT IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: STRUCTURE AND DIRECTIONS OF ACTIVITY

Ibrahim S. Pazov

The public budgetary professional educational institution “Kabardino-Balkarian Trade and Technological College”, Nalchik, Russia, ibragim.pazov@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2841-0402

© I.S. Pazov, 2021

Abstract. The article examines the main areas of activity of executive structures with some functions of zemstvo administrations in the public administration system of the

Nalchik district at the beginning of the 20th century (Kabardian public sum, Economic Commission and Kabardian forestry) in the context of their interaction with the Congress of trusted rural societies of the Big and Small Kabarda and Five Mountain Societies. Projects of their transformations were considered, the direction of these changes towards their institutionalization and the preparation of constituent normative documents regulating their activities was revealed. It is noted that the issue of reorganizing the public amount in 1905–1917 was not completed in the bank, since a draft charter of the proposed bank was not prepared. It was established that, despite the absence of special regulatory acts regulating the functioning of executive structures, their activities were regulated by many disparate administrative orders, which were adopted by the competent authorities situationally, as necessary. It is concluded that the uncertainty of their right status and the lack of codified regulatory regulation did not allow them to transform into a higher stage of self-government, since they remained completely in a closed system of district administration.

Keywords: Terek region, Nalchik district, Congress of trustees, Kabardian public sum, Economic (land) commission, Kabardian forestry, land deputies

For citation: Pазov I.S. Executive authorities in the system of public administration of the Nalchik district in the early twentieth century: structure and directions of activity. *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 24–32. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-24-32

В начале XX в. в судебно-административной практике Нальчикского округа широкое распространение получили институты народного управления и правосудия (Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, сельских сходы, посреднические суды). Среди них Съезд доверенных занимал важное место. Он был в определенной степени интегрирован в общую административную структуру округа, решал социально-экономические и хозяйственные вопросы и взаимодействовал с исполнительными структурами с некоторыми функциями земских управ (кабардинское общественное лесничество, кабардинский общественный капитал, хозяйственная комиссия, юрисконсульт). В этом плане деятельность Съезда доверенных и его исполнительных структур в начале XX в. представляет особый научный интерес, т.к. их исследование дает возможность выявить обстоятельства и условия формирования многоуровневой системы управления в регионе, изучить особенности форм и механизмов включения представителей различных социальных групп местного населения в структуру административных учреждений, охарактеризовать некоторые особенности их коммуникации с учреждениями российской власти в регионе и выявить тенденции перехода к земскому самоуправлению.

Некоторые аспекты деятельности Съезда доверенных и исполнительных структур затрагивались в работах Г. Баева [Баев 1908], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995], И.Л. Бабич [Бабич 1999], Ю.Д. Анчабадзе [Анчабадзе 2012], Б.А. Хромова [Хромов 2007; Хромов 2010], Х.С. Кушхова [Кушхов 2003; Кушхов 2011], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2016; Прасолов 2017; Прасолов 2019], А.Х. Абазов [Абазов 2014; Абазов 2016] и др. и ряде обобщающих работ по истории Кабардино-Балкарии [Века совместной истории... 2017: 260–261]. Анализ трудов этих авторов дает возможность сформировать представление об особенностях деятельности Съезда доверенных, порядке его комплектования, формах принятия решений, взаимодействии с областными и окружными органами власти и исполнительными структурами, выявить тенденции перехода к земскому самоуправлению и т.п. В частности, Г. Баев дал подробное описание функционирования кабардинской общественной суммы [Баев 1908]. Ж.А. Калмыков на основе архивных документов подробно охарактеризовал порядок избрания доверенных, формирование повестки его работы, круг вопросов, которыми ведал Съезд, процесс принятия решений, а также рассмотрел деятельность смежных институтов, которые автор, используя определения Г. Баева, характеризует как «исполнительные органы» – Общественной суммы и Хозяйственной комиссии [Калмыков 1980; Калмыков

1995; Калмыков 2007]. Наиболее обстоятельными исследованиями по истории деятельности Съезда доверенных и определения его места в структуре окружной административной иерархии являются работы Д.Н. Прасолова [Прасолов 2009: 240–245; Прасолов 2013: 167–172], в том числе монографии [Прасолов 2017; Прасолов 2019], в которых он выделяет и исследует многоуровневую систему окружных органов власти и ее взаимодействие с институтами народного управления. А.Х. Абазов в своих работах дает характеристику взаимодействия Съезда доверенных с институтами судебной системы Нальчикского округа и рассматривает проблему его нормотворческой деятельности [Абазов 2014].

Накопленные в историографии сведения о роли и месте Съезда доверенных в административной системе Нальчикского округа и деятельности формируют основу для последующего исследования истории функционирования исполнительных структур с некоторыми функциями земских управ. Однако такое исследование осложняется отсутствием учредительного нормативного документа, регламентировавшего деятельность Съезда доверенных и его коммуникации с другими институтами власти и управления. Поэтому эти сведения приходится восстанавливать на основе анализа большого круга статистических отчетов и делопроизводственных источников, в числе которых хранящиеся в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики и Республики Северная Осетия – Алания акты власти и приговоры Съезда доверенных и сельских сходов.

Напомним, что в результате административно-судебных реформ конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. на Кавказе кабардинцы и балкарцы были окончательно включены в общероссийскую систему управления, в которой, однако, оставалось место и для традиционных форм принятия коллективных решений. Эти формы, в свою очередь, в указанное время были институционализированы в деятельности сельских сходов и Съезда доверенных. Поначалу основная функция Съезда доверенных заключалась в организации и проведении выборов судей для работы в Кабардинском окружном народном, а позже – Нальчикском горском словесном судах. Но с течением времени, Съезд наполнялся новыми полномочиями и к концу XIX – началу XX в. возникла объективная необходимость в появлении и функционировании исполнительных структур с компетенциями, схожими с земскими управами центральной России. Д.Н. Прасолов приводит мнение Г. Баева, который отмечал, что в начале XX в. «исполнительными органами, заменяющими функции земских управ, являются – казначей кабардинской общественной суммы, лесничий кабардинского общественного лесничества и доверенных по заведыванию запасными землями» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 26 об. – 27; Прасолов 2017: 104–105]. Надзор за их деятельностью и обязанности по ведению делопроизводства возлагались на начальника Нальчикского округа и окружное управление.

Сам же Съезд доверенных также функционировал под непосредственным контролем начальника окружного управления. Он собирался не реже одного раза в году и, как правило, в декабре, так как в это время люди уже не были заняты полевыми работами, а должностные лица, избираемые Съездом, могли приступить к своим обязанностям с первого дня нового года [Калмыков 2007: 119–120].

В административной практике Нальчикского округа функционировали следующие исполнительные структуры с некоторыми полномочиями земских управ: Кабардинская общественная сумма, Хозяйственная комиссия и Кабардинское лесничество.

Кабардинской общественной суммой заведовал казначей, который избирался Съездом доверенных сроком на три года. Его деятельность была направлена на реализацию решений, принимаемых на Съездах доверенных. Как правило, такие решения устанавливали порядок хранения и расходования общественных сумм. Казначей находился и под контролем начальника округа.

Общественная сумма функционировала на основании утвержденного в 1859 г. Кавказским наместником А.И. Барятинским «Положения об управлении кабардинской общественной суммы» [Прасолов 2019: 60]. В начале XX в. предлагался проект реорганизации Кабардинской общественной суммы в Кабардино-горский общественный банк. Еще 29 октября 1905 г. Съезд доверенных направил в Терское областное правление докладную записку, в которой был обозначен ряд мероприятий по улучшению общественного и экономического положения населения Нальчикского округа. В числе предлагаемых мер отмечалась о необходимости изъятия «из ведения местной администрации кабардинской общественной суммы» и образования на ее основе «кабардинско-горского общественного банка, при котором существовали бы сельскохозяйственные склады для снабжения населения сельскохозяйственными орудиями за умеренную цену и на льготных условиях» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691, Л. 5]. Однако Терское областное управление оставило ходатайство о преобразовании общественной суммы в банк без удовлетворения. Кроме того, такая реорганизация была бы невозможна без подготовки устава предполагаемого банка и проекта правил о приходе, расходе и хранении денежных сумм на случай передачи их в распоряжение самого народа. Терское областное правление определило: «вопрос об учреждении кабардинского народного банка и сельскохозяйственных складов при нем за неимением необходимых для решения этого вопроса данных оставить открытым» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691, Л. 6].

Несмотря на это, проект создания банка оставался открытым и в последующее время. О движении финансовых средств внутри общественной суммы в 1906–1917 гг. можно судить на основе данных материалов годовых статистических отчетов, хранившихся в управлении Нальчикского округа и у казначей кабардинской общественной суммы. Анализ этих материалов показывает достаточно высокий уровень роста доходов капитала. Документы подтверждают, что в 1905–1916 гг. номинальный доход составил 727 085 руб., расход – 170 058 руб. Остаток суммы на начало 1917 г. – 145 067 руб. 39 коп. Средний показатель за год (в течение 11 лет) сальдо составил – 50 638 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 810].

Полагаем, что данный капитал (который имел положительный показатель сальдо в 50 000 руб. за указанный период, а размер уставного капитала к 1917 г. составлял 145 067 руб.) закладывал предпосылки для создания и развития действенной финансово-кредитной системы округа. В Нальчикском округе можно было создать такой народный банк на базе Кабардинской общественной суммы. Однако, анализ источников показывает, что вопрос реорганизации общественной суммы в 1905–1906 гг. в банк не был завершен, т.к. специально созданная для подготовки ходатайства комиссия так и не представила проект устава предполагаемого банка.

В административной практике Нальчикского округа сложилась исполнительная структура, в полномочия которых входило распределение Зольских и Нагорных пастбищ, надзор за соблюдением правил пользования ими, сдача в аренду земельных излишков, обеспечение современного поступления доходов от летних пастбищ в Кабардинскую общественную сумму, разбор жалоб, связанных с использованием пастбищами. До 1911 г. эти полномочия возлагались на «поземельных депутатов» [Калмыков 1995: 50]. Два «поземельных депутата» избирались на Съезде доверенных (по одному от кабардинцев и балкарцев), третьем членом с правом решающего голоса являлся казначей Кабардинской общественной суммой [Калмыков 1995: С. 51]. С 1912 г. институт «поземельных депутатов» был заменён Хозяйственной (поземельной) комиссией. Позже комиссия имела свою канцелярию, в штате которой состояли делопроизводитель и писарь. Помимо прочего в обязанности комиссии входила разработка новых правил пользования пастбищами.

Так, разработанные правила были одобрены Съездом доверенных и затем утверждены Кавказским наместником в 1912 г.

Кабардинское лесничество занималось охраной и эксплуатацией лесных массивов. В его ведомстве находились все леса, кроме тех, которые были закреплены за селениями на правах общественного владения или находились на летних пастбищах. Однако лесничество также не было обеспечено единым нормативным документом, регламентирующим его деятельность, и правилами пользования общественным лесом. Для решения этого вопроса была сформирована делегация от Съезда доверенных, которая 21 сентября 1905 г. обратилась с просьбой к начальнику Терской области о введении «правильного хозяйства в лесничестве» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 688. Л. 1]. В качестве образца областным правлением был предложен правила пользования Карачаевского общественного леса, которые должен был рассмотрен делегатами на Съезде доверенных и представлены для утверждения областным начальством [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 688. Л. 1–2].

Однако окружное правление отклонило данный проект из-за того, что взятые в качестве прототипа правила не соответствовали сложившимся в Нальчикском округе традициям эксплуатации общественного леса, и прогнозировало, что в случае его введения лес мог быть подвергнут расхищению [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 688. Л. 13].

Несмотря на отсутствие специальных нормативных актов, регламентирующих порядок функционирования исполнительных структур, их деятельность регулировалась множеством разрозненных административных распоряжений. Большинство из них принимались ситуативно по мере необходимости решения очередной спорной ситуации. Поэтому к началу XX в. одна из основных задач оптимизации и упорядочивания их деятельности со стороны чиновничества и общественности виделась в принятии на Съезде доверенных единых кодифицированных учредительных регламентов.

Один из первых проектов реформирования местного самоуправления в Нальчикском округе был разработан Т. Шипшевым. Проект данного положения был отражен в памятной записке, поданной наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову 29 августа 1905 г. В ней предлагалось «предоставить кабардинскому народу право самому устанавливать порядок пользования Высочайше пожалованною общественною пастбищною Горною и Зольскою землею и лесом, принять из рук администрации кабардинскую общественную сумму для создания кабардинского банка с сельскохозяйственным складом... предоставить кабардинскому народу право собираться по мере необходимости: а) не один раз в год, б) приглашать для обсуждения дел почетных стариков и сведущих лиц, в) обсуждать все вопросы, предлагаемые самим обществом» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 140–140 об.; Прасолов 2018: 81].

Очередным предложением по оптимизации деятельности Съезда доверенных и исполнительных структур стало заявление М.-Г. Шипшева, племянника Т. Шипшева, начальнику Нальчикского округа в 1907 г. В нем он представил предложения о необходимости ведения протоколов заседаний, а не только оформления приговоров. Также предлагалось созывать Съезды доверенных не менее двух раз в год. Наиболее значимыми стали следующие предложения: «Право инициативы при возбуждении вопросов общественного характера за доверенными независимо от администрации во время самого сбора, т.к. при всем своем желании администрация не может всего знать и предвидеть, а доверенные не всегда имеют возможность заблаговременно подать начальнику округа соответствующие заявления» [УЦГА АС КБР. Ф.И-6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 48–48 об.]. Однако по этим предложениям властями был дан отрицательный ответ. Начальник Нальчикского округа в извещении М.-Г. Шипшеву ответил, что «по всем решённым съездом

вопросам составляются приговоры за подписью доверенных и все составленные приговоры вносятся в приговорную книгу и таковые приговоры по утверждению объявляются сельским обществам, следовательно, в ведении, помимо этого, ещё какого-то обстоятельного протокола заседания сбора не встречается надобности» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 52–52 об.].

Другим крупным проектом преобразования являлось «Положение о заведении кабардино-горским имуществом», подготовленное в 1916 г. юрисконсульт-ом кабардинского народа Б. Шахановым. Этим, по сути, была предпринята попытка нормативной систематизации накопленного опыта деятельности Съездов доверенных. Помимо прочего предлагалось учредить должность председателя, усовершенствовать порядок выборов доверенных и наделить правом выбора лиц старше 21 года. Нормативному регулированию предлагалось подвергнуть и порядок принятия коллективных решений на Съезде. Так, предполагалось проводить голосование доверенных закрытой и открытой баллотировкой. Каждый из приговоров признавался легитимным, если при принятии решения присутствовали председатель и не менее двух третей от общего числа голосующих [ЦГА РСО-Алания Ф. 11. Оп. 13. Д. 1087. Л. 2 об.].

Также в деятельности исполнительных структур предлагалось внести следующие изменения [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1087. Л. 1–1об.]:

– Кабардинское общественное лесничество, Кабардинский общественный капитал, Хозяйственную комиссию передать под наблюдение терского областного правления;

– Лесничего Кабардинского общественного леса назначать начальником области из корпуса лесничих;

– Казначей Кабардинского общественного капитала должен был избираться на 3 года Съездом доверенных и утверждаться начальником Терской области

– Хозяйственную комиссию утвердить на 2 года в составе 3-х человек, избранных на заседании Съезда доверенных (один кабардинец, другой – балкарец и казначей общественной суммы). Все они после избрания на Съезде должны были утверждаться Начальником области.

По сути набор полномочий исполнительных структур в этот период практически не менялся. Существенным было то, что они должны были перейти в непосредственную подведомственность Терскому областному правлению, а не Нальчикскому окружному.

Также видное место в системе общественного управления Нальчикского округа занимает юрисконсульт Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Анализ источников показывает, что на него возлагались функции секретаря Съезда доверенных и исполнителя его предписаний общественно-хозяйственного характера. Он был основным делопроизводителем Съезда доверенных. По каждому из рассматриваемых Съездом вопросов он составлял дела и группировал их по видовой принадлежности. Все дела дифференцировались на две большие группы: тяжёбые и хозяйственные. Юрисконсульт в отчетах указывал информацию к каждому делу, прикрепляя к ним комментарии о степени и стадиях их исполнения [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 134–134 об.]. Помимо прочего в его обязанности входила подготовка и представление ежегодных отчетов о проделанной работе по вынесенным приговорам и постановлениям Съезда доверенных.

В целом, взаимодействие Съезда доверенных с рассмотренными исполнительными структурами выстраивалось по достаточно сложной схеме. Съезд, будучи включенным в аппарат принятия коллективных решений в системе управления, все же не имел достаточных возможностей к самостоятельным действиям и трансформации в самоуправление. Это, по нашему мнению, зависело от того, что решения Съезда и исполнительных структур общественно-

го управления приобретали юридическую силу только в том случае, если они утверждались начальником Терской области, а решения, касающиеся порядка пользования и пастбищами, лесом кабардинской общественной суммой, – наместником Кавказа. Отсюда видно, что все нити управления сходились к высшим органам власти [Калмыков 2007: 125]. Взаимодействие Съезда доверенных и исполнительных структур осуществлялось для решения поземельных, хозяйственных и административных вопросов. Однако неопределённость их правового статуса и отсутствие кодифицированного нормативного регулирования не позволили им трансформироваться в более высокую степень самоуправления, так как они оставались полностью в замкнутой системе окружного управления.

Список источников

1. *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 108 с.
2. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Принт-центр», 2016. 264 с.
3. *Анчабадзе Ю.Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX – 1920-е годы). М.: ИЭА РАН, 2012. 340 с.
4. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860-е – 1990-е гг.). М.: ИЭА РАН, 1999. 238 с.
5. *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ: Типография С. Назарова, 1908. 56 с.
6. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 542 с.
7. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995. 124 с.
8. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 232 с.
9. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики. С. 106–120.
10. *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–30.
11. *Кушхов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2011. 200 с.
12. *Пазов И.С.* Общественный капитал Нальчикского округа в начале XX века // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 3. С. 170–190.
13. *Прасолов Д.Н.* Военная карьера и общественная активность как факторы социального отчуждения на Кавказе: случай генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева // Новое прошлое – The new past. 2018. № 3. С. 81. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-68-89.
14. *Прасолов Д.Н.* К вопросу о правовых функциях Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX в. Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2009 г. Карачаевск: КЧГУ, 2009. С. 240–245.
15. *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.
16. *Прасолов Д.Н.* Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия КБНЦ РАН. 2013. № 4. С. 167–172.
17. *Прасолов Д.Н.* Съезды (сборы) доверенных в Терской области в оценках современников (вторая половина XIX – начало XX в.) // История науки и техники. 2016. № 10. С. 103–108.

18. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.
19. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. И-6. «Управление Нальчикского округа».
20. Хромов Б.А. «Съезд доверенных» как орган местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия право. Вып. 2. Нальчик, 2007. С. 63–66.
21. Хромов Б.А. Особенности развития местного самоуправления в Кабарде и Балкарии в 1917 году // Муниципальная служба: правовые вопросы. М., 2010. № 3. С. 27–30.
22. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 11. «Терское областное правление».
23. ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. «Баев Георгий Васильевич – городской голова г. Владикавказ Терская область, г. Владикавказ».

References

1. ABAZOV A.KH. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.)* [Nalchik district in the judicial system of the Terek region (the last third of the XIX – the beginning of the XX century)]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. 108 p.
2. ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. Nal'chik: OOO «Print-tsentr», 2016. 264 p.
3. ANCHABADZE YU.D. *Politiicheskaya kul'tura adygov: traditsionnye instituty i ikh evolyutsiya (vtoraya polovina XIX – 1920-e gody)* [The political culture of the Adygs: traditional institutions and their evolution (the second half of the XIX – 1920s)]. M.: IEA RAN, 2012. 340 p.
4. BABICH I.L. *Evolutsiya pravovoi kul'tury adygov (1860-e – 1990-e gg.)* [The evolution of the legal culture of the Adygs (1860s–1990s)]. M.: IEA RAN, 1999. 238 p.
5. BAEV G. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's loan in the Terek region.]. Vladikavkaz: Tipografiya S. Nazarova, 1908. 56 p.
6. *Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.)*. [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2017. 542 p.
7. KALMYKOV ZH.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachale XX v.)* [The establishment of the Russian administration in Kabard and Balkaria (late XVIII – early XX century)]. Nal'chik: El'brus, 1995. 124 p.
8. KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 232 p.
9. KALMYKOV ZH.A. *Nekotorye obshchestvenno-politicheskie organy upravleniya Kabardy i Balkarii v poreformennyi period* [Some socio-political governing bodies of Kabarda and Balkaria during the reform period]. IN: *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii*. Nal'chik, 1980: Kabardino-Balkarskii institut istorii, filologii i ekonomiki. P. 106–120.
10. KUSHKHOV KH.S. *Problema preemstvennosti Khasy i s"ezda doverennykh Bol'shoi i Maloi Kabardy i pyati Gorskikh obshchestv* [The problem of the continuity of Hasa and the congress of trusted Big and Little Kabarda and five Mountain societies]. IN: RES PUBLICA. Vyp. 4. Nal'chik, 2003. P. 22–30.
11. KUSHKHOV KH.S. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe razvitie Kabardy v poreformennoe vremya* [Social, political and ethno-cultural development of Kabarda during reform]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2011. 200 p.
12. PAZOV I.S. *Obshchestvennyi kapital Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka* [Public capital of the Nalchik district at the beginning of the 20th century]. IN: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2019. T. 11. № 3. P. 170–190.
13. PRASOLOV D.N. *Voennaya kar'era i obshchestvennaya aktivnost' kak faktory sotsial'nogo otchuzhdeniya na Kavkaze: sluchai general-leitenanta T.A. Shipsheva* [Military career and social activity as factors of social exclusion in the Caucasus: the case of Lieutenant General T.A. Shipshev]. IN: *Novoe proshloe – The new past*. 2018. № 3. P. 81. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-68-89.

14. PRASOLOV D.N. *K voprosu o pravovykh funktsiyakh S''ezda doverennykh Kabardy i Gorskikh obshchestv* [On the legal functions of the Congress of Trusted Kabarda and Mountain Societies]. IN: Obychnoe pravo i pravovoi plyuralizm na Kavkaze v XIX – nachale XX v. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 24–26 sentyabrya 2009 g. Karachaevsk: KChGU, 2009. S. 240–245.

15. PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among Kabardians and Balkarians in the second half of the XIX – early XX centuries.]. Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2017. 136 p.

16. PRASOLOV D.N. *S''ezd doverennykh sel'skikh obshchestv i problemy pozemel'nykh otnoshenii v Nal'chikskom okruge v kontse XIX – nachale XX v.* [The congress of trusted rural societies and the problems of land relations in the Nalchik district in the late XIX – early XX centuries]. IN: Izvestiya KBNTs RAN. 2013. № 4. P. 167–172.

17. PRASOLOV D.N. *S''ezdy (sbory) doverennykh v Terskoi oblasti v otsenkakh sovremennikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Congresses (collections) of trustees in the Terek region in the assessments of contemporaries (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. IN: Istoriya nauki i tekhniki. 2016. № 10. P. 103–108.

18. PRASOLOV D.N. *S''ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX – early XX centuries.] Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. 208 p.

19. *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (UTsGA AS KBR)* [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. I–6. «Upravlenie Nal'chikskogo okruga».

20. KHROMOV B.A. *«S''ezd doverennykh» kak organ mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [“Congress of Trusted” as a local government body of Kabardians and Balkarians in the second half of the XIX – early XX centuries]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya pravo. Vyp. 2. Nal'chik, 2007. P. 63–66.

21. KHROMOV B.A. *Osobennosti razvitiya mestnogo samoupravleniya v Kabarde i Balkarii v 1917 godu* [Features of the development of local self-government in Kabarda and Balkaria in 1917]. IN: Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. M., 2010. № 3. P. 27–30.

22. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. F. 11 «Terskoe oblastnoe pravlenie».

23. *TsGA RSO-Alaniya [CGA RSO-Alania]*. F. 224. «Baev Georgii Vasil'evich – gorodskoi golova g. Vladikavkaza Terskaya oblast', g. Vladikavkaz».

Информация об авторе

И.С. Пазов – преподаватель общественных дисциплин.

Information about the author

I.S. Pazov – the teacher of social disciplines

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья
УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoviev1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2021

Анотация. В статье прослеживаются основные этапы двухвековой истории изучения одной из главных глагольных категорий кабардино-черкесского языка – категории времени. Критический анализ соответствующих разделов всех существующих грамматик и специально посвященных данной теме монографий и других значимых публикаций показывает, что первый исследователь кабардино-черкесского языка выявил все основные временные образования и в последующем предложенный им состав и формы времен не претерпели особых изменений. Расхождения в основном наблюдаются в определении значений тех или иных форм, в результате чего происходит разнобой в применяемой терминологии и составляются разные системы классификации времен. По отношению к нынешнему состоянию исследования мы пришли к выводу о том, что в настоящее время в кабардино-черкесоведении можно выделить две главенствующие позиции, одна из которых исходит из того, что все временные формы нужно делить на две группы в зависимости от того, выражено ли действие по отношению к настоящему моменту или же к определенному моменту в прошлом. Представители другой позиции опираются на грамматическую сторону вопроса, конкретнее на словообразование форм времен. Они справедливо критикуют своих оппонентов за то, что именно в плане грамматики они не предлагают морфологического показателя, который последовательно разграничивал бы предлагаемые ими две группы. Существование семантического и грамматического подхода к категориям времени привело к своеобразному парадоксу в практике изучения кабардино-черкесского языка – на школьном уровне выбрана как наиболее доступная для этого возраста классификация на семантической основе, в вузе студентов переориентируют на другую систему, что в принципе происходит безболезненно, поскольку, как уже отмечено, по составу и формам времен обе позиции идентичны.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, категория времени, перфект, имперфект, плюсквамперфект, аорист, формант, суффикс, парадигматика

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Категория времени и проблема систематизации временных форм в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 33–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

Original article

CATEGORY OF TIME AND THE PROBLEM OF SYSTEMATIZATION OF TIME FORMS IN THE KABARDINO-CHEKASSIAN LANGUAGE

Boris Ch. Bizhoviev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhiov1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhiov, 2021

Abstract. The article traces the main stages of the two-century history of studying one of the main verb categories of the Kabardino-Circassian language – the category of tense. A critical analysis of the relevant sections of all existing grammars and monographs and other significant publications specially devoted to this topic shows that the first researcher of the Kabardino-Circassian language identified all the main temporary formations and subsequently the composition and forms of tenses proposed by him did not suffer any special changes. Discrepancies are mainly observed in the definition of the meanings of certain forms, as a result of which there is a discrepancy in the terminology used and different systems of classification of times are drawn up. In relation to the current state of the study, we came to the conclusion that at present in the Kabardino-Circassian studies two dominant positions can be distinguished, one of which proceeds from the fact that all temporary forms should be divided into two groups, depending on whether action in relation to the present moment or to a certain moment in the past. Representatives of the other position rely on the grammatical side of the issue, more specifically on the word formation of the forms of tenses. They rightly criticize their opponents for the fact that in terms of grammar they do not offer a morphological indicator that would consistently distinguish the two groups they propose. The existence of a semantic and grammatical approach to the categories of time led to a kind of paradox in the practice of studying the Kabardino-Circassian language – at the school level it was chosen as the most accessible classification for this age on a semantic basis, at the university students are reoriented to another system, which, in principle, is painless, since, as already noted, both positions are identical in composition and forms of times.

Keywords: Kabardino-Circassian language, category of time, perfect, imperfect, pluperfect, aorist, formant, suffix, paradigmatics

For citation: Bizhiov B.Ch. Category of time and the problem of systematization of time forms in the Kabardino-Circassian language. *Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin*. 2021; 3 (50): 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-33-41

Глагольная категория времени является одной из наиболее важных для функционирования любого языка. Не является исключением в этом плане и кабардино-черкесский язык, который отличается богатым разнообразием форм выражения времени. Не удивительно поэтому тот факт, что данная категория оказывалась в центре внимания фактически всех исследователей, прикасавшихся к грамматике адыгских языков.

Автор первой грамматики кабардино-черкесского языка Ш.Б. Ногмов, перечисляя «главные принадлежности каждого глагола» (имеются ввиду его категории – Б.Б.), первой называет время [Ногмов 2020: 72], при этом отмечает то обстоятельство, что «глаголы в кабардинском языке чрезвычайно обильны временами» [Ногмов 2020: 77]. Он выявил фактически все основные формы времени: настоящее (*слагур* – *солъагъур* «вижу его», *сыкалагур* – *сыкъальагъур* «меня они видят»), прошедшее приходящее (*закерахой* – *згъэкІэрэхъуащ* «я вертел»), прошедшее совершенное (*сейгащ* – *седжащ* «я прочитал»), прошедшее несовершенное (*сыдаанукой* – *сыдэІэпыкъуащ* «я помогал»), давно прошедшее *стхыгай* – *стхыгъащ* «я давно писал»), будущее I (*сйытхунй* – *сыщытхъуниц*), будущее II (*сйытхугой* – *сыщытхъунуц* «я буду хвалить») [Ногмов 2020: 74].

Приведенный Ногмовым перечень времен безупречен даже с точки зрения современного состояния изученности кабардино-черкесского языка. Правда, Ногмовым не выделены формы с суффиксом *-т*, что вовсе не значит, что он их не заметил: он предваряет парадигматику глагола такими словами: «мы привели здесь лишь только те изменения (формы – Б.Б.), кои необходимы в обыкновенном разговоре» [Там же], т.е. автор сознательно ограничивается наиболее употребительными в языке временами. И еще на один факт стоит обратить внимание – форма,

которую Ногмов назвал прошедшим несовершенным, скорее всего это то, что сейчас принято называть аористом. Правда, немного смущает то обстоятельство, что приводимые при этом примеры несколько отличаются от нынешних аористных форм, ср. у Ногмова *сыдэІэпыкьуэц* с современным *сыдэІэпыкьуц* «помог ему». Данный факт можно трактовать двояко: или это следствие несовершенства ногмовского алфавита, или же в его время аористные формы употреблялись в языке в таком виде.

Автор наиболее достоверного дореволюционного грамматического очерка кабардино-черкесского языка Л.Г. Лопатинский подробно описывает способы производства временных форм. Их он приводит 8: настоящее (*солъагьу* «вижу»), прошедшее повествовательное или аорист (*слъагьуц* «я увидел»), прошедшее несовершенное (*слъагьут* «я видел»), прошедшее совершенное (*слъагьуац* «я увидел»), давнопрошедшее (*слъагьуат* «я видел»), отдаленнопрошедшее (*бжесІэгьац* «я тебе когда-то говорил»), преждепрошедшее (*слъагьурт* «прежде я видел»), будущее (*слъагьуниц* «я буду видеть, увижу») [Лопатинский 1890: 19–24]. Если сравнить с предшественником, выявляется, что Л. Лопатинский, в отличие от Ш. Ногмова, расширяет круг временных форм за счет привлечения образований с суффиксом *-т* – из восьми приводимых подобные формы составляют 3: *слъагьут* (прошедшее несовершенное), *слъагьуат* (давнопрошедшее), *слъагьурт* (преждепрошедшее). Здесь же автор впервые по отношению к адыгским языкам применяет термин «аорист» и правильно характеризует функциональную сущность этого явления [Лопатинский 1890: 21]. В то же время Л. Лопатинский выделяет только одну форму будущего времени на *-н*, тогда как Ш. Ногмов верно различает две временные образования со значением будущего времени, образующиеся с помощью суффиксов *-н* и *-ну*.

Нельзя не обратить внимание на такую важную деталь в работе Л. Лопатинского: он подробно описывает ситуации, при которых носители языка используют ту или иную форму, и параллельно приводит языковые средства русского языка, применяемые в тех случаях, все это иллюстрируется наглядными примерами.

В годы советской власти изучение языков народов СССР стало делом государственным. Один из первых исследователей кабардино-черкесского языка из числа носителей данного языка Т.М. Борукаев выпустил в 1932 году грамматику, сочетавшую в себе и научную и педагогическую функции [Борукаев 1932]. О формах времен здесь сказано довольно сжато. Кроме настоящего времени (*сокІуэ* «я иду»), автор выделяет две «основные» разновидности прошедшего времени – собственно прошедшее (*сыкІуац* «я пошел») и давнопрошедшее (*сыкІуэгьац* «я пошел давно»). Вот что он пишет о других формах прошедшего времени: «некоторые лингвисты размножают существующие в кабардино-черкесском языке прошедшие времена, подразделяя их на перфект, плюсквамперфект, имперфект и аорист, но такое подразделение более характерно для видовых глаголов» [Борукаев 1932: 59]. Из двух форм будущего времени первая образуется, как он считает, от инфинитива (*сыкІуэниц* «я пойду»), а вторая «путем присоединения к основам инфинитива суффикса будущего времени *-у*, после которого присоединяется к нему положительный или отрицательный суффикс *-ц* или *-кьым*» [Там же].

Весомый вклад в исследование адыгских языков сделал Н.Ф. Яковлев, подготовивший грамматику адыгейского языка совместно с Д.А. Ашхамовом [Яковлев, Ашхамов 1941] и грамматику литературного кабардино-черкесского языка [Яковлев 1948]. В последней он выделяет следующие времена: настоящее, прошедшее совершенное (перфект), прошедшее несовершенное и многократное (имперфект), преждепрошедшее совершенное (плюсквамперфект), давнопрошедшее совершенное (давний перфект), давнее преждепрошедшее (давний плюсквамперфект), будущее фактическое и будущее возможное или необходимое [Яковлев 1948: 86]. Характеризуя способы образования перечисленных времен, автор приходит к

заклучению о том, что «кабардинские имена и причастия служат основой образования кабардинских времен» [Там же]. Обращает на себя внимание частичное совпадение применяемой в данном труде терминологии с названиями, данными временным формам Л. Лопатинским. В то же время классификация времен, сделанная Н.Ф. Яковлевым, во многом является новаторской. Достаточно отметить такой факт, что целый ряд терминов Н.Ф. Яковлева закрепились в лингвистическом адыгovedении, например, предложенные им впервые названия «будущее фактическое» и «будущее возможное» и поныне остаются общепризнанными у специалистов. Н.Ф. Яковлевым «узаконено» также параллельное использование в адыгovedении, наряду с русскими, также и интернациональных терминов (перфект, плюсквамперфект, имперфект и т.д.). При этом он почему-то избегает удачного, на наш взгляд обозначения «аорист».

Известный советский языковед Г.Ф. Турчанинов проявлял интерес к кабардино-черкесскому языку. При содействии помощника-информатора М. Цагова он подготовил и издал в 1940 году Грамматику кабардино-черкесского языка [Турчанинов, Цагов 1940]. Система времен, приводимая в данном труде, выглядит следующим образом: прошедшее I (законченное), прошедшее II (мгновенное), прошедшее III (преждепрошедшее), давнопрошедшее, будущее I, будущее II, настоящее [Турчанинов, Цагов 1940: 108]. По приведенным примерам очевидно, что здесь нет форм, не встречающихся в предшествующих исследованиях, однако Г. Турчанинов предпочел предложить свою терминологию. Например, называемое им «прошедшим вторым (мгновенным)» время – это то же самое, что у Л. Лопатинского «аорист» (*уужлц* «убил», *епльц* «посмотрел» и т.д.), прошедшее III (преждепрошедшее) у Н.Ф. Яковлева преждепрошедшее совершенное или плюсквамперфект (*уужлам* «сделал тогда», *кхуат* «ходил» и т.д.). Оригинальностью анализируемой системы является также разграничение двух разновидностей настоящего времени – настоящее «обычное» (*соджэ* «читаю») и настоящее-прошедшее (или настоящее историческое). Последнее имеет, как пишут авторы, два варианта, которые отличаются друг от друга тем, что в одном из них присутствует согласный *-р* (*сыкхуэрт* «я ходил (в прошлом)»), в другом его нет (*яжеслэт* «я им говорил (тогда)») [Турчанинов, Цагов 1940: 113–117]. У предшественников данные формы отнесены к прошедшим временам, у Л. Лопатинского, например, это прошедшее несовершенное.

Специальное монографическое исследование категории времени в кабардино-черкесском языке проведено А.Х. Налоевым [Налоев 1956], им же опубликован ряд статей, посвященных классификации времен, характеристике конкретных временных форм [Налоев 1957, Налоев 1958]. Предложенная А.Х. Налоевым система не похожа ни на одну из предыдущих, на ней стоит остановиться более подробно, тем более, что на основе данного исследования А.Х. Налоев разработал раздел, посвященный категории времени, для двух академических научных грамматик кабардино-черкесского языка, вышедших в 1957 [Грамматика 1957: 115–121] и в 1970 годах [Грамматика 1970: 131–138]. Исходной позицией при классификации временных форм для автора служит установка о том, что «грамматическая категория времени в кабардино-черкесском языке выражает отношение времени действия глагола к моменту речи или же к определенному моменту в прошлом» [Грамматика 1957: 115]. В соответствии с этим времена делятся на две группы. К первой из них относятся те формы, которые выражают отношение времени действия глагола к моменту речи и, соответственно, во вторую группу входят формы, где время соотносено с другим временем в прошлом. Если в первой группе нет общего морфологического показателя, то для второй таковым является суффикс *-т*.

Три формы, включенные в первую группу, получили такие названия: 1) настоящее первое (*уоджэр* «учишься») (динамическая форма), *сыщытыц* «стою» (статическая форма), 2) прошедшее первое (*сабийр жезыц* «ребенок уснул») (прошедшее дли-

тельное), *слъагъугъаиц* «я увидел тогда» (отдаленное прошедшее), *ягъэтЫсакІэц* «арестовали уже» (прошедшее законченное), 3) будущее первое (*къэкІуэнуц* «придет») (будущее фактическое), *пихыниц* «съешь» (будущее возможное).

Вторая группа также состоит из трех времен: 1) настоящее второе (*сыкІуэрт* «иду было» (динамическая форма), *уцыст* «ты сидишь было» (статическая форма); 2) прошедшее второе, как и прошедшее первое разграничено на три формы: прошедшее длительное с суффиксами *-а*, *-т*, отдаленно-прошедшее с теми же показателями и прошедшее законченное с суффиксами *-а*, *-кІ*, *-т*; 3) будущее второе с двумя разновидностями: будущее фактическое на *-нут* и будущее возможное на *-нт*. Далее приводится еще одна временная форма – аорист, который «выражает значение прошедшего времени, но мгновенность протекания действия придает ему оттенок настоящего времени» [Грамматика 1957: 120]. В грамматике 1957 года А.Х. Налоев оставался на позиции своей диссертации и считал, что аорист «не может быть отнесен ни к одной из указанных групп» [Там же], однако он в дальнейшем пересмотрел отношение к данному временному образованию: в следующей грамматике (1970) уже появляются аорист первый и аорист второй, включенные в соответствующие группы. Аорист первый употребляется с утвердительным суффиксом *-иц* при отсутствии показателей прошедшего времени на *-а* и будущего времени *-н* / *-ну*: *НасытыфІэу зэман дахэм дыхальхуэиц* «В счастливое время мы рождены (рождаемся)» [Грамматика 1970: 135]. Аорист второй с формантом *-т*, как отмечает автор, выступает только в положительной форме и редко употребляется: *Хэт и лей къыплъыст?* «Чьему насилию ты подвергся (было)?» [Там же: 138].

Как видим, данное новшество было серьезным вкладом, которое преобразило первоначальную классификацию А.Х. Налоева – теперь система состояла из двух групп, каждая из которых включала четыре формы. Таким образом, А.Х. Налоев не довольствовался достигнутым и продолжал трудиться над проблемой. Большую ценность представляют также его разработки, где он демонстрирует функциональные возможности временных форм. Фактически каждая из них может выражать различные значения в зависимости от контекста. Например, настоящее первое различает следующие оттенки:

- 1) оно может показывать продолжительность действия, непосредственно совпадающего с моментом речи: *уэ жоІэр* «ты говоришь»;
- 2) может выражать общее постоянное действие (состояние), т.е. действие, которое происходит в прошлом, в момент речи, в будущем: *Дунейр цэрхъици мэкІэрахъуэ* «Мир колесо (есть) и вертится» (поговорка);
- 3) может употребляться в значении прошедшего времени для оживления событий прошлого;
- 4) в сочетании с некоторыми временными наречиями выступает в значении будущего: *Пицэдей сожъэр* «Завтра выезжаю» [Грамматика 1957: 116].

Свое виденье временной системы кабардино-черкесского языка изложил в вузовском учебнике по морфологии данного языка Х.Ш. Урусов [Урус 2001: 164–168]. Работа, изданная на кабардино-черкесском языке, прежде всего вызывает интерес с точки зрения примененной в ней терминологии: ит (настоящее), блэкІа-зэфІэмыкІа (прошедшее незавершенное), блэкІа-зэфІэкІа (прошедшее завершенное), блэкІа-зэфІэкІам и пэ кьит (предшествующее прошедшему завершенному), блэкІа жыжъэ зэфІэкІа (давнопрошедшее завершенное), блэкІа жыжъэ зэфІэкІам и пэ кьит (предшествующее давнопрошедшему завершенному), блэкІа-гъэкІэщІа (прошедшее укороченное), къэкІуэну белджылы (будущее определенное), къэкІуэну мыбелджылы (будущее неопределенное). В скобках мы даем калькированный перевод терминов Х.Ш. Урусова, сам он параллельно к ряду названий дает интернациональные термины: блэкІа-зэфІэмыкІа – имперфект, блэкІа-зэфІэкІа – перфект, блэкІа-зэфІэкІам и пэ кьит (плюсquamперфект), блэкІа-гъэкІэщІа – аорист. Ниже мы увидим, что не всегда совпадают временные формы,

по отношению к которым применяют интернациональные термины разные исследователи. У Х.Ш. Урусова имперфект – это формы, образующиеся с помощью суффикса *-рт* от динамических глаголов (*къаклуэрт* «приходил») и суффикса *-т* от статических (*щыст* «сидел»); перфект – форма с суффиксом *-а* (*лэжьаиц* «работал»), имперфект – форма, образующаяся от перфекта путем замены суффикса *-ц* на *-т*: *сыклуа-ц* «пошел» → *сыклуа-т* «пошел тогда», аорист – это формы, образующиеся при выпадении из перфекта суффикса *-а*: *клуэрт*, *къаклуэц* [Урыс 2001: 187]. Х.Ш. Урусов отмечает тот факт, что в кабардино-черкесском языке временные формы имеют также и отглагольные образования – причастие и деепричастие. Правда, у них данная категория имеет свою специфику. Нам приходилось останавливаться на этой проблеме более подробно при монографическом исследовании причастий [Бижоев 1991: 55–63, 105–110]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в целом причастия отличаются ущербностью по количеству образующихся от них временных форм по отношению к финитным глаголам: 8 форм у финитных (по М.А. Кумахову) и 4 – у причастий. Такая разница происходит по причине того, что причастия в литературном языке не производят временные формы с суффиксом *-т*, показывающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом. Таким образом, причастия имеют следующие формы: настоящее (*тельыр* «лежащий» на чем л.), перфект I (*исар* «сидевший в чем-л.»), плюсквамперфект I (*зыклыгыгар* «убивший кого-л. давно»), будущее II (*зыфлхьыну* «от кого он унесет») [Бижоев 1991: 57–58]. В то же время нельзя не отметить тенденцию к расширению временной парадигматики причастий под влиянием диалектов и говоров, что ведет к сближению временной парадигматики причастий с временной парадигматикой финитных глаголов [Бижоев 2005: 133–134].

В последней по году издания грамматике кабардино-черкесского языка категорию времени написал М.А. Кумахов [Кабардино-черкесский язык 2006: 206–215]. В вступительной части он подверг критическому анализу наиболее популярную в то время и кажущуюся, на первый взгляд, логичной и стройной схему времен, выстроенную А.Х. Налоевым. Как пишет автор, группировка времен, основанная на противопоставлении форм на *-т* формам, составляющим другую группу, предполагает однозначность формата *-т* во всех формах времен, что необходимо для образования в индикативе временной оппозиции по дифференциальному признаку – форма на *-т*: форма без *-т*. Однако не все временные формы с *-т* имеют значение индикатива: если формы *клуат*, *клуэрт*, *клуэгъат* индикативы (изъявительного наклонения), то формы *клуэнт*, *клуэнут* имеют значение конъюнктива (сослагательного наклонения) [Кабардино-черкесский язык 2006: 207]. М.А. Кумахов обращает внимание и на такой факт, что представленная как форма настоящего времени *клуэрт* «он тогда шел» попадает в парадигматический ряд прошедшего времени, да и по своему значению (выражение действия в его протекании в прошлом) подобная форма выполняет функцию имперфекта.

Далее М.А. Кумахов предлагает свою классификацию временных форм, включающую следующие:

- 1) настоящее: *соклуэ* «я иду» (динамический глагол), *сыщылъц* «я лежу» (статический глагол);
- 2) будущее I на *-н*: *сыклуэниц* «я пойду»;
- 3) будущее II (категорическое), которая образуется от будущего I с помощью суффикса *-ну*: *сыклуэнуц* «я пойду»;
- 4) перфект I с суффиксом *-а*: *зд-а-ц* «я сшил», *сыщыс-а-ц* «я сидел»;
- 5) перфект II образуется от перфекта I посредством суффикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время: *сыклуат* «я ходил тогда»;
- 6) имперфект образуется с помощью суффикса *-т*, в динамических глаголах может присутствовать факультативный суффикс *-р*: *сыклуэ-т* / *сыклуэ-р-т* «я шел»;

7) плюсквамперфект I, в основе которого *-гъа*: *кӀуэ-гъа-ц* «ходил давно»;

8) плюсквамперфект II образуется от основы плюсквамперфекта I с помощью суффикса *-т*, указывающего на то, что действие происходило в ограниченное время: *сыкӀуэ-гъа-т* «я ходил тогда»;

9) аорист: *урихуц* «он выгнал», *кӀуэри* «он пошел и...».

М.А. Кумахов более подробно останавливается на последней форме, «поскольку он обладает целым рядом специфических особенностей, выявлены не все его формы, описаны не все конструкции, синтаксически связанные с аористом» [Кабардино-черкесский язык 2006: 211].

Из всех форм, рассматриваемых разными авторами как аористные, он относит к аористам лишь приведенные выше формы *урихуц* и *кӀуэри* [Там же: 212].

Обращает на себя внимание тот факт, что М.А. Кумахов предпочитает использование терминов, утвердившихся в теории языкознания, что делает его систему более доступной и для тех лингвистов, которые не являются носителями кабардино-черкесского языка. В то же время, как отмечено выше, происходит некоторый разнобой в применении этих терминов разными специалистами. Например, форма *кӀуэгъац* у Х.Ш. Урусова давнопрошедшее завершённое, а *кӀуэгъат* – предшествующее давнопрошедшему завершённому, а у М.А. Кумахова соответственно плюсквамперфект I и плюсквамперфект II; *здац* у Кумахова перфект I и *здат* – перфект II, у Урусова они называются перфект и плюсквамперфект. Значение суффикса *-т*, участвующего в построении ряда временных форм, трактуется также по-разному: у А.Х. Налоева и Х.Ш. Урусова он «показывает отношение действия к определенному моменту в прошлом», Кумахов же считает, что он указывает «на то, что действие протекало в ограниченное время».

Подводя итоги, можно констатировать то, что категория времени в кабардино-черкесском языке разрабатывалась длительное время многими специалистами. Они подходили к теме неодинаково, поэтому редко когда у них совпадало количество выделяемых временных форм, а отсюда и классификация времен, составленных ими, выглядит по-разному. К настоящему моменту можно говорить о двух доминирующих позициях: первая из них связана с именем А.Х. Налоева и зиждется на выделении двух групп времен в зависимости от того, что они выражают отношение времени глагола к данному моменту речи или определенному моменту в прошлом. Вторая позиция опирается на способы образования форм времен и она, несомненно, более близка к классическим канонам языкознания. В то же время необходимо отметить, что в школьной практике изучения кабардино-черкесского «налоевская» система классификации более эффективна – по ней учащиеся легче усваивают временные формы языка. Переориентировать тех из них, кто выбрал в вузе филологию, на более безупречный с грамматической точки зрения вариант не составит труда, поскольку в обоих направлениях количество времен и их грамматические формы совпадают.

Список источников

1. Бижоев Б.Ч. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991. 152 с.
2. Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
3. Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнэцздат, 1932. 142 с.
4. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 240 с.
5. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 216 с.

6. Кабардино-черкесский язык в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
7. Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем и краткою грамматикою. Тифлис, 1890. 300 с.
8. Налоев А.Х. Категория времен кабардино-черкесского языка: автореферат дис... на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 1956. 22 с.
9. Налоев А.Х. К вопросу о категории времен в кабардинском языке // УЗКБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 251–269.
10. Налоев А.Х. Аорист (в кабардинском языке) // УЗКБГПИ. Нальчик, 1958. Вып. 11. С. 115–118.
11. Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды. Том III. Начальные правила кабардинской грамматики. Начальные правила атыхейской грамматики (в вариантах). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 198 с.
12. Турчанинов Г.Ф., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 160 с.
13. Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 н.
14. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 372 с.

References

1. BIZHOEV B.CH. *Prichastiye v adyghskikh yazykakh v sravnitel'nom osveshchenii* [The participle in the Adygh languages in comparative coverage]. Nalchik: Nart, 1991. 152 p.
2. BIZHOEV B.CH. *Grammaticheskiye i leksiko-frazeologicheskiye problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexico-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-Fa, 2005. 352 p.
3. BORUKAYEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Kabardino-Balkarskiy Oblnatsizdat, 1932. 142 s.
4. *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 240 s.
5. *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka*. Chast' I. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. Part I. Phonetics and morphology]. M.: Nauka, 1970. 216 p.
6. *Kabardino-cherkesskiy yazyk v 2-kh t. T. 1. Sozdaniye pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya i sintaksis* [Kabardino-Circassian language in 2 volumes. Vol. 1. Writing, phonetics and phonology, morphology and syntax]. Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr El'-Fa, 2006. 549 s.
7. LOPATINSKY L.G. *Russko-kabardinskiy slovar' s ukazatelem i kratkoyu grammatikoyu* [Russian-Kabardian dictionary with an index and a short grammar]. Tiflis, 1890. 300 p.
8. NALOYEV A.KH. *Kategoriya vremen kabardino-cherkesskogo yazyka: avtoreferat dis... na soiskaniye uchennoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Category of the times of the Kabardino-Circassian language: abstract of thesis ... for the degree of candidate of philological sciences]. Nal'chik, 1956. 22 s.
9. NALOEV A.KH. *K voprosu o kategorii vremen v kabardinskom yazyke* [On the question of the category of times in the Kabardian language]. IN: UZKBGPI. Nalchik, 1957. Issue. 13. P. 251–269.
10. NALOEVA A.KH. *Aorist (v kabardinskom yazyke)* [Aorist (in the Kabardian language)]. IN: UZKBGPI. Nal'chik, 1958. Vyp. 11. S. 115–118.
11. NOGMOV. SH.B. *Istoricheskiye i filologicheskiye trudy*. Tom III. Nachal'nyye pravila kabardinskoy grammatiki. Nachal'nyye pravila atykheyskoy grammatiki (v variantakh) [Historical and philological works. Volume III. The initial rules of Kabardian grammar. The initial rules of the Atyhei grammar (in variants)]. Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2020. 198 s.
12. TURCHANINOV G.F., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. 160 s.
13. URUSOV KH.SH. *Kabardinskaya grammatika* [Kabardian grammar]. Nal'chik: El'brus, 2001. 232 s.
14. YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 372 s.

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhoyev – Doctor of Philology, leading research scientist, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 31.08.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 31.08.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС ЛИТЕРАТУРЭБЗЭМ ЛЪАБЖЬЭ ХУЭХЪУА ШЫПЭБЗЭР (ДИАЛЕКТЫР)

Абазэ Маритэ Мухьэмэд ихъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ ГуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Россия (Урысей), marita.abazova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© М.М. Абазэ, 2021

Аннотацэ. Лэжыгъэр теухуаш къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжэ хуэхъуа шыпIэбзэр гъэналуэным, ар адрей шыпIэбзэхэмрэ (диалектхэмрэ) псэлъэкIэхэмрэ (говорхэмрэ) къазэрэхэщхъэхукIыр къэгъэлыагуэным. Мы темэр джыным бзэшIэныгъэлI куэдым мызэ-мытIэу зыхуагъэзаш. Абыхэм я еплъыкIэ зэхуэмдэхэр тегъэшIапIэ тшIыгуэрэ, ахэр зэдгъапшэрэ, къэдгъэлыагуаш къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжэ хуэхъуа шыпIэбзэр, ар къыхахыным и щхъэусыгуэ хуари статьям къышщыдгъэлыагуаш. Ди мурадыр къыдэхуэлэн папшIэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэр зэрэзэхъэщыкI шыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ къышщыдгъэлыагуаш, ахэр шыпсэу шыпIэм елытауэ фонетикэ, лексикэ, грамматикэ и лъэныкыуэкIэ щхъэхуэныгъэ яIэхэм дыкытеувылаш. Литературэбзэр къышщызэрагъэпэщкIэ лъабжэ хуэхъу шыпIэбзэр IэмалищкIэ зэхагъэкI: бзэм ирипсальэхэм я бжыгъэр, шыпIэбзэм и гугъуагъымрэ абы ирипсальэхэм яIэ зыужыныгъэмрэ. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэр шыIэнымкIэ, ефIэкIуэнымкIэ лъабжэ хуэхъуа Къэбэрдеишхуэ шыпIэбзэм имызакъуэу къэзыухъуреихъ шыпIэбзэ, псэлъэкIэ псэухэми мыхьэнэшхуэ иIэш. Мы статьям нэлурыт ещI адрей бзэхэм хуэдэу литературэбзэр къызытекIа шыпIэбзэм грамматикэм и категорэ псомкIи теухуэу зэрышчымытыр. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм зиужь, ефIакуэ зэпыту йокIуэкI, абы ижъ къащIихуэрэ шыпIэбзэхэми псэлъэкIэхэми зэхъуэкIыныгъэ ягъуэт. Ди статьям япэ дыдэу БищIо Б.Ч. (ф. шI. д.) адыгэбзэкIэ зэридзэкIа бзэшIэныгъэм ехьэлIа фIэшыгъэцIэхэр (терминхэр) къэдгъэсэблурэ къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжэ хуэхъуа шыпIэбзэм дытетхыхъаш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэ, шыпIэбзэ (диалект), псэлъэкIэ (говор), тхыдэ, лексикэ

Цитатэ къызэрхъэлхыну: Абазэ М.М. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжэ хуэхъуа шыпIэбзэр (диалектыр) // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 42–48. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48

Original article

THE DIALECT BASE OF KABARDINO-CIRCISSIAN LITERARY LANGUAGE

Marita M. Abazova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Russia, marita.abazova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© М.М. Abazova, 2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of the dialect basis of the modern Kabardino-Circassian literary language, as well as to the identification of the difference

between the Baksan dialect and other dialects and dialects of the Kabardino-Circassian language. In this study, a comprehensive approach to the assessment and systematization of a wide range of sources on dialectology in general is carried out. The works of Kavkaz scientists who studied various aspects of the problem under study were chosen as a source base. It is noted that the study of dialects and dialects of the Kabardino-Circassian language began only in the post-October years. The main attention was paid to the formation and development of the literary language, the clarification of the dialect composition. It is emphasized that to determine the dialect base of a language, it is necessary to take into account three factors: the number of speakers, the degree of complexity and the level of development of dialect speakers. For the first time, a significant number of new linguistic terms are being introduced into scientific circulation (the list is attached at the end of the article), formed on their own language base, which will replace borrowings from other, mainly Russian, languages. The author is Doctor of Philology B. Ch. Bizhiov. It is concluded that the dialect basis of the Kabardino-Circassian language is the language of the inhabitants of Bolshaya Kabarda.

Keywords: Kabardino-Circassian literary language, dialect, govor, history, vocabulary

For citation: Abazova M.M. The dialect base of kabardino-circassian literary language. *Vestnik KBIGI* = KBiHR Bulletin. 2021; 3 (50): 42–48. (in Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48

Научная статья

ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, marita.abazova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© М.М. Абазова, 2021

Аннотация. Статья посвящена анализу диалектной основы современного кабардино-черкесского литературного языка, а также выявлению отличий баксанского диалекта от других диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. В данном исследовании осуществлён комплексный подход к оценке и систематизации широкого круга источников по диалектологии в целом. В качестве источниковой базы выбраны труды учёных кавказоведов, которые изучали те или иные аспекты исследуемой проблемы. Отмечается, что изучение диалектов и говоров кабардино-черкесского языка началось лишь в послеоктябрьские годы. Формированию и развитию литературного языка, выяснению диалектного состава уделялось основное внимание. Подчеркивается, что для определения диалектной базы языка необходимо учитывать три фактора: число говорящих, степень сложности и уровень развития носителей диалектов. Впервые в научный оборот вводится значительное количество новых лингвистических терминов (список прилагается в конце статьи), образованных на собственной языковой базе, которые заменят заимствования из других, в основном из русского, языков. Автор – доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев. Делается вывод о том, что диалектную основу кабардино-черкесского языка составляет язык жителей Большой Кабарды.

Ключевые слова: кабардино-черкесский литературный язык, диалект, говор, история, лексика

Для цитирования: Абазова М.М. Диалектная база кабардино-черкесского литературного языка // *Вестник КБИГИ*. 2021. № 3 (50). С. 42–48. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-42-48

Щыхухэм я гурыльхэр зэрызэхуауатэ бзэм и къежъапэр, лъабжъэ хуэхъуар, ар зы къэпсэлъыкнэм, тхыклэм тешэныр къызыхэклар къэхутэныр дэтхэнэ бзэм и джкнI мыхъэнэшхуэ зиГэ Iуэхугъуэщ. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэр

зэфIэувэным, зиужыным, абы лъабжьэ хуэхуар гэбелджылыным елэжьащ цIэныггэлIхэу Яковлев Н.Ф. [Яковлев, 1928, 1941, 1948], Турчанинов Г.Ф., Нэгумэ Ш.Б. [Ногма, 1956], Къумахуэ М.И. [Кумахов 1956, 1969, 2006], Шагъыр I. Къ. [Шагиров 1969], КIуаш Т.Х. [Куашева 1969], Мамрэш К.Т. [Мамрешев 1959], Тау Хь.Т. [Тау 1998] сымэ, нэгъуэщIхэри. Зи цIэ кытIуа щIэныггэлIхэм я IэдакгэщIэкIхэм къапытщэу мы статьям къалэн нэхъыщхэу шызыхуэдгъэувыжар иджырей къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжьэ хуэхуа щIыпIэбзэр, бзэщIэныггэм ехьэлIа термин (фIэщыггэцIэ) БищIо Б.Ч. адыгэбзэкIэ зэридзэкIахэр къэдггэсэбэпурэ, дубзыхунырщ.

Литературэбзэмрэ абы лъабжьэ хуэхуа щIыпIэбзэмрэ зэщхэщыкIыныггэ гуэрхэр ялэщ. Литературэбзэхэр къыщызэраггэпэщIэ зэпхауэ щыт, нэхъ зыпэгунэгъу, лъабжьэ яхуэхуэ щIыпIэбзэр зэхэггэкIыныр Iуэху тыншккъым. Ар бггэнахуэн щхээкIэ, псом япэу къэлгытапхэщ: 1) щIыпIэбзэхэм ирипсальгэ цIыхухэм я бжыггэр; 2) щIыпIэбзэхэм я фонетикэм и системэмрэ грамматикэм (бзэхабзэм) и системэмрэ я гуггъаггыр; 3) политикэ, экономикэ, щэнхабзэ и лъэныкъуэкIэ щIыпIэбзэм ирипсальгэ цIыхухэм я зэхэщIыкIыр здынэсыр.

ТхыггэжыкIыбзэхэм я тхыдэм къызэрэхэщыжымкIэ, литературэбзэр икIэм нэсу зэфIэувэным земанышхуэ ехь. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэр тхыггэщIэбзэ гупым хохьэ, ноби икIэм нэсу зэфIэувауэ убж хьунуккъым. И зтеуэвэкIэкIэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэр адрей бзэхэм пэггунэггущ. Литературэбзэр езыггэфIакIуэр, зэхуэкIыныггэ езыггэггэуэтыр зижь къыщIихуэ щIыпIэбзэхэмрэ псэлгэкIэхэмрэщ. Абы ипкь иткIэ жыпIэ хьунуэщ къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэр щыIэнымкIэ, ефIэкIуэнымкIэ мыхьэнэшхуэ иIэу, лъабжьэ хуэхуа Къэбэрдеишхуэ щIыпIэбзэм имызакъуэу къзыухуэрейхь щыпIэбзэ, псэлгэкIэ псэухэми. Дэтхэнэ тхыггэщIэбзэм дежкIи, псом хуэмыдэу лексикэр, литературэ мардэ лIэужыггэуэхэр хэтыныр тэмэмщ, а псальгэ земыхьэнэггухэм бзэр яггэдахэ, нэхъ къулей ящI.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэр зэщхэщокI бахьсэн (къэбэрдеишхуэ), бесльэней, псыжь, мээдггуэ щIыпIэбзэхуэ, псыжь-инжыдж, балгькь, джылахьстэней псэлгэкIэхэри къыхаггэкI.

Къэбэрдеишхуэ (бахьсэн) щIыпIэбзэм ирипсальгэхэм я бжыггэр адрей щIыпIэбзэ псори зэхэту ирипсальгэхэм нэхьрэ нэхьыбэщ. Ахэр щопсэу Къэбэрдей-Балгькьэр Республикэм и Дзэлыкъуэ, Бахьсэн, Прохладнэ, Аруан, Шэрджэ, Шэджем, Лэсчэн куйхэм, балгькь псэлгэкIэм ирипсальгэхэр хэмыту (иужьрейхэр Къэбэрдей-Балгькьэр Республикэм и Хьэжхьэблэ, Бэтэх, ЕтIэкъуэ къуажэхэм щопсэу). Е 19-нэ лIэщыггэуэм и пэщIэдзэм балгькь псэлгэкIэм ирипсальгэхэр, къэбэрдей адыгэхэм пэлэщIэу, Бещтау, Мэшыкъуэ бгыхэм деж щыпсэуащ. А щIыпIэм щыпсэуа абазэхэм я бзэм ижь къыщIихуащ балгькь псэлгэкIэм, псом хуэмыдэу ар къыхошч фонетикэ системэм. Тхыдэм къызэрэхэщыжымкIэ, 1825–1830 ггэхэм Малкэ къуажэм къэлэпхуэжа нэужькIи абазэбзэм къыхэкIыу балгькь псэлгэкIэм къыхыхьа щхэухэныггэхэр къызэтенащ [Таов 1998: 7].

Къэбэрдеишхуэ щIыпIэбзэр и зэхэлыкIэ елытауэ адрей адыгэ щIыпIэбзэхэм куэдкIэ къащхэщокI. Псом хуэмыдэу абы пэжыжьэщ бесльэней щIыпIэбзэр, абы къыщокIуэ адыггэздаибзэм хэта, жьы хуа, къамыггэсэбэпыж фонемэхэр. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм лъабжьэ хуэхуэн хуей щIыпIэбзэр щаубзыхум бесльэней, псыжь щIыпIэбзэхэм яIэ щхэухэныггэхэр Iуэхум къыхалгытаккъым. Зи цIэ кытIуа щIыпIэбзэхэм ирипсальгэхэр, япэрауэ, я бжыггэкIэ куэдкIэ нэхъ мащIэт, Къэбэрдеишхуэ щIыпIэбзэм ирипсальгэхэм нэхьрэ; етIуанэрауэ, Къэбэрдей-Балгькьэр Республикэм псыжь, бесльэней щIыпIэбзэхэм ирипсальгэ щыпсэуккъым. Псыжь щIыпIэбзэм ирипсальгэхэр хеубыдэ Адыгей Республикэм, бесльэней ирипсальгэхэр – Къэрэшей-Шэрджэс Республикэмрэ Краснодар краймрэ. Нэхьыбэу Къэбэрдейм щыпсэур къэбэрдей адыгэхэрщ [Бижоев, Кумыкова, Тимижев 2013], зэрыпсальгэри зы щIыпIэбзэщ.

Джылахъстэней псэлъэкIэм тетхэм Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэм и зы Iыхъэ яубыд. А псэлъэкIэр и зэхэлъыкIэкIэ куэдкIэ къыщхъэщыкIырккъым бахъсэн щыпIэбзэм [Куашева 1954]. Аращ къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм Къэбэрдеишхуэм шыпсэухэм я псэлъэкIэр лъабжъэ щыIуащIар.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и мардэм ехъэлIауэ шыIэ Iуэхугъуэ зэIумыбзхэр шызэхагъэкIэ щыпIэбзэхэр зэрызэщхъэщагъэкIхэр сэбэп мэхъу. Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэр тэмэму зэфIэувэным, зиужьынымкIэ мыхъэнэшхуэ иIащ Къэбэрдеишхуэ псэлъэкIэмрэ Къэбэрдей ЦIыкIу (Джылахъстэней) псэлъэкIэмрэ зэщхъэщыкIыныгъэшхуэ зэрамыIэмрэ адреи къэбэрдей-шэрджэс щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ ирипсальэхэр щыналъэкIэ абыхэм зэрапыIудзамрэ. Ауэ япэу тхыбзэ шызэхалъхъэм бзэм и мардэм ехъэлIа Iуэхугъуэ куэд зэхэмыкIауэ къэнащ, абы шыщцI фIэщыгъэцIэхэм, пэжырытхэм, пэжырыпсальгэм ехъэлIахэр.

Грамматикэ и лъэныкъуэкIэ къэбэрдей-шэрджэс щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ зы лъэныкъуэкIэ консервативнэщ, адреи лъэныкъуэмкIэ – инновационнэщ. ЩыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ къахэнащ адыгъэзэдаибзэм хэта зэуэкI грамматикэ категорэр. Абыхэм ящыщцI зыхъуэж псалъэзешэм и закъуэ бжыгъэр –мэ-кIэ бахъсэн [Мамрешев 1959], мээдэгу [Куашева 1969], псыж [Кумахов 1957] щыпIэбзэхэм къызэрыщагъэлягъуэр. Форматив –мэ-р Нэгумэ Шорэ, Тамбий Пагуэ сымэ я щыпIэбзэ текстхэм куэдрэ къыхохуэ. Нэгумэ Шорэ –м, –мэ-хэмкIэ зыхъуэж псалъэзешэм и закъуэ бжыгъэр къегъэлягъуэ: *ябгэ-м желэ, лыхъу-мэ зыресэ*, н. [Ногмов 1956: 97, 105].

Къэбэрдей-шэрджэс щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ къыщокIуэ пщIырыбжэмрэ тIощIырыбжэмрэ. БжэкIитIри зэуэ къагъэсэбэпу мащIэрэккъым дыщрихъэлIэр: *тIощIрэ пщIырэ, цэщI*, н.

Къэрэшей-шэрджэсым ис адыгэхэр зэрыпсальгэ бзэм фонетикэ, грамматикэ, лексикэ я лъэныкъуэкIэ щхъэхуэныгъэхэр иIэщ [Кумахов 1957: 118, 119]. Абыхэм я щыналъэр къэбэрдей адыгэхэм япыIудзащ. Тхыдэм къызэрыхъщымкIэ, шэрджэсхэр псори, бесльэнейхэм къыщынэмыщIа, Къэбэрдеишхуэм шыпсэуащ, абы къиIэпхъукIауэ аращ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, ахэри къэбэрдей адыгэхэщ. Совет лъэхъэнэм Къэрэшей-Шэрджэсыр субъект щхъэхуэу къыхагъэщхъэхукIа нэужь, ахэм «шэрджэс» фIэщыгъэцIэр (дуней псор адыгэхэм къызэреджэр) яIэ хъуащ. Шэрджэсхэмрэ къэбэрдей адыгэхэмрэ зы литературэбзэу шытми, шэрджэсхэм я псэлъэкIэм бесльэней щыпIэбзэмрэ къабгъэдэс лъэпкъхэмрэ яжъ къыщIэху. Ар къызыхъщыр жъабзэм и закъуэккъым, атIэ шэрджэс тхакIуэхэм я тхыгъэхэми ар я нэщэнэщ [Багов 1968].

Шэрджэсхэм я деж къыщыдэкI газетым, нэгъуэщI тхыгъэхэм, лэжыгъэхэм, шэрджэс усакIуэхэмрэ тхакIуэхэмрэ я бзэм, я тхыгъэхэм къыщагъэсэбэп литературэбзэм и мардэм кърымгубыдэ зыкъом. Апхуэдэхэщ:

1) мыхъуныгъэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжыгъэцIэхэм лъабжъэужь –р-р къэту, псальгэм папщIэ: *хуэхъ//къым – хуэхъырккъым, итх//къым – итхырккъым*;

2) лэжыгъэцIэ превербхэм нэгъуэщI мыхъэнэ кърагъэкIу: *текIын – дэкIын* «зыщIыпIэ кIуэн», *хэжын – дэжын* «зыгуэрэм я зэхуакум дэжын», н;

3) жы хъуа гъэпсыкIэ иIэу лъабжъэужь –рэ къагъэсэбэп: *иджырэ къыздэсым*;

4) гъэзэщIэнымрэ хэгъэхъуэнымрэ тIуми куэд бжыгъэ лъабжъэужь – хэ хэту: *Кхъухълатэм бомбэхэр къызыкIэлыриутIыпщхъэхэщцI. Егъ. къызэкIэлыриутIыпщхъэхэщцI.*

5) синоним зэхыхъэ *кIуащ мыхъумэ, пылъащ мыхъумэ* жыхуиIэхэм хуэдэхэр;

6) къэбэрдей адыгэхэм къамыгъэсэбэп псальгэ къэгъэхъукIэ моделхэр: *зэпыгъэзын – гъэзэн, убзыщIын – бзыщIын, ирикIэпхын – кIэрыпхэн*, н.

Лексикэ и лъэныкъуэкIэ щхъэхуэныгъэхэр иIэщ шэрджэс адыгэхэм я бзэм, ахэм адыгей литературэбзэм нэхъ пэгъунэгъу ищIу, псальгэм папщIэ:

шэрджэс адыгэхэр	адыгейбзэ	къэб. адыгэ
<i>бзыльхугъэ</i>	<i>бзыльфыгъэ</i>	<i>цIыхубз/ бзыльхугъэ</i>
<i>хульхугъэ</i>	<i>хульфыгъэ</i>	<i>цIыхухъу/ лIы</i>

<i>щыпкьэ</i>	<i>шьыпкьэ</i>	<i>пэж</i>
<i>нэлуасэ</i>	<i>нэлуас</i>	<i>нэлуасэ / хэгьэрей</i> [КЧЯ, 17].

Шэрджэс адыгэхэм я псэльэкIэм кыыхэнаш литературэбзэми адреи щыпIэбзэхэми дызыщримыхэлIэж лексикэ пкыыгуэхэр. Хамэбзэ псалъэхэм кызыыхэкIа бзэм щалэ мыхьэнэм ехэлIауэ зэшхьэщыкIыныгыэхэм дрохьэлIэ. Зэгъапщэ: шэрдж. *чэф* «нэжэгужэ» мыхьэнэ иIэу, *чэфын* «нэшхьыфIэн, гушыIэн», тырку. *keyif* «нэжэгужэу». Литературэбзэм мыр зэрыхэтыр «*фадэ ефа*» мыхьэнэ иIэуш.

ИщхьэкIэ кызырыхэщщи, шэрджэсхэм я деж литературэбзэм убгьуауэ кышыхохьэ я деж щекIуэкI псэльэкIэхэм хэлъ щхьэхуэныгыэхэр. Ахэр яхыболъагьуэ тхыбзэми, кьекIуэкI жьабзэми.

Литературэбзэр щыпIэбзэхэмрэ псэльэкIэхэмрэ я мардэм кызыэрытрашыр бзэм и кьат псоми яльоIэс. Абы щыгьуэми щхьэхуэныгыэхэр зэрызаубгьу ильэныкьуэкIэ зэхуэдэкьым. Языныкьуэхэр щыпIэ Iуэз хэхахэрщ кышчыкIуэр, адреихэм нэхъ щынальгэшхуэ кызыэщIаубыдэ.

ПсэльэкIэ, щыпIэбзэ зекIуэхэм яж литературэбзэм кызыэрыщIихум хуэдэу, езылитературэбзэми зэхуэжкIыныгыэ яреггэгьуэт щыпIэбзэхэмрэ псэльэкIэхэмрэ.

Адыгэзэдаибзэр зэкьуэуда, адыгэхэр зэпэлэщIэ зэрыхуам кьрикIуа щыпIэбзэхэр литературэбзэм зэпэгьунэгьу ещIыж. Ауэ а Iуэхугьуэр щыпIэбзэ, псэльэкIэ псоми зэхуэдэу щекIуэкIыркьым, ар зэлыгтар бзэщIыб IуэхугьуитIырщ: 1) а щыпIэбзэм е псэльэкIэм ирипсалъэ цыыхуэм я бжыгьэрщ; 2) литературэбзэр кышцагьэсэбэп щыпIэм и инагьырщ.

Кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм и псыжь щыпIэбзэм адыгеибзэм ижь куэдэу кышIеху. Псыжь лъэныкьуэ щыпсэу адыгэхэр бзитIкIэ мэпсалъэ: адыгэбзэрэ адыгеибзэрэкIэ, ауэ я литературэбзэр – адыгеибзэрщ. Адыгей литературэбзэм хуэдэу, псыжь щыпIэбзэм бзэгупэ макъ дэкIуашэ укьуэдия льылъыль щабэри бзэгупэ макъ дэкIуашэ укьуэдия льылъыль пхьашэри кышчокIуэ. Псалъэм папщIэ: *шы, шьэ, ажэ, кIуэжын*, н. Кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэми, кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм и щыпIэбзэхэми, и псэльэкIэхэми макъ дэкIуашэ укьуэдия льылъыльхэр «щабэ – пхьашэ» нэшэнэкIэ щызэшхьэщыкIыркьым.

Материалхэм кызырыхэщымкIэ, псыжь щыпIэбзэм кышчыкIуэ макъ дэкIуашэ укьуэдия льылъыль пхьашэхэр нэхъ иужькIэ кьэхуа Iуэхуш. Абы и щыхьэтщ *ж:жь, ш:шь* зэпэувыныгыэхэр щыпIэбзэм мыхьэнэзэхэху зэрыщымыхьур. Мыр псыжь щыпIэбзэм зэрызиужь бзэщIыб Iуэхугьуэу араш, нэгьуэщIу жьпIэмэ, адыгей литературэбзэм и фонетикэ системэм ижь кышIихуныгьэм кышаш. Адыгеибзэм макъ дэкIуашэ укьуэдия льылъыльхэри макъ дэкIуашэ зэхэтхэри щабэрэ пхьашэу щызэшхьэщокI.

Кыыхэгьэщыпхьэщ, щыпIэбзэхэмрэ псэльэкIэхэмрэ зэпэлэщIэу зышцаужьа зэман кIыхьым кьриубыдэу абыхэм адыгэзэдаибзэм хэлъа хьэл-щэн куэд нэхъ хьума зэрышыхуар, кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм елыгтауэ.

Бзэм хэт псалъэхэми, гьэпсыкIэхэми увьIэгьуэ имыIэу захьуэж, ефIакIуэ зэпыту йокIуэкI. ЩыпIэбзэхэмрэ псэльэкIэхэмрэ зы щытыкIэм зэрытемытыр епхаш бзэкIуэщI кьэхьугьэхэм я мызакьуэу бзэщIыб Iуэхугьуэми.

Литературэбзэм и жьауэм щIэмыт щыпIэбзэхэмрэ псэльэкIэхэмрэ зэхуэжкIыныгыэ щIагьуэ ямыгьуэту зэрышчытым хуэдэу кызыэтонэ. Апхуэдэщ мээдэгу щыпIэбзэр, абы ирипсалъэхэр щынальгэкIэ кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм ирипсалъэхэм пыIудзащ. Джылахьстэней, балъкь псэльэкIэхэм, абы емыщхьу литературэбзэм ижь кышIеху, абы кьэхэкIыуи яхэлъ щхьэхуэныгыэхэр хуэмурэ яфIокIуэд, мээдэгу щыпIэбзэр, зэрыжытIащи, кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм нэхъ пэлэщIэ хьу зэпытщ.

Мы статьям щIэуэ кышчыдгьэсэбэпа фIэщыгьэщIэхэр:

говори – псэльэкIэ
грамматика – бзэхабзэ

диалект – щытIэбзэ
 дополнение – хэгъэхъуэн
 кубано-зеленчукские говоры – псыжъ-инжыддж псалъэкIэхэр
 малкинский говор – балъкъ псалъэкIэ
 младописьменный язык – тхыгъэщIэбзэ
 общеадыгский язык – адыгэзэдаибзэ
 падежная система – псалъэзешэ системэ
 письменность – тхыбзэ
 разговорная речь – къекIуэкI жъабзэ
 синонимичные слова – псалъэ зэмышъэнэгъу
 сказуемое – гъэзэщIэн
 склонения – зэуэкI
 старописьменный язык – тхыгъэжъыбзэ
 суффикс – лъабжъэужъ
 термин – фIэщыгъэцIэ
 шипящие звуки – лъылъыль макъхэр
 экстралингвистический фактор – бзэщIыб къэхъугъэ
 эргативный падеж – зыхъуэж псалъэзешэ

ТегъэщIапIэхэр Список источников

1. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968.
2. Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимизев Х.Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.
3. Кабардино-черкесский язык. В двух томах, том I / гл. редактор М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.
4. Куашева Т.Х. Особенности терских говоров кабардинского языка. Канд. дисс. М., 1954.
5. Куашева Т.Х. Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. С. 119–190.
6. Кумахов М.А. К вопросу о классификации адыгских диалектов // Уч. зап. КБГУ, вып. 2. Нальчик, 1957.
7. Мамрешев К.Т. Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик, 1959.
8. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I. Нальчик, 1956.
9. Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Ред. д. ф.н. М.А. Кумахов. Нальчик, 1969. 330 с.
10. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Науч. доклад на соискание уч. ст. д.ф.н. Нальчик, 1998. 52 с.
11. Шагиров А.К. Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. С. 290–316.
12. Яковлев Н.Ф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941.
13. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. С. 314–344.
14. Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков. Сб.: «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института». Т. I. Ростов-на-Дону, 1928.

References

1. BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory kabardino-cherkesskogo yazyka* [Kuban-Zelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik, 1968.
2. BIZHOEV B.CH., KUMYKOVA D.M., TIMIZHEV H.T. *Uchebnyj russko-kabardino-cherkesskij slovar'* [The educational Russian-Kabardino-Circassian dictionary]. Nal'chik: El'brus, 2013. 848 s.
3. *Kabardino-cherkesskij yazyk. V dvuh tomah, tom I. gl. redaktor M.A. Kumahov* [Kabardino-Circassian language. In two volumes, volume I. chief editor M.A. Kumakhov.] Nal'chik: El'-fa, 2006. 548 s.

4. KUASHEVA T.H. *Osobennosti terskih govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Kand. diss. M., 1954.
5. KUASHEVA T.H. *Terskie govory* [Terek dialects]. IN: Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik, 1969. S. 119–190.
6. KUMAHOV M.A. *K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov* [On the issue of classification of Adyghe dialects]. IN: Uch. Zap. KBGU, vyp. 2. Nal'chik, 1957.
7. MAMRESHEV K.T. *Osobennosti baksanskogo dialekta kabardinskogo yazyka* [Features of the Baksan dialect of the Kabardian language]. Nal'chik, 1959.
8. NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy*. T. I. [The philological works]. Nal'chik, 1956.
9. *Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii*. Red. D. f.n. M. A. Kumahov [Essays of Kabardino-Circassian dialectology. Ed. By D. F. N. M.A. Kumahov.] Nal'chik, 1969. 330 s.
10. TAOV H.T. *Problemy kabardino-cherkesskoj dialektologii* [Problems of Kabardino-Circassian dialectology] Nauch. Doklad na soiskanie uch. St. d.f.n. Nal'chik, 1998. 52 s.
11. SHAGIROV A.K. *Malkinskij govor* [Malkin dialect]. IN: Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik, 1969. S. 290–316.
12. YAKOVLEV N.F. *Grammatika adygejskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. M.-L., 1941.
13. YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.-L., 1948. S. 314–344.
14. YAKOVLEV N.F. *Kratkij obzor cherkesskih (adygskih) narechij I yazykov* [A brief overview of Circassian (Adyghe) dialects and languages]. IN: Sb.: «Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo institute». T. I. Rostov-na-Donu, 1928.

Информация об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.M. Abazova – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian language sector.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья
УДК 811.352
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56

**О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ
МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Анджела Анатольевна Афаунова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© А.А. Афаунова, 2021

Аннотация. В статье представлены результаты исследования междометных фразеологизмов кабардино-черкесского языка. Основная цель работы заключается в анализе и типологизации междометных фразеологических единиц указанного языка, установление их смысловых значений и способов образования. Актуальность исследования обусловливается тем фактом, что в адыгских языках отсутствуют работы по данной теме. Новизна видится в обстоятельном изучении и классификации междометных фразеологических единиц кабардино-черкесского языка. Для достижения цели осуществлен обзор ведущих исследовательских работ по разрабатываемой теме. В своем исследовании мы проводили следующие методологические операции: описание, научный, грамматический анализ, сравнение, сопоставление, классифицирование.

В статье представлена авторская классификация МФЕ кабардино-черкесского языка по нескольким критериям. Доказано, что МФЕ обладают такими же функциями и характеристиками, что и междометия и фразеологические единицы: они выражают эмоции и чувства; не являются членами предложения; по значению совпадают с высказыванием; обладают повышенной эмоциональностью; являются определителем национальной специфики, культуры и истории каждой этнической группы. Они могут вступать в синонимические ряды, как и самостоятельные слова, и соответствуют предъявляемым к подобным единицам требованиям: выражают одно понятие, взаимозаменяемы, соответствуют эмоциональному содержанию.

Ключевые слова: междометие, фразеологизм, междометные фразеологические единицы, кабардино-черкесский язык, классификация

Для цитирования: Афаунова А.А. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 49–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56

Original article

**ABOUT LINGUISTIC STATUS
INTER-CLOTHING PHRASEOLOGICAL UNITS
IN KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE**

Angela A. Afaunova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7560-6985

© А.А. Афаунова, 2021

Abstract. The article presents the results of the study of interjection phraseological units of the Kabardino-Circassian language. The main goal of the work is to analyze and

typologize the interjection phraseological units of the specified language, to establish their semantic meanings and methods of education. The relevance of the study is due to the fact that there are no works on this topic in the Adyghe languages. The novelty is seen in a thorough study and classification of interjection phraseological units of the Kabardino-Circassian language. To achieve the goal, a review of leading research works on the topic under development was carried out. In our research, we carried out the following methodological operations: description, scientific, grammatical analysis, comparison, juxtaposition, classification.

The article presents the author's classification of the MFE of the Kabardino-Circassian language according to several criteria. It has been proven that MFE have the same functions and characteristics as interjections and phraseological units: they express emotions and feelings; are not members of the proposal; coincide in meaning with the statement; have increased emotionality; are a determinant of the national identity, culture and history of each ethnic group. They can enter into synonymous ranks, like independent words, and correspond to the requirements for such units: they express one concept, are interchangeable, correspond to emotional content.

Keywords: interjection, phraseological unit, interjection phraseological units, Kabardino-Circassian language, classification

For citation: Angela A. Afaunova. About linguistic status inter-clothing phraseological units in Kabardino-Cherkess language. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2021. № 3 (50): 49–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56

Как показывают многолетние исследования ведущих лингвистов, во всех языках в большом количестве присутствуют устойчивые выражения – фразеологизмы. В каждой разновидности языков есть свои специфические отличительные черты фразеологических единиц (далее ФЕ) (лексические, семантические, синтаксические, грамматические). Их индивидуальность, своеобразность связаны с этническими, национальными особенностями.

Привлечение ФЕ в коммуникативный процесс всегда оправдано, т.к. является незаменимым способом обогащения языка. Следует отметить, что создание и применение ФЕ неподвластно времени: в современной речи встречаются как архаичные, так и модифицированные или же совершенно новые единицы.

Порядок построения фразеологизмов связан со словарным запасом языка, с историческими, культурными событиями определенного народа. Во фразеологизмах в большей степени «сконцентрирована национальная самобытность адыгской культуры», которая вносит существенный вклад в развитие лексико-семантической системы языка [Токмакова 2020: 115].

Объектом нашего исследования стали междометные фразеологические единицы (далее МФЕ) кабардино-черкесского языка. Наш выбор темы мотивируется тем фактом, что, хоть они и обладают теми же свойствами и функциями, что и другие категории ФЕ (образностью, экспрессивностью, переносным значением и т.д.), в них можно найти определенные черты и особенности, нуждающиеся в значительном анализе. Отличительной чертой МФЕ выступает способность выражения эмоционального состояния субъекта речи и его отношение к происходящему. Подобно обычным междометиям, МФЕ усиливают эмоциональность высказывания.

Есть немало работ, посвященных разработке устойчивых единиц как в кабардино-черкесском, так и в родственных языках. Проблема состоит в том, что по кабардино-черкесскому языку нет исследовательских работ по углубленному изучению МФЕ. Тем самым формируется основная **цель** нашей статьи: анализ, систематизация, классификация МФЕ кабардино-черкесского языка.

Для решения цели в статье ставятся следующие задачи: 1. Определить основные особенности МФЕ кабардино-черкесского языка; 2. Систематизировать и классифицировать МФЕ кабардино-черкесского языка; 3. Определить грамматические особенности построения МФЕ.

Научная **новизна** представленной работы заключается в подробном анализе и типологизации фразеологического материала кабардино-черкесского языка с

использованием междометных слов (подобные исследования по адыгским языкам еще не проводились).

Основными **источниками** в изучении МФЕ стали следующие работы: Б.М. Карданов «Фразеология кабардинского языка» [Карданов 1973]; Б.Ч. Бижоев «Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка» [Бижоев 2005], «Кабардино-черкесский язык». В двух томах. II том [Кабардино-черкесский язык 2006] и др.

Иллюстративный материал выбирался из словарей: «Кабардинско-русский фразеологический словарь». Составитель Б.М. Карданов [Карданов 1968]; Х.Т. Табухов «Школьный русско-кабардино-черкесский фразеологический словарь» [Табухов 1997]; Бэрбэч Б.Ч., Бищло Б.Ч., ИутЫж Б.Къу. «Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалгэ» (Б.Ч. Бербеков, Б.Ч. Бижоев, Б.К. Утижев «Словарь фразеологизмов кабардино-черкесского языка») [Бэрбэч, Бищло, ИутЫж 2001].

В адыгских языках пласт фразеологизмов представлен также широко как и в других языках, в процессе образования которых фигурируют практически все части речи, что вызывает огромный интерес у лингвистов. По кабардино-черкесскому языку имеются несколько исследований, которые направлены на разработку теоретических основ фразеологии. Самыми значительными являются работы Б.М. Карданова «Кабардинско-русский фразеологический словарь» [Карданов 1968], «Фразеология кабардинского языка» [Карданов 1973], где впервые был проведен анализ семантических особенностей, грамматической, структурной и типологической классификации ФЕ. Данные работы легли в основу становления адыгской фразеологии. Затем издавались и другие научные труды лингвистов, которые продвигали и развивали теорию фразеологии. В частности, А.Г. Емузов «Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка» [Емузов 1986]; М.Л. Апажев «Современный кабардино-черкесский язык. Лексикология. Лексикография» [Апажев 2000]; Б.Ч. Бижоев «Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка» [Бижоев 2005] и т.д. Но, к сожалению, ни в одном из изданий не проводились углубленные исследования ФЕ, образованных от междометий или выполняющих в предложении функцию междометий.

Под термином **междометных фразеологических единиц** понимаются устойчивые словосочетания, утратившие свое первоначальное значение и выполняющие функции междометий в предложении или же ФЕ, образованные с помощью междометных слов. Они относятся к производным (вторичным) междометиям.

МФЕ и междометия и семантически, и функционально, и синтаксически имеют идентичное назначение: выражают эмоции и чувства; не являются членами предложения; хоть и стоят обособленно, полностью совпадают по общему значению с высказыванием. Тем не менее, обладают теми же признаками и функциями, что и фразеологизмы.

МФЕ, бесспорно, выполняют огромную роль в выявлении национальных и культурных особенностей. В их семантике находят отражение продолжительное историческое, культурное, общественное развитие народа, определенные обычаи, установки, традиции, культовые лица, персонажи, герои, отображают мировидение, мироощущение людей. Они являются конвенциональными языковыми средствами, специфичными для определенного этноса, и для их полноценного использования, автор речи, по меньшей мере, должен их знать. При этом необходимо учитывать этнолингвистические, гендерные, возрастные, транскрипционные, грамматические особенности языка (Афаунова 2020: 27).

Междометные фразеологизмы, как и ФЕ, не могут создаваться в речи каждый раз, они являются несвободной, уже существующей в языке неизменяемой

формой, целостной фразой со своим грамматическим составом и лексическим значением. Самым главным является то, что они извлекаются и воспроизводятся из глубин памяти человека как целостные и готовые выражения с устойчивым значением и неизменяемым словарным составом.

МФЕ кабардино-черкесского языка таким же образом, как и другие группы ФЕ, могут составлять синонимические ряды, отвечающие определенным требованиям: быть взаимозаменяемыми, относиться к одной и той же части речи, выражать одно понятие, соответствовать эмоциональному содержанию. Например: **зи унагъуэр бэгъуэн** – *зинэ мыгъуэкIэ къальхуа, зинэуэ цIыху, а (е) зиунагъуэрэ, а зи унагъуэр багъуэу тIысыжын, е зи унэр бэгъуэн, е зиунагъуэбжэр хуэзыцIыжын*, и др. (выражают возмущение, негодование, упрек); **дыдыд мыгъуэ** – *дыдыд гуцэ, дыдыд (дыдыдыжъ) Iей мыгъуэ, гуIэгъуэ мыгъуэ(ти), а дунеижъ мыгъуэ!, а мыгъуэ, а сылэ мыгъуэцэрэт, а сымыгъуэ (зэрабг)* (выражают ужас, негодование, боязнь, испуг); **гъуэгу мыгъуэм ежъэнхэ** – *ель ар!, ель абы!, елрэр ар, ай анэсын, е гъуэгу махуэм ежъэн, гъуэгу мыгъуэрэ, гъуэгу мыгъуэм ежъэныжъ, пу алаурсын, пу нэлат* (выражают осуждение, упрек, возмущение); **ахъай мыгъуэ** – *ахъей жынIэн* (выражают утверждение); **алыхъым и шыкуруц** – *алыгъэ шыкур, алыхъым и шыкуркIэ, уэху жынIэн (жыIэжын)* (выражают успокоение, удовлетворение); **айдэ маржэ** – *маржэ хъун, маржэ хъужын, маржэ хъужыххэн, хъэхъей маржэ, хъейдэ маржэ* (призыв к чему-л.) и др.

Как говорилось выше, в кабардино-черкесском языке о МФЕ упоминается вскользь в числе примеров к разным категориям ФЕ или же не упоминается вообще. Поэтому, здесь мы не находим какой-либо классификации. Тем самым, приведем свое видение на систематизирование МФЕ на основе классификаций, приведенных в трудах русских языковедов [Виноградов 1977, Шанский 1987, Телия 1996].

Все междометные фразеологизмы кабардино-черкесского языка, можно разделить на две группы: **активные** и **пассивные**. МФЕ первой группы составляют общеизвестные, активно и массово используемые в повседневной речи выражения. В пассивные МФЕ, наоборот, включены архаизмы или неологизмы, которые уже не используются или используются редко. Например, среди пассивных такие устаревшие выражения как: *а нэлат* – выражает недовольство; *алыхъри теурэтри гъэпцIын, амыщу си тхъэмыгъэпцI, джэлэсым и цIэкIэ цысIуэниц* – клятвенные слова; *бэзэр босын* – пожелание удачной продажи на базаре; большинство приветственных слов с элементом *апций* (*бэв апций, бэвыхъ уху апций, бэвыцэ апций!, мэкъу бэв апций, мэкъумахуэ апци, мэши бэв апций, гъуэгужъ апций*) и т.д.

Активными считаются следующие: *алыхъ мыгъуэ, ана мыгъуэ, а бетэмал, гуIэгъуэ (мыгъуэ), еуей мыгъуэ, гуIэгъуэжъ мыгъуэ(ти)* – выражают горе, испуг, переживание; *гъуэгу махуэ* – «счастливого пути»; *ель ар!, ель абы!, зи унагъуэр бэгъуэн* – выражают недовольство, осуждение; *алыхъым и шыкуруц* – выражают облегчение; *пу мэшэлыхъ* – «чтоб не сглазить»; *уи/фи пцыхъэцхъэ фIы ухуэ* – «добрый вечер», *(уи/фи) пцэдджыжъ фIыуэ, фи пцэдджыжъ фIы ухуэ!* – «доброе утро» и т.д.

МФЕ могут образовываться двумя способами: с участием междометий и без участия самих междометий (т.е. выражения, перешедшие в разряд междометий). Например, в первую группу входят: **а дунеижъ мыгъуэ!, а мыгъуэ, аитI бетэмал, ай джыдэ, еуей мыгъуэ, ну мэшэлыхъ, тобэ Iестофрилэхъ** и т.д. Без междометий: *алыхъ гуцэ, алыхъым и цIэкIэ соIуэ, зи унагъуэр бэгъуэн, тхъэр зыгъэпэжын, уанэ махуэр тезыльхъэн, уанэ махуэ хъун* и т.д.

В зависимости от того, с помощью каких частей речи образованы МФЕ, их можно разделить на несколько групп:

1. Единицы, образованные с помощью междометий:

а) междометие + междометие: *тобэ Iестофрилэхъ, пу алаурсын, пу мэшэлыхъ, Iэу зиунагъуэрэ.*

б) междометие + другая часть речи: *ай-е-ей мыгъуэ*, *алей гуцэ*, *еуей мыгъуэ* (междометие + частица), *уэу алыхь* (междометие + существительное), *хьэхьей-тэтей жаIэу*, *хьет жригъыIэу*, *уей-уей жригъыIэу* (междометие + деепричастие), *уей-уей жезыгъыIэ* (междометие + причастие), *си тобэц* (местоимение + междометие), *сымыгъуэ Iей* (междометие + прилагательное), *уэуэур и махуэн*, *уэуэур и махуэу* (междометие + местоимение + существительное), *уэуитI гъэшыи* (*кыишыи*), *хьет жеггэIэн*, *уей-уей жеггэIэн*, *тобэ црехъу*, *тобэ къэхьыжын*, *уэху жыIэн* (*жыIэжын*), *маржэ хъун* (*хъужыххэн*) (междометие + глагол), *уэху алыхь жеггэIэн*, *уэху алыхь жыIэжын* (междометие + существительное + глагол) и т.д.

2. Единицы, образованные без участия междометий:

а) выражения с глаголом: *тхьэр зыггэпэжын* (существительное + глагол), *алыхьыр нахуэу гъэпцIын* (существительное + наречие + глагол), *зи унагъуэр бэгъуэн*, *зи лэужь бэгъуэн* (местоимение + существительное + глагол), *зи унагъуэр багъуэу тIысыжын* (местоимение + существительное + наречие + глагол), др.

б) выражения с существительным с участием других частей речи кроме глагола: *алыхь мыгъуэ*, *алыхь гуцэ* (существительное + частица), *зинэуэ цIыху* (наречие + существительное), *зи чытап* (местоимение + существительное), *тхьэуэ дыкхэзыггэцIа* (существительное + причастие), *алыхь лъэц* (существительное + прилагательное) и т.д.

в) клятвенные выражения, состоящие из различных частей речи: *тхьэр Iуэн* (*соIуэ*), *алыхьыр* (*азэлыхьталэр*) *соггэпцI*, *тхьэ дыгъыIэ* (*сыгъыIэ*), *тхьэр зггэпцIац* (*соггэпцI*) (существительное + глагол); *тхьэр* (*алыхьыр*, *азэлыхьыр*) *нахуэу соггэпцI* (существительное + наречие + глагол); *алыхьым* (*азэлыхьым*, *тхьэм*) и *цIэкIэ соIуэ* (существительное + местоимение + существительное + глагол); *тхьэуэ мор зи уафэ* (существительное + местоимение + местоимение + существительное), и др.

3. Приветственные слова, образованные с помощью слова *апций*, семантика которого утеряна – *фIэхъус апций*, *гуп махуэ апций*, *ихоих апций*, *цIасэ апций*, *бов апций* или *фи/уи махуэ фIыуэ*, *фи/уи жэц фIыуэ*, *уи пыыхь* (*пцыхьэцхьэ*, *пцэдджыжь*, *махуэ*) *фIыуэ* (местоимение + существительное + наречие), и т.п.

Как видно из приведенных примеров, все МФЕ в зависимости от количества элементов, участвующих при их образовании, делятся на **двучленные** и **многочленные**.

Соответственно термину, в первую группу входят МФЕ, состоящие из двух компонентов: *Iэу зиунагъуэрэ* (удивление), *Iух адэ* (неодобрение), *шыкур алыхь* (успокоение), *чытапкIэ соIуэ* (клянусь), *уэху апций*, *уэху гуцэ* (удивление), *тфу алаурсын*, *зеггэхь адэ* (осуждение).

Во вторую группу включаются МФЕ, состоящие из трех и более компонентов: *уэху алыхь жеггэIэн* (дать передышку, успокоение), *тхьэм и цIэкIэ соIуэ* (клянусь), *а сымыгъуэ зэраб!*, *уи унагъуэр зэрыбэгъуэнт*, *е зиунагъуэбжэр хуэзыцIыжын*, *а зи унагъуэр багъуэу тIысыжын* (удивление, осуждение, негодование) и т.д.

Как известно, эмоции бывают как положительными, позитивными, так и негативными, отрицательными. Подобным образом по выражаемому им эмоциям МФЕ можно разграничить на **негативные** и **позитивные**.

В группу положительных входят МФЕ, которые выражают чувства восторга, восхищения, удивления (*зи унагъуэр бэгъуэн*, *а зи унагъуэр багъуэу тIысыжын*, *алей гуцэ*, *Iэу зиунагъуэрэ*, *пу мэшэлыхь*, *а унэжын*, *Iей гуцэ(рэ)*); успокоения, облегчения (*алыггэ шыкур*, *алыхьым и шыкуриц*); удовлетворения, одобрения, гордости (*уей-уей жезыгъыIэ*, *хьет жеггэIэ!*) и т.д.

К отрицательным относятся МФЕ с чувством отвращения, презрения (*ель ар!*, *ель абы!*, *ельрэ ар!*); неодобрения, возмущения, недовольства, упрека (*а зинэуэ цIыху*, *а емынэм имыхьын*, *Iей мыгъуэ*, *аджыдэ мыгъуэ*, *а нэлат*); страха, испуга, тревоги (*гуIэгъуэ мыгъуэ*, *уэуэу мыгъуэ*, *уэуэур и махуэн*, *гуIэгъуэжь мыгъуэ(ти)*,

дыдыд гуцэ, дыдыд мыгъуэ, дыдыд Іей мыгъуэ, гуІэгъуэжъитІ мыгъуэ); досады, недоумения, разочарования, огорчения (*а дунеижъ мыгъуэ!, еуеуей мыгъуэ, а мыгъуэ, а сьлІэ мыгъуэцэрэт, а дыдыд мыгъуэ, а-а, дыдыд Іей мыгъуэ*); злорадства, порицания (*еуеуей мыгъуэ, аІей мыгъуэ*) и т.д.;

Многие МФЕ кабардино-черкесского языка являются «универсальными», т.е. нейтральными [Афаунова 2012, 52]. Подобные междометные фразеологизмы составляют третью группу. Это междометия, обозначающие призыв (*айдэ маржэ, маржэ хъун, маржэ хъужын*); обозначающие клятву, торжественное обещание (*тхъэр нахуэу гъэпцІын, къурІэнкІэ соІуэ, къурІэн мин цибликІэ соІуэ*); обозначающее сильное желание, сильное влечение, стремление к обладанию чем-либо (*аджыдэ мыгъуэ, аджыдэ гуцэ*) и др.

В связи с полисемантической МФЕ, некоторые из них одновременно могут относиться к нескольким смысловым группам, и их значение, как и значение обычных междометий, определяется только в контексте.

В нашем исследовании было доказано, что МФЕ представляют собой устойчивые выражения, обладающие особыми отличительными чертами и в грамматическом, и в семантическом, и в структурном, и в функциональном построении языка.

Авторы речи в процессе коммуникации, чаще всего, не думают об используемом фразеологизме, о его происхождении, о причинах употребления именно этого выражения. Этот процесс доведен до автоматизма и выбор ФЕ происходит на подсознательном уровне.

В общем и целом МФЕ, как и все категории ФЕ, отличаются повышенной экспрессивностью и являются показателем национальной специфики, культуры и истории определенного народа, через них характеризуются и специфические, характерные особенности языка, уровень эмоциональности представителей этноса, отношение людей друг к другу. МФЕ выражают отношение говорящего к происходящему, испытываемые эмоции и чувства, проявление волеизъявления.

Как было видно из исследования, в кабардино-черкесском языке междометные фразеологизмы вполне эффективно образуют синонимические ряды. Они в полной мере соответствуют предъявляемым к подобным единицам требованиям: выражать одно понятие, быть взаимозаменяемыми, соответствовать эмоциональному содержанию и т.д.

На основе классификации МФЕ русского языка мы предложили в своей работе группирование МФЕ кабардино-черкесского языка по следующим критериям: по выражаемым эмоциям разделяются на негативные, позитивные и универсальные; по способу образования на три группы с несколькими подгруппами; по количеству компонентов на двучленные и многочленные; по частоте использования на активные и пассивные.

Несмотря на то, что междометные фразеологизмы являются нечленимыми единицами, в языке они представляют живой процесс. Как видели в работе, некоторые МФЕ существуют в разных вариациях, также периодически наблюдается появления в речи новых выражений. Подобное доказывает, что МФЕ развивающееся и динамичное явление в лингвистике.

Список источников

1. Анажес М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: Лексикология. Лексикография. 2000. 408 с.
2. Афаунова А.А. Вариативность и трудности в переводе междометий (на материале русского и кабардино-черкесского языков) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 24–37.
3. Афаунова А.А. Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. 2012. 128 с.

4. Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. 2005. 352 с.
5. Бэрбэч Б.Ч., Биццо Б.Ч., Иутыж Б.К. Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ. Еджапэхэм папщӀэ. 2001. 240 н.
6. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. 1977. С. 140–161.
7. Емузов А.Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. 1986. 224 с.
8. Кабардино-черкесский язык. Лексика, Фразеология, Устно-поэтический язык, Ономастика. В двух томах. II том. 2006. 520 с.
9. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. 1968. 342 с.
10. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. 1973. 248 с.
11. Табухов Х.Т. Школьный русско-кабардино-черкесский фразеологический словарь. 1997. 456 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. 1996. 288 с.
13. Токмакова М.Х. Фразеомотивы кабардино-черкесского языка с глаголами етын, щӀын, хьун, иӀэн // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 1 (44). С. 115–120.
14. Шанский Н.М. Современный русский язык. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. 1987. 192 с.

References

1. APAZHEV, M.L. *Sovremennij kabardino-cherkesskij yazyk: Leksikologiya Leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language: Lexicology. Lexicography]. 2000.
2. AFAUNOVA, A.A. *Semantiko-grammaticheskij analiz mezhdometij i zvukopodrazhanij kabardino-cherkesskogo yazyka* [Semantic and grammatical analysis of interjections and onomatopoeia of the Kabardino-Circassian language]. 2012. S. 52.
3. AFAUNOVA, A.A. *Variativnost' i trudnosti v perevode mezhdometij (na materiale russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov)* [Variability and Difficulties in Translation of Interjections (Based on the Material of the Russian and Kabardino-Circassian Languages)]. IN: *Nauchnyj dialog*. 2020. № 3. S. 24–37.
4. BIZHOEV, B.CH. *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexico-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. 2005.
5. BERBECH, B.CH., BISHCHIO, B.CH., IUTIYZH, B.K. *Adygebze frazeologizmekhem ya psal'al'e. Edzhaplekhem papshchle* [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language]. 2001.
6. VINOGRADOV, V. *Ob osnovnyh tipah frazeologicheskix edinic v russkom yazyke* [On the main types of phraseological units in Russian]. IN: *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. 1977. S. 140–161.
7. EMUZOV, A.G. *Leksiko-semanticheskij i grammaticheskij analiz frazeologii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Lexical-semantic and grammatical analysis of the phraseology of the Kabardino-Circassian language]. 1986.
8. *Kabardino-cherkesskij yazyk. Leksika, Frazeologiya, Ustno-poeticheskij yazyk, Onomastika* [Kabardino-Circassian language. Vocabulary, Phraseology, Oral-poetic language, Onomastics]. V dvuh tomah. II tom. 2006.
9. KARDANOV, B.M. *Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'* [Kabardino-Russian phraseological dictionary]. 1968.
10. KARDANOV, B.M. *Frazeologiya kabardinskogo yazyka* [Phraseology of the Kabardino language]. 1973.
11. TABUHOV, H.T. *SHkol'nyj russko-kabardino-cherkesskij frazeologicheskij slovar'*. [School Russian-Kabardino-Circassian phraseological dictionary]. Nal'chik: El'brus. 1997.
12. TELIYA, V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. 1996.
13. TOKMAKOVA, M.H. *Frazeomotivy kabardino-cherkesskogo yazyka s glagolami etyn, shchlyn, hun, ilen* [Phraseomotifs of the Kabardino-Circassian language with the verbs

Etyñ, ShchIyn, Khun, Iien]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy. 2020. № 1 (44). S. 115–120.

14. SHANSKIJ, N.M. *Sovremennyj russkij yazyk*. [Modern Russian language] CH. 1. Vvedenie. Leksika. Frazeologiya. Fonetika. Grafika i orfografiya. 1987.

Информация об авторе

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the author

A.A. Afaunova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

ЗЭПЭШЫТ ЗЭХУШЫТЫКІЭХЭР АДЫГЭБЗЭМ ШЫЗЭРЫЗЭШХЬЭШЫКІ ЛІЭУЖЬЫГЪУЭХЭР

Къумыкъу Динэ Мухъэрбий инхъу¹, БицІо Борис Чамал и къуэ²

^{1,2} Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей

¹ dina@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

² bizhoev1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Д.М. Къумыкъу, Б.Ч. БицІо, 2021

Аннотацэ. Зэпэшыт зэхушытыкІэхэр цІыхур къэзыухъуреихъ дунейми, абы хэту бзэми, я дэтхэнэ пкъыгъуитІми я зэхуаку дэль зэхушытыкІэхэм ящыц зыщ. Бзэм ехъэллауэ уеплэмэ, зэпэшыт зэхушытыкІэхэр фонетикэми, лексикэми, грамматикэми кышчыхош. Ауэ псом хуэмыдзу абыхэм лексикэ системэм нэхъ зышаубгъуаш. Апхуэдэу, антонимием – бзэуэ дунейм тет псоми я зэхуэдэ бзэшІэныгъэ универсалие нэхъышхъэхэм ящыц зым – лъабжъэ хуэхъур зэпэшыт зэхушытыкІэхэр араш. Мы лэжыгъэр теухуаш зэпэшыт зэхушытыкІэхэр адыгэбзэм кызырыхэщыр, абыхэм я лэжыгъуэхэр къэхутэным. Мыбдеж кышыдогъэлабгъуэ зэпэшытыныгъэр зи зэхуаку дэль псалъэ зэгугъухэм (антонимхэм) контрар, контрадиктор, вектор икІи конверсие зэпэшІэуэныгъэхэм щыхэткІэ къагъэхуэ зэпэшыт шытыкІэхэм тешІыхъауэ, ахэр лэжыгъуэ-лэжыгъуэу зэрызэхъэшчыкІэхэр, икІи БицІо Б.Ч. зэхигъэува, мыгувэу кыдэкІыну, урыс-адыгэ псалъальгэм шыц фІэшыгъэцІэщІэхэр кыхэдгъэхъэрэ зэпэшыт зэхушытыкІэхэр адыгэбзэм кызыригъэхуэ шыкІэхэмрэ Іэмалхэмрэ япэ дыдэу адыгэбзэкІэ датотхыхъ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, лексикэ, зэпышытыныгъэ лэжыгъуээхэр, антонимхэр, псалъэ кызырагъэхуэ Іэмалхэр

Цитатэ кызырыхъэхынур: Къумыкъу Д.М., БицІо Б.Ч. Зэпэшыт зэхушытыкІэхэр адыгэбзэм шызырызэхъэшчыкІ лэжыгъуээхэр // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 57–65. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-57-65

Original article

TYPES OF SEMANTIC OPPOSITION AND THEIR EXPRESSION IN THE KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Dina M. Kumykova¹, Boris Ch. Bizhoev²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia.

¹ dina@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

² bizhoev1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© D.M. Kumykova, B.Ch. Bizhoev, 2021

Abstract. One of the types of relations between various facts of objective reality, including in the system of language, is the relationship of opposition. The opposite – oppositional – semantics, manifested at various levels of the language system, underlies the concept of antonymy – one of the most important linguistic universals. The article analyzes the manifestation of the category of semantic opposition in the vocabulary and morphology of the Kabardino-Circassian language. At the vocabulary level, oppositions are identified,

represented by contradictory, complementary, vector and conversion antonyms. At the morphological level, various derivational means are described, with the help of which the semantics of the opposite is conveyed.

Keywords: Kabardino-Circassian language, vocabulary, types of semantic opposition, antonymic oppositions, word-formation means

For citation: Kумыкова Д.М., Бижоев В.Ч. Types of semantic opposition and their expression in the Kabardino-Cherkassian language. *Vestnik KBIGI = КВИН Bulletin*. 2021; 3 (50): 57–65. (in Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-57-65

Научная статья

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Дина Мухарбиевна Кумыкова^{1✉}, Борис Чамалович Бижоев²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ dina@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

² bizhоеv1952@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

©Д.М. Кумыкова, Б.Ч. Бижоев, 2021

Аннотация. Одним из типов отношений между различными фактами объективной действительности, в том числе в системе языка, являются отношения противоположности. Противоположная – оппозиционная – семантика, проявляющаяся на различных уровнях языковой системы, лежит в основе понятия антонимии – одной из важнейших лингвистических универсалий. В статье анализируется проявление категории семантической противоположности в лексике и морфологии кабардино-черкесского языка. На уровне лексики выявляются оппозиции, представленные контрастными, контрадикторными, векторными и конверсивными антонимами. На морфологическом уровне описываются различные словообразовательные средства, с помощью которых передается семантика противоположности.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, лексика, типы семантической противоположности, антонимические оппозиции, словообразовательные средства

Для цитирования: Кумыкова Д.М., Бижоев В.Ч. Типы семантической противоположности и их выражение в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 57–65. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-57-65

Зэпэщыт зэхушытыкIэхэр цыхур кэзыгухуреихь дунейми, абы хэту бзэми, я дэтхэнэ пкыгыуитIми я зэхуаку дэль зэхушытыкIэхэм ящыщ зыщ. Бзэм ехьэлIауэ уеплэмэ, зэпэщыт зэхушытыкIэхэр фонетикэми, лексикэми, грамматикэми кыщыхощ. Ауэ псом хуэмыдэу абыхэм лексикэ системэм нэхь зыщабугуащ. Апхуэдэу, антонимием – бзэуэ дунейм тет псоми я зэхуэдэ бзэщIэныгъэ универсалие нэхьыщхьэхэм ящыщ зым – льябжэ хуэхур зэпэщыт зэхушытыкIэхэр аращ.

Иджырейм бзэщIэныгъэ литературэм теорие илэныкыуэки, практикэ илэныкыуэки антонимхэр джыным ехьэлIа Iуэхугуэхэр убгуауэ ики куууэ щызэпкырыхаш. Мызыгуэгуэ Iэ антоним жыхуаIэр щIэныгъэлIэхэм псоми зэщху кыгурыIуэу щымытми, кэзгъэлэгъуапхьэщ антонимхэр зищIысыр убыхуным дащэщи льябжэ хуэхур семантикэ зэпэщытыныгъэ гурыIуэгъуэр арауэ зрыщытыр. Псалгэм папщIэ, кэтхынщ урысыбзэ лексикэм теухуа тхыгэхэм антонимхэм я убыхукIэр кызэрыхэщыр: «антонимхэщ зэмыщху Iу, зэпэщыт, ауэ зэлгыта гурыIуэгъуэ кэзыгъэлгъагуэ псалгэхэр» [Шанский 1972: 64]; «антонимхэр зы псалгэ лэпкыгыуэм щыщу зэпэщыт мыхьэнэ зиIэхэрщ» [Костомаров, Максимов 2003:153], нэгъуэщIэхэри. Аращи, антоним

парадигмэм Iэмал зимыIэ и нэщэнэщ зэпэщыт зэхушытыкIэр. КъызэщIэкъуауэ, антонимкIэ узэджэ хьунур зэгуэгъуу шыт, зэпэщыт зэхушытыкIэ зи яку дэль, ауэ Iэмал имыIэу зэпэщыты шытыкIэ къэзыIуатэ псалъэхэр аращ. Сыту жыпIэмэ зэпэщытынкIэ хьунур а зы гурыIуэгъуэм и теплъэ, шытыкIэ зэмыкIуалIэхэрщ. Щапхъэу къэтщтэнщи, *дыдж – IэфI* псалъэхэр антоним щIызэхуэхур ахэр зэпэщIэуэу къэхъуауэ аракъым, атIэ абыхэм зы къэхъугъэм и шыIэкIэ зэтемыхуэхэр къызэрагъэлягъуэрщ, мыбдеж пыхуыкIауэ: ерыскы гуэрыр ар зышхым, е абы ефэм къызэрышыхурщ.

Адыгэбзэм и антонимхэм елэжьыныр блэкIа лIэщIыгъуэм икухэм яубла пэтми [Яковлев 1948: 130–131], нобэм къэсыхункIэ абыхэм теорие илэжьыныкIэуэ, ахэр псалъалъэ щIын и IуэхукIи яхуэфэщэн гулъытэ ягъуэтауэ жыпIэ хьунукъым. Адыгэбзэ антонимхэм кIэщIу я гугъу щащI Рогава Г.В., КIэрашэ З.И. [Рогава, Керашева 1996], Апажэ М.Л. [Апажев 2004: 70–76], Шагъыр I.Къ. [Шагиров 1962: 45–47] сымэ я лэжьыгъэхэм, «Кабардино-черкесский язык» къызэщIэзыкIуэж тхылъым [КЧЯ 2006: 43–47]. Мы лексикэ къэхъугъэм ехьэлIа Iуэхугъуэ щхьэхуэхэм тепсэлъыхуэ ушыхуозэ иужьрей илэжьэхэм къыдэкIа адыгэбзэм и лексикэмрэ семантикэмрэ теухуа языныкIуэ тхыгъэхэми [Бижоев, Токмакова 2006: 145–148], [Губжокова 2011], [Атажахова 2018], нэгъуэщIхэми. Япэу антонимхэр щызэхуэхъеса тхылъу къыдэкIащ Пшыбий Инал и Адыгэбзэм и антонимхэм я псалъалъэ кIэщIыр [Пшыбий 1989]. Нобэм къэси а зыращ апхуэдэ псалъалъэу ди бзэм иIэр. Иджыри зэIубз мыхъуауэ къонэ мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхугъуэу антонимхэм къызэщIауыдэ гъунапкъэхэр зэхэгъэкIыныр, ахэр лIэужьыгъуэ-лIэужьыгъуэу зэхэхуныр (классификацэ щIыныр) икIи ахэр псалъалъэу къыдэгъэкIыныр.

Мы статьяр дэ тыдоухуэ зэпэщыт зэхушытыкIэхэр, абыхэм я лIэужьыгъуэхэр адыгэбзэм и антонимхэм къызэрагъэлягъуэр зэхэгъэкIыным. ДызэреплъымкIэ, мыпхуэдэ къэхутэныгъэм нэхъ наIуэ къищIынущ адыгэбзэ антонимием и гъунапкъэхэр (антонимием хыхьэр, абы къызэщIауыдэ псалъэхэр), а лексикэ къэхъугъэр псалъалъэ щIыным иIэн хуей бгъэдыхьэкIэхэр.

Антонимие проблемэр нэгъуэщI бзэхэм (псалъэм папщIэ, урысыбзэм, инджылызыбзэм, нэгъуэщIхэми) ехьэлIауэ къыщапщытэ тхыгъэхэм къахощ мы псалъэхэр нэщэнэ гуэрхэм тещIыхъауэ гуп-гупу зэрагуэшыр. Апхуэдэу, шытыкIэм и мардэр, ар денотатым зэрехьэлIар, зэпэщытыныгъэм унэтIыныгъэ иIэн, е имыIэн нэщэнэхэм тещIыхъауэ къэхутакIуэхэм къыхагъэщхьэхукI: антоним нэгъэсахэмрэ (градуальнэ, привативнэ зэпэщIэтыныгъэхэр) елгыта антонимхэмрэ (конверсивхэр) [Уфимцева 1968]; контрарнэ (градуальнэ), комплементарнэ (контрадикторнэ), векторнэ антонимхэмрэ конверсивхэмрэ [Новиков 1978]; контрарнэ [зэпэщыт], комплементарнэ икIи векторнэ антонимхэр [Васильев 1993]; квалитативхэмрэ (градуальнэ зэхушытыкIэхэр) комплементаривхэмрэ (бинарнэ зэхушытыкIэхэр) [Михайлов 1982].

Гу лыботэ антонимхэр я мыхьэнэкIэ классификацэ зэращI схемэхэм псоми зэпэщытыныгъэ лIэужьыгъуэ нэхьыщхьэхэр къызэрыщыгъэлыгъуам. Ахэр нэхъ зэрызэтемыхуэр фIэщыгъэцIэ къагъэсэбэпхэмкIэщ, языныкIуэ и гуп къыхагъэщхьэхукIэхэм хагъэхьэ псалъэхэмкIи зэщхьэщокI. КъызэщIэкъуауэ уешлъмэ, къэхутэныгъэхэр шыхьэт тохуэ антонимхэр бзэ зэмыщхьэхэм я зэхуэдэ къэхъугъэу зэрыщытым, абыхэм бзэхэм къыщагъэлягъуэ зэпэщIэтыныгъэ лIэужьыгъуэхэри куэдкIэ зэрызэщхьэщымыкIыр. Апхуэдэу шыщыткIэ, мыбдеж къезэгъыу къыдолгытэ, адыгэбзэм и антонимхэри, абыхэм къагъэлягъуэ зэпэщытыныгъэ зэхушытыкIэхэри нобэ къыздэсым яджауэ зэрыщымытым къыхэкIкIэ, ищхьэкIэ зи гугъу тщIа тхыгъэхэм къахэщ фIэщыгъэцIэхэр – контрар, контрадиктор, вектор, конверсив зэпэщIэтыныгъэхэр – къэдгъэсэбэпурэ ахэр къэтпщытэныр.

Контрар зэпэщытыныгъэр къэзыгъэлягъуэ псалъэ зэгуэгъухэм, зэрыхабзэу, пкъыгъуэ ещанэ я зэхуаку къыдоувэ, сыту жыпIэмэ егъэляуэ шытыкIэр

кээзыгэлягагуэ пкыыгуэхэм нэмыщккэ, абыхэм яку дэту, егъэлейныгъэ нэхэм нэмыс шытыккэ зиЕ пкыыгуэ яхоувэ. Псалъэм папщкэ, *гуащкэ – IэфI* антоним зэгуэгъухэм я зэхуаку кыдоувэ пкыыгуэ ещанэу *мыгуащкэ* пльыфэцкэр: мыбы кыигэлягагуэ шытыккэр (зыгуэрым и IэфIагыр) иккИ гуащкэ дыдэккым, иккИ IэфI дыдэккым, аткэ шытыккиткми нэмысыпауэ апхуэдэщ: *Хъыджэбз цыккым мэраккэуэ гуащкэуэ кыицыхуэр кыыхецытыккИри Iэгулкэ Iуегъэккэуэ, фыццлафэ кыицкэуэдыр *мыгуащкэуэ* кыифкэуэдыр Iэбжжыгуэм из ещкИри и жжэм жжэдеггэцацэ... – Слэ, Ккыаккэуэ, *гуащкэ* (мэраккэуэдыр)? – жицц лыжжэ насытыфкэм дыхэщыхуэрэ. – *Гуащкэуэ*, – жицц хъыджэбз цыккым. – *Уа*, уэриткэ *мыгуащкэ*, *IэфIыбжжэ*, – хуидаккым ар ццалэ нэ сыринэ цыккым (Мафкэдз С. Ццаккэуэ фыцкэ).*

Контрар зэпэщытыныгъэр кээзыгэлягагуэ антонимхэр пльыфэцкэхэмрэ я мыхэнэккэ абыхэм япэхуэ псалъэ кытещкыккэхэмрэ кыагъэхуэ: *бэщэч – мыбэщэч – дзыхэ, тыниш – мытыниш – гугуэ, ццалэ – мыццалэ – жжы*. Пкыыгуищу зэхэт антоним зэпэщкэуэм я зэхуаку дэт пкыыгуэр инэхкыбапкэм мыхуныгъэ лъабжжэпэ *мы-* зыхэт псалъэщ: *лэагэ – мылэагэ – лэаххэ, ин – мыин – цыккэуэ, быдэ – мыбыдэ – махэ*. Ауэ пкыыгуэ ещанэр зыми кытемыхкыккэуэ, егъэлейныгъэ нэхэм нэмыс шытыккэр езым и мыхэнэм кыигэлягагуэуи ухуозэ, псалъэм папщкэ: *пцтыр – хуабэ – ццылэ*.

Дзытепсэлкыхэ зэпэщытыныгъэ лэужжыгъуэр литературэм кызырэщыаггэсэбэным и щапкэхэр кэткынщ: *Заринэ кыыхуаггэуэуэ улахуэр *мыин* пэтми, лэжжыггэ зимицэуэ цыс нысацкэм дежжкэ ари аххэщэ* (Бозий Л. Повестхэр). *Езыр *мыин* цххэккэ ину ккИирт ар* (Ккэрмоккэуэ М. Ккэоджэм уиггэжжыккым). *Елдар уафэм дэплэеяц: аддэ жжыжжэуэ, Iуащхэмахуэ лэныккэуэмккэ, зы пцэ Iэрамэ *цыккэуэ* кыитрихуэри псыницкэуэ нэхэ *ини* нэхэ ггунэггэуи ккэххуэ хуежжэац* (Журт Б. Унаггэуэ).

Нат зэккэ зыккыуемыггэацкэ, кыиптегужжэеиккэуэ и ггэацкэр ехэ а цыхуэбз бэщэчкым (Абазэ Л. Анэм и джэ маккэ). *Фыбэщэч лэпккыц, тххэр соггэцкэ, фымыбэщэчкэ! Иткани дунейр фоккэутэ, фэри фыпсэуккым, псэунури вггэпсэуккым...* (Шортэн А. Бгырысхэр). *Абы ецкэ адыггэлкым и бын иггэеину зэрыемыккэуэ, ауэ гуауэмрэ жжыггэмрэ *дзыхэ* яцкэ лкым зыхуэмыуыдыжжэ, тххэмкэ ггэацкэмкэ я ней кыицкыицыхуэм ирибампкэуэ арац* (Елггэр К. Лэужжэхэр).

*Ди едджанкэм и директор дзэм яшам и пкэккэ унафэцкэуэ яггэуэуэ, сэ урысыбзэккэ сезыггэджэ цыхуэбзыхуэ Марие Алексеевнэм среджжэри кызжжэкэ: «Ккэуэ иджжы, зэггэацкэ *тынишрэ гугуэрэ* еггэджжэуэм и Iэццлаггэр»* (Ххэххуащкэ Хх. Аниткым я ккэуэ). *А лэжжыггэ *мытынишкым* ешэлэ хуэат зи уцием цыхуэ цыуккытэ ккэуэжжэ лкыжжэхэр, активыр, депутатхэр, дохутырхэр...* (Ккэрмоккэуэ М. Щихухэр иджжыри мккэ).

Ккэггэляггэуапкхэщ, адыгэ литературэм кызырэхэщыккэуэ, контрар зэпэщытыныгъэ зи зэхуаку дэл антонимхэм мыхуныгъэ лъабжжэпэ *мы-* зыщыт курыт пкыыгуэр нэхэ мащкэуэ кызыраггэсэбэпыр. Абы кыыхэккэуэ, адыгэбзэ антонимхэм я псалъалкэм хггэххэн хуейуэ дэ кэткытэтер нэхкыбэрэ бжэм кыщцаггэсэбэпу, зэпэщкэуэныгъэ шытыккэр нэхэ ггэхуауэ кээзыгэлягагуэ контрар антоним зэгуэггэхэр арац, псалъэм папщкэ: *гуащкэ – IэфI, тыниш – гугуэ*.

Контраддиктор зэпэщытыныгъэр я зэхуаку дэлщ зым адрейм дыщкыггэуэрэ гурыуэггэуэ ириккым нэсу иккИ курыт шытыккэ ямыкэуэ и нэм нэс мыхэнэ зыхэл псалъэ зэгуэггэхэм. Апхуэдэ зэпэщытыныггэм и зы пкыыгуэм Iэмал имыкэуэ хэл мыхуныгъэ мыхэнэм адрейм и мыхэнэр (ххуныгъэ хэлкэуэ) ккэует, иккИ ар «е...е» схемэмккэ ккэбггэлягагуэ ххунуш. Нэггэуэщкэуэ жыпкэмэ, зэпэщыт псалкыткым язым мыхуныгъэ мыхэнэр хэлкын хуейщ, ар пкыыгуэ гуэрккэ (псалъэм папщкэ, мыхуныгъэ лъабжжэпэ *мы-*, мыхуныгъэ лъабжжэуэжжэ *-ншэ*) ккэггэляггэуэми, е, ккэмыггэляггэуэми, «ггэпщккэуэ» езы псалъэм и семантикэм хэлкэуэ. Псалъэм папщкэ: *ггэацкэ – ажал* антоним зэгуэггэхэм

я зэхуаку ещанэ пкыгыгуэ и мыхьэнэкIэ кыдэуэвфынукьым, зэпэщIэтыр пкыгыгуэитIэщ – е «гъащIэ», е «ажал». Мыхьуныгьэр зыуи кьэгьэлъэгьуакьым, ауэ зы псалъэм езым и мыхьэнэм хэлъ мыхьуныгьэм (ажалыр (=) гъащIэ**кьым**) адреи псалъэм и мыхьэнэр къешэ (**мыгъащIэр** (=) ажалщ). Мы зэпэщытыныгьэ лIэужьыгьуэр пльыфIэцIэхэм е кьэхьугьэ, нэщэнэ кьэзыгьэлягьуэ щыIэцIэхэм кыгьтехьукIа антонимхэм я зэхуаку кыдохьуэ: *псэу – ла, дуней – ахьрэт, зауэ – мамырыгьэ, ижь – сэмэгу, узыниэ – сьмаджэ, пэж – пIы, гьэмахуэ – цIымахуэ, цIыльэ – уафэ, н.*

Адыгьэбзэм мыхьуныгьэ мыхьэнэр кызырэгьэлягьуэ Iэмал зэмылIэужьыгьуэхэр иIэщ. Нэхь убгьуауэ кьагьэсэбэпхэм ящыщц контрадиктор зэпэщытыныгьэр кьэзыгьэхьухэу **мы-** мыхьуныгьэ лъабжьэпэмрэ **-нш(э)** мыхьуныгьэ лъабжьэужьымрэ.

Апхуэдэу, **мы-** пкыгыгуэм мыхьуныгьэ мыхьэнэр хелъхьэр щытыкIэ кызылуэ пльыфэцIэ кызырэгьуэкIым (*екIу – емыкIу, зэфэгьу – зэмыфэгьу, зэгьуэгьу – зэмыгуэгьу, зэбзэгьу – зэмыбзэгьу, зэцхь – зэмыцхь*), лъабжьытIыр зэпыувэу кьэхьуа пльыфэцIэ зэхэлъхэм е щыIэцIэ зэхэлъхэм (*гурыхь – гуры**мы**хь, цхьэхуит – цхьэху**им**ыт, лъэрыхь – лъэры**мы**хь, Iэрыльхьэ – Iэры**мы**льхьэ*).

ЩытыкIэ кызылуэ пльыфэцIэм, щыIэцIэм, кьэхьукIэцIэм и лъабжьэм лъабжьэужь **-нш(э)** пыувэмэ, абы кьэгьэлягьуэ кызытехьукI псалъэм кьрилуэ щытыкIэр нэгьэсауэ, е ирикьуу зэрыщымытыр, е а щытыкIэр зэрыхьмыльыхьхэр: *цIыхугьэ – цIыхугьэ**н**шагьэ, кьайгьэшы – кьайгьэ**н**шэ, Iэуэлауэу – Iэуэлауэ**н**шэу*. КьинэмыщIауэ, лъабжьэужь **-нш(э)** зыхэт псалъэм инэхьыбэм кьыпэщIоувэ хьуныгьэ мыхьэнэр зыхэлъ лъабжьэужьхэу **-бэ, -фIэ** (*быны**н**шэ – быны**б**э, дзы**н**шэ – дзы**б**э, лъабжьэ**н**шэ – лъабжьэ**б**э, акьылы**н**шэ – акьылы**ф**Iэ, фэ**н**шэ – фа**ф**Iэ, насыты**н**шэ – насыты**ф**Iэ*). Нэхь убгьуауэ контрадиктор зэпэщытыныгьэр адыгьэбзэм кызырэгьэлягьуэ Iэмалхэм дыщытепсалъыхьащ ди тхыгьэм [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020].

Контрадиктор зэпэщытыныгьэр кьэзыгьэлягьуэ шапхьэхэр кьэтхьынщ: *Армырауэ пIэрэ мафIэм цIимысыр, псым мафIэр цIигьэункIыфIыр, псыр зэрыгьащIэр, мафIэр зэрыажалыр?* (МафIэдз С. Мыхьур); *Дэ дыщымт, ину зы псалъэ жьытIэмэ гьэмахуэ бостейр хьэхуу зыщызытIэгьа цIымахуэр дгьащтэу, зедгьэгьэгуэсэу зигьэбзэхьыжынкIэ дышыне хуэдэ* (Абазэ Л. Анэм и джэ макь); *Пэж сэ жьысIэр, хьэмэрэ пIы?* – *Я псалъэн кьэблауэ, пэжри пIыри цIагьэлягьуэ, кьэхьуами кьэхьунуми я цхьэфэ иIэбэу псалъэ цхьэкIэ я Iуэху кьагьанэртэжьым* (Теунэ Хь. Шэджемөкьуэ лъэпкь); *Уафэр кьащхьуэщ, кьащхьуэ дыдэщ. ЩIыльэр зэцIэцIууэжу цхьуантIэщ* (Теунэ Хь. Шэджемөкьуэ лъэпкь).

*Вектор зэпэщытыныгьэ*кIэ узэдэжэ хьунур я зэхуаку дэлъщ псалъэ зэгьуэгьуэитIым, а зы щхьэм кьыбгьэдэжI, е а зы щхьэм хуэпхь хьу зэпэщыт лъэныкьуэхэмкIэ унэтIыныгьэ зиIэ Iуэхугьуэхэм, нэщэнэхэм, щытыкIэхэм, кьэхьугьэхэм я зэпэщIэтыныгьэ кьэзыгьэлягьуэхэм. Псалъэм папщIэ: *дэжьейн – ежьыхын, дэжIуэтейн – ежIуэтэхын, бгьурышэн – бгьурышын, Iульэтэн – IульэтыкIын, Iухын – хуэцIын, джэлэн – тэджы(жы)н, хыхьэн – хэкIын*.

Мыпхуэдэ зэпэщытыныгьэ лIэужьыгьуэр зи зэхуаку дэлъ антонимхэр псалъэ лъэпкьыгьуэ зэмылIэужьыгьуэхэм кьагьэхьу:

1) зэпэщыль лъэныкьуэхэмкIэ унэтIыныгьэ зиIэ Iуэхугьуэхэр кызылуэ лэжыгьэцIэхэм (*бгьэдыхьэн – бгьэдэжIы(жы)н, дэжейн – ежэхын, цIыхьэн – цIэкIын, зэбгьэдыхьэн – зэбгьэдэжIын, дэщейн – ещыыхын, дэхьейн – (кь)ехьэхын*);

2) щытыкIэр хьуэжыным икIи зэрыщыта щытыкIэм игьэхьэжыным хуэунэтIа Iуэхугьуэхэр кызылуэ лэжыгьэцIэхэм (*пхэн – тIэтэ(жы)н, зэтедэн – зэтетхьын, гьэкIыхьын – гьэкIэцIын; гьэбзэгьуэн – гьэмэцIэн, цIэ(гьэ)нэн – (гьэ)ункIыфIын*);

3) Iэпхьуэныгьэ мыхьэнэ зиIэ лэжыгьэцIэ псалъэпкьрэ **-пIэ, -гьуэ** пкыгыгуэхэмрэ зэхыхьэу кьэхьуа щыIэцIэхэм; апхуэдэ псалъэхэм кызытехьукIа лэжыгьэцIэм хэлъ Iуэхугьуэр щекIуэкI щыпIэр е зэманыр кьагьэлягьуэ [КЧЯ

2006:111] (*дэггээеинлэ – еггээыхынлэ, ехынлэ – дэклүеинлэ, цлыхьэнлэ – цлэклынлэ, хыхьэнлэ – хэклынлэ; дэггээеигуэ – еггээыхыгуэ*);

3) унэтлыныггээ мыхьэнэ зилэ кьэхьуклэцлэхэм (*ицэклэ – ицхьэрэклэ, ицхьэмклэ – ильабжьэмклэ, ипэклэ – иужькклэ*);

4) щлыпэм шапэ зэпэщытыныггээр кьызыхэщ щылэцлэхэм (*адрыщл – мыдрыщл, бгыцхьэ – бгы лъапэ, ицхьэрэ – иццэ, кьуэклынлэ – кьухьэнлэ, цыгуэ – лъэгу*).

Кьэггэльггэуапхьэщ вектор зэпэщытыныггээр зи зэхуаку дэль антонимхэм я нэхьыбэр лэжыггэцлэ антонимхэу зэрыщытыр. Ар кьызыхэклыр лэжыггэцлэхэм зэпэщыль лъэныкьуэхэмклэ унэтлыныггээ мыхьэнэр хальхьэу пкьыггэуэхэр, лэмал зэмыллэужыггэуэхэр (лъабжьэпэхэр, лъабжьэужьхэр, н.) адыггэбзэм зэрилэр аращ.

Апхуэдэу нэхьыбэрэ кьаггэсэбэл лэмалхэм ящыщц:

1) лъабжьэужь зыпымыт лэжыггэцлэм и лъабжьэр зэриух макьзешэм зихьуэжыныр **-э/-ы-** (аблаут); абы кьыхэкклэ псалъэм кьрилуэ лэжыггэм и унэтлыныггэм зехьуэж [КЧЯ 2006: 275]: *бггэдэклүэтэн – бггэдэклүэтын, бггурыхуэн – бггурыху(ы)н, бггэдэклүэтэн – бггэдэклүэтын, бггурыхуэн – бггурыху(ы)-н, бггурыхуэн – бггурыхуын, бггэдэдээн – бггэдэдэын, дэлэтэн – дэлэтын, дэлэлэн – дэлэлын, дэлэфэн – дэлэфын*;

2) лъабжьэпэ **дэ-** (ицхьэмклэ унэтлыныггээ кьеггэльаггэуэ) / **е-** (ильабжьэмклэ унэтлыныггээ кьеггэльаггэуэ) лъабжьэужь **-хы-** щлыггэуу зыпыувэ лэжыггэцлэм и лъабжьэр зэриух макьзешэм зихьуэжу **-Е/-Ы-(-Э)** (аблаут): *дэггээЕин – еггээЫлын, дэжэЕин – ежэЫлын, дэблЕин – еблЫлын, дэдзЕин – едзЫлын, дэклүэтЕин – еклүэтЭын, дэшЕин – ешЭын, дэхЕин – ехЭын, дэжЕин – ежЭын*;

3) лъабжьэужь **-жы-, -кы-** зыпыувэ лэжыггэцлэм и лъабжьэр зэриух макьзешэм зихьуэжу **-э/-ы-**: *цлэлэтЭн – цлэлэтЫжын, зэтелүэнтлЭн – зэтелүэнтлЫкын* [Дзуганова, Кумыкова 2015: 1544].

4) лъабжьэпэ **кьэ(ы)-** (цлыху псалъэм и лъэныкьуэкклэ унэтлыныггээ кьеггэльаггэуэ): *клуэн – кьэклуэн, гьэклуэтэн – кьэггэклүэтэн*.

Кьыхэдггэщынщ вектор зэпэщытыныггээр кьэзыггэхьу щлыклэхэмрэ лэмалхэмрэ зэмыллэужыггэуэ куэд зэрыхьур икли дьпэкклэ ахэр нэхь куууэ яджыну зэрахуэфашэр.

Адыггэ литературэм кьыхэха шапхьэхэмклэ вектор зэпэщытыныггээр кьэггэльггэуа зэрыхьур нэлурыт тщлынщ.

Пацэр «ныху-ныху» жилуэ дэежейм и пацлэхэр зэм дэуейт, зэми кьеухт (Хьэкьун И. Бзыльхуггээ шу щэху). *Курггюкьуэ и хьуэхьу ггэцлэрэцлэм цауэр едэлуафэ теткьым адэклэ-мыдэклэ зеплхьы, и адэм йопль, зи нэпс зыльггэцл и анэм хуоплэкклэ, и цхьэр еггэкклэрахьуэ, йоплхьы, доплггей* (Нало А. Нэхуш шу). *Саадул псыхьуэ ныджемклэ плэрт, цлыху уэр гун кьыздэклүэмклэ, иныкьуэхэр лъэсу, иныкьуэхэри – шууэ. Псы адрыщлымклэ зы гун, мыдрыщлымкли – зы гун* (Шортгэн А. Бгырыхэр). *Абы хуейт ицлэну жэщыым дьггээр зыггэункыфлыр, ицэдджыжыым кьыщлэзыггэнэжыр* (Абазэ Л. Анэм и джэ макь). *Бгыцхьэм кьыщжэсауэ кьежэж уэшхыпсыр псыхьэлыггэуэ хьуауэ хьэсэцлэ ггунэм кьэсащ. – Бгы лъапэм цлэжэ псым и адрыщлым щыль ауз лъэггум цлыхур ипхьауэ иту ельаггэуэ* (Теунэ Хь. Шэджемкьуэ лъэпкь).

Вектор зэпэщытыныггэм ещхьу унэтлыныггээ мыхьэнэ зилэ *конверсив зэпэщытыныггээ* жыхуалэр кьыхэбггэщхьэхукл хьуну кьыдолгытэ. Ахэр зэрызэщхьэщыккыр мыращ: япэм кьеггэльаггэуэ зэггэуэитлым я зэхуаку дэль зэхущытыклэр а зы щхьэм (субъектым) кьызэрыбггэдэккыр, етлуанэм кьыггэльаггэуэ зэпэщытыныггээр луэхуггэуэм хэт лъэныкьуитлымклэ кьокклэ, субъектитлым кьабггэдокклэ. Нэггэуэщлу жытлэнщи, вектор зэпэщытыныггэм кьыггэльаггэуэр а зы щхьэм кьыбггэдэклэ, е а зы щхьэм (зы субъектым) хуэпхь хьу зэпэщыт лъэныкьуэхэмклэ унэтлыныггээ зилэ луэхуггэуэхэрщ. Конверсив зэпэщытыныггэм – а зы луэхуггэуэм (зэхущытыклэм, щытыклэм) теухуауэ, ехьэллауэ абы зэпэщыту хэт субъектхэм кьабггэдэклэ лэжыггээрщ, щытыклэрщ.

Псалгэм папщIэ: *цэн* – *кьэццэхун* (зым ещэ, адреим кьэщэху), *етын* – *кьеIыхын* (зым ирет, адреим кьэщтэ).

Адыгэбзэм мы зепэщытыкIэ лIэужьыгъуэр кьэггэлыгъуа щохъу: 1) лэжыггэцIэхэмкIэ: *цэн* – *кьэццэхун*, *еггэдджэн* – *еджэн*, *етын* – *кьеIыхын*; 2) цIыхухэм я зэблэггаггэ-зэIыхылыггэ, социальнэ зэхуштыкIэхэм я лэныкьуэ зепэщытхэр кьэзыггэлыгъуэ щыIэцIэхэмкIэ: *еджакIуэ* – *еггэдджакIуэ*, *ггэсакIуэ* – *ггэсэн*, *хьэццIэ* – *бысым* (*хггэерей*), *цауэ* – *нысацIэ*, *шынэхьыжъ* – *шынэхьыццIэ*, *сабий* – *балигъ*, *дохутыр* – *сымаджэ*.

Адыгэ тхакIуэхэм я IэдакьэщIэкIэхэм конверсив зепэщытыныггэр зи зэхуаку дэлъ антонимхэр кьызырщыггэсэбэпым и цапхьэхэр кьэтхьынщ.

Хггэерей хуэмыхум и хьэццIэ хьэ иреггэдзаккэ, ауэ абы нэхрэ нэхъ Iеишц уэ кьызэццIэну узыхтар. ХьэццIэм хьэкъ пылкъым. ХьэццIэр хьэццIэщ. Ар дггэхьэццIэныр дэ ди хьэкъщ. ЗымыццIэр цIоупцIэ. Иджы кьэццIащи, нэггэуэццI бысымы уиIэну кьыццIэкIыныц, тхьэм куэдри удиггэхьэццIэ, сэ сызэрыбггэукIытам хуэдэу умыггэукIытIэ (МафIэдз С. ЩIакIуэ фIыщIэ).

Зэи хуэмыдэу классыр цымт, цымт и IитIыр и цIыбаггэымкIэ цызырэйдзэуэ, еджакIуэхэм яхэплэуэ, классыр кьызыхэзыкIухь еггэдджакIуэри (Абазэ Л. Анэм и джэ макъ).

ЗэрыжалэмкIэ, Данили и адэмрэ и шынэхьыжъ Хьызыр мыггэуэмрэ фIы куэдкIэ кьэтащ. – Пыцыхьэццхьэм зи пхьэ кьыкIа Бэрашу ХьэфIыцIэ и шынэхьыццIэ Наццхьуэ сьмэ джэгушхуэ хуаццIыжырт (МэфIэдз С. Мыхьур).

Ар гузавэрт иджыпсту балигъ хьуам хуэдэу хьарзынэу зэпсалгэ сабийм зыкьызэридзэкIыу зэкIэ ггэццIауэ и сабий хьэлыр и гуццIыу кьэхьужынкIэ (Кьармокьуэ М. Щихухэр иджыри мэкI).

Аращи, зепэщыт зэхуштыкIэхэр дэтхэнэ пкьыггэуитIми я зэхуаку дэлъ зэхуштыкIэхэм ящыщ зыщ. Бзэм ехьэлIауэ кьапщтэмэ, ар антонимием льябжэ хуэхьуращ. Адыгэбзэм зепэщытыныггэ зэхуштыкIэхэр кьыщыггэлыгъуа зэрыхьум укIэлъыплъмэ, абыхэм кьахьыбоггэщхьэхукIыф контрар (ещанэ пкьыггэуэ зи зэхуаку дэлъ), контрадиктор (пкьыггэуитIу зепэщIэт), зепэщIэт унэтIыныггэр зи льябжэ вектор, конверсив зепэщытыныггэ лIэужьыггэуэхэр. Ахэр зэщхьэщокI кьызыраггэлыгъуэ псалгэ лэпкьыггэуэхэмкIи, зепэщытыныггэ лIэужьыггэуэхэр кьэзыггэхьу IэмалхэмкIи. Контрар зепэщытыныггэр я зэхуаку кьыдохьуэ плыфэцIэхэмрэ я мыхьэнэкIэ абыхэм япэхьу псалгэ кьытешцIыкIэхэмрэ, икIи абы Iэмал имыIэу курыт пкьыггэуэ хэтыр инэхьыбапIэм кьэзыггэхьур **мы-** льябжэпэращ. Контрадиктор зепэщытыныггэр нэхьыбэу зи зэхуаку кьыдэхьуэр я мыхьэнэкIэ и нэм нэс икIи курыт щытыкIэ зымыIэ зепэщIэуэныггэ зыхэлъ кьэхьуггэхэр, нэщэнэхэр кьэзыггэлыгъуэ плыфэцIэхэр, щыIэцIэхэр, кьэхьукIэцIэхэр аращ. Мы зепэщытыныггэ лIэужьыггэуэр кьэзыггэхьу Iэмал зыбжанэ адыгэбзэм иIэщ, абыхэм ящыщц **мы-** мыхьуныггэ льябжэпэр, **-нш(э)** мыхьуныггэ льябжэужьымрэ, абы я мыхьэнэкIэ кьыпэщIэуэ **-бэ**, **-фIэ** льябжэужьхэмрэ, нэггэуэццIэхэри. Вектор, конверсив зепэщытыныггэ лIэужьыггэуэхэр адыгэбзэм нэхьыщхьэу кьыщаггэщI унэтIыныггэ зыхэлъ лэжыггэцIэхэмрэ Iуэхуггэуэм е нэщэнэм и унэтIыныггэ кьэзылуатэ щыIэцIэхэмрэ; а тIум зэтемыхуэу яхэлыр япэрехьэм зы субъектым кьыбггэдэкI зепэщыт кьэхьуггэхэр, етIуанэхэм щытыкIэм хэтитIым я зепэщытыныггэ кьаггэлыгъуэу зэрыщытырщ. Вектор зепэщытыныггэр кьэзыггэхьу Iэмалхэри куэд мэхьу, ахэр зыпыщIар унэтIыныггэр зэзыхьуэкI мыхьэнэр лэжыггэцIэм (абы кьытешцIыкIэхэм) хэзылхьэ Iэмэпсымэхэращ; нэхьыбэу кьаггэсэбэпхэм ящыщц льябжээр зэриух макггэщэм зыхьуэжыныр **-э/-ы-**.

ТегъэщIапIэхэр
Список источников

1. *Апажев М.Л.* Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пособие. Нальчик, 2004. 153 с.
2. *Атажахова С.Т.* Особенности функционирования антонимически повторяющихся единиц в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). С. 24–28.
3. *Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х.* Полевой подход в изучении эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 6. С. 145–148.
4. *Васильев Л.М.* О принципах соотносительного описания лексики и фразеологии // Исследования по семантике. Уфа, 1993. С. 12–16.
5. *Губжожкова Д.Д.* Выразительные ресурсы антонимии в кабардино-черкесском языке // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Материалы Международной конференции. Нальчик, 2011. С. 23–28.
6. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.
7. *Костомаров В.Г., Максимов В.И.* Современный русский литературный язык: Учебник. М., 2003.
8. *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапиева) Э.Т.* Средства экспликации семантики контрадикторности а производных антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 229–239.
9. *КЧЯ* – Кабардино-черкесский язык. В 2-х томах. Нальчик, 2006.
10. *Михайлов В.А.* Генезис антонимической оппозиции (Антонимия и отрицание): учеб. пособие. Л., 1987.
11. *Новиков Л.А.* Антонимия и словари антонимов // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / под. ред. Л.А. Новикова. М., 1978. С. 5–28.
12. *Пицыйбий Инал.* Адыгэбзэм и антонимхэм я псалъалъэ кIэщI (Пишибиев И.Х. Краткий словарь антонимов кабардино-черкесского языка). Нальчик, 1989. 60 с.
13. *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодар. книжн. изд-во, 1996. 426 с.
14. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
15. *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962. 212 с.
16. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие. М., 1972.
17. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: АН СССР, 1948. 372 с.

References

1. APAZHEV M.L. *Leksicheskaya semasiologiya kabardino-cherkesskogo yazyka v сопоставлении s russkim: ucheb. Posobie* [Lexical semasiology of the Kabardino-Circassian language in comparison with Russian]. Nalchik, 2004. 153 p.
2. ATAZHANOVA S.T. *Osobennosti funkcionirovaniya antonimicheski povtoryayushchihya edinic v adygejskom yazyke* [Features of the functioning of antonymously repeating units in the Adyge language]. IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2018. № 1 (212). P. 24–28
3. BIZHOEV B.CH., TOKMAKOVA M.H. *Polevoj podhod v izuchenii emotivnoj leksiki kabardino-cherkesskogo yazyka* [Field approach in the study of emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]. IN: Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. № 12. T. 6. P. 145–148.
4. VASILEV L.M. *O principah sootnositel'nogo opisaniya leksiki i frazeologii* [On the principles of the correlative description of vocabulary and phraseology]. IN: Issledovaniya po semantike. Ufa, 1993. P. 12–16.
5. GUBZHOKOVA D.D. *Vyrazitel'nye resursy antonimii v kabardino-cherkesskom yazyke* [Expressive resources of antonymy in the Kabardino-Circassian language]. IN: Yazyk, kultura,

etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Nalchik, 2011. P. 23–28.

6. DZUGANOVA R.H., KUMYKOVA D.M. *Principy opisaniya morfonologicheskikh yavlenij v glagole kabardino-cherkesskogo yazyka* [Principles for describing morphonological phenomena in the verb of the Kabardino-Circassian language]. IN: *Fundamentalnye issledovaniya*. 2015. № 2–7. P. 1542–1545.

7. KOSTOMAROV V.G., MAKSIMOV V.I. *Sovremennyy russkij literaturnyy yazyk: Uchebnik* [Modern Russian literary language: Textbook]. M., 2003.

8. KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Sredstva eksplikacii semantiki kontradiktornosti a proizvodnyh antonimah (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Means of explication of the semantics of contradictory and derivative antonyms (based on the material of the Kabardino-Circassian language)]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 2020. № 4. P. 229 – 239.

9. *KChYa – Kabardino-cherkesskij yazyk. V 2-h tomah* [Kabardino-Circassian language. In 2 volumes]. Nalchik, 2006.

10. МИHAJЛOВ V.A. *Genezis antonimicheskoy oppozicii (Antonimiya i otricanie): ucheb. Posobie* [Genesis of antonymic opposition (Antonymy and denial): textbook. allowance]. L., 1987.

11. NOVIKOV L.A. *Antonimiya i slovari antonimov* [Antonymy and dictionaries of antonyms]. IN: Lvov M.R. *Slovar antonimov russkogo yazyka / pod. red. L.A. Novikova*. M., 1978. P. 5–28.

12. PSHCHYBIJ INAL. *Adygebzem i antonimhem ya psal'al'e kIeshchI (Pshibiev I.H. Kratkij slovar' antonimov kabardino-cherkesskogo yazyka)* [A short dictionary of antonyms of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik, 1989. 60 p.

13. ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygejskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe language]. Majkop: Krasnodar. knizhn. izd-vo, 1996. 426 p.

14. UFIMCEVA A.A. *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Word in the lexico-semantic system of the language]. M., 1968.

15. SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noj leksikologii adygskih yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nalchik, 1962. 212 p.

16. SHANSKIJ N.M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. Posobie* [Lexicology of the modern Russian language: Textbook. allowance]. M., 1972.

17. YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: AN SSSR, 1948. 372 p.

Информация об авторах

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

D.M. Kumyкова – Candidate of Philology, associate professor, Senior researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

B. Ch. Bizhоеv – Doctor of Philology, leading researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 81(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-66-74

АДЫГЭБЗЭМ И ЛЕКСИКО-ТЕМАТИКЭ СИСТЕМЭР ДЖЫНЫР

Токмакъ Мадина Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© М.Х. Токмакъ, 2021

Аннотаци. Мы лэжьыгъэр лексикологие и зы Iыхьэм – лексико-тематикэ системэм теухуаш. ШIэныгъэлI цIэрыIуэхэм я къэхутэныгъэхэр къэдгъэсэбпурэ, абы и шхьэхуэныгъэхэр зэпкърыдох. Апажэ М.Л. ишIа лексикэм и гуэшыныгъэм зытедгъашIэурэ, адыгэбзэм и лексико-тематикэ гупхэм я гугъу дошI, урысыбзэм едгъапшэурэ абыхэм я шытыкIэ хэхам дыккытоувылэ. Лексикэ-тематикэ занэхэр зэпкърыхын зэрыхуейр къыдогъэлыагъуэ: абы и бжыгъэр, морфемэ зэхэлыкIэр, къызыхэкла, мыхьэнэ зэхэлыкIэ, псалъэм и мыхьэнэ зэфIэжI, псалъэшI зэпкърыхыныгъэ, псалъафэ зэпышIэныгъэхэр къэтхутэу. БишIо Б.Ч. зэхигъэува, мыгъуэу къыдэжIыну урыс-адыгэ псалъальэм шыщ фIэщыгъэшIэхэр къыхэдгъэхьэурэ лексико-тематикэ лIэужьыгъуэхэм япэ дьдэу адыгэбзэкIэ датотхыхь.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: лексико-тематикэ системэ, лексикэ занэхэр, семантикэ, тематикэ гуп, тематикэ гуэшыныр, лексикэм и зэпкърыхыныгъэ

Цитатэ къызэрхыпхыну: Токмакъ М.Хь. Адыгэбзэм и лексико-тематикэ системэр джыныр // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 66–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-66-74

Original article

STUDY OF THE LEXICO-THEMATIC SYSTEM KABARDINO-CHERKES LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© М.Н. Tokmakova, 2021

Abstract. This article is devoted to one of the structured areas of vocabulary – the lexical-thematic system, its meaning in linguistics. The attention of representatives of different sciences to this topic is noted due to its specificity, based on the systematic nature of the surrounding reality. The main problems associated, first, with a large volume of vocabulary material, including several tens of thousands of lexical and semantic variants of lexemes, are indicated; secondly, with the definition of the very concept of “theme”, the absence of a clear criterion; thirdly, with the peculiarities of a specific language, reflecting the national mentality, which leads to a different thematic grouping of vocabulary not only in typologically distant languages, but also in related languages, and even in the same language among different linguists or ordinary speakers of a given language. Based on the research of M.L. Apazhev, the main components of the lexical-thematic system of the Kabardino-Circassian language are highlighted, which are conditionally divided

into ten large thematic associations, which include smaller thematic groups or subgroups. Also, using the example of the somatic group, the technique of analyzing vocabulary according to the following parameters was demonstrated: quantitative criterion, morphemic composition, historical origin, semantic structure, semantic potential of a word, derivational activity, phraseological links.

Keywords: lexical-thematic system, semantics, thematic groups, lexical-thematic classification, methods of analysis

For citation: Tokmakova M.H. Study of the lexico-thematic system kabardino-cherkess language. *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 66–74. (In Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-66-74

Научная статья

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© М.Х. Токмакова, 2021

Аннотация. Данная статья посвящена одной из структурированных зон лексики – лексико-тематической системе, ее значению в языкознании. Отмечается обращенность представителей разных наук к данной теме в силу ее специфичности, основанной на системности окружающей действительности. Указываются основные проблемы, связанные, во-первых, с большим объемом словарного материала, включающего несколько десятков тысяч лексико-семантических вариантов лексем; во-вторых, с определением самого понятия «тема», отсутствием четкого его критерия; в-третьих, с особенностями конкретного языка, отражающего национальный менталитет, что приводит к разной тематической группировке лексики не только в типологически далеких друг от друга языках, но и в родственных, и даже в одном и том же языке у разных лингвистов или обычных носителей данного языка. Опираясь на исследования М.Л. Апажева, выделены основные составные части лексико-тематической системы кабардино-черкесского языка, которые условно распределяются на десять крупных тематических объединений, куда включаются менее крупные тематические группы или подгруппы. Также на примере соматической группы продемонстрирована методика анализа лексики по следующим параметрам: количественный критерий, морфемный состав, историческое происхождение, семантическая структура, семантический потенциал слова, деривационная активность, фразеологические связи.

Ключевые слова: лексико-тематическая система, семантика, тематические группы, лексико-тематическая классификация, методика анализа

Для цитирования: Токмакова М.Х. Изучение лексико-тематической системы кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 66–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-66-74

Мы системэр дэтхэнэ бзэми нэхъ пасэу шызэпэща икIи нэхъ къэхута хуауэу шыт зэгухъныгъэш. Абы лъабжьэ хуэхуар дыкъэзыухуэрейхъ дунейм и зэхэлыкъIэрщ, хъэпшыпхэм, къэхуыкъащIэхэм я зэхушытыкъIэхэрщ. Лексико-тематикэ системэр бзэшIэныгъэ дыдэу зэрышымытым къыхэкIыу, ар щIэныгъэ зэмылIэужыгыгуэхэм ядж. Псалгэм папщIэ, Менделеев Д.И. къызэлуиха химие пкъыгуэхэм я системэр, зэрытщIэщи, а пкъыгуэхэм я атом хъэлыгъымрэ таблицэм шызэрызэкIэлъыкIуэ номеру зэрыхэтымрэ тещIыхъащ. Адрейхэм къазэрыщхъэщыкI нэшэнэхэмкIэ щIэныгъэлIэхэм Iэджэ щIауэ гуп-гупу ягуэш къэкIыгъэ псори [Линней 1735], псэушхъэхэри [Дарвин 1939], дыкъэзыухуэрейхъ хъэпшыпхэри [Коменский 1957].

Абы теухуауэ Энгельс Ф. итхауэ шыташ: «дыкьэзыухьуреихь дунейм системэ гуэр кьызэрегьэпэщ, и пкьыгьуэхэм зэхэлъыкIэ гуэр яIэу» [Энгельс 1961: 392].

ЩIэныгьэм теорие ильэныкьуэкIэ и кьалэн нэхьыщхьэщ системэм хэт пкьыгьуэхэр хабзэ гуэрым тету зэрыухуар, ахэр зэпхауэ, зэгьээхуауэ зэрыщытыр кьихутэну. Шэч хэлъкьым бзэми ухуэкIэ хэха зэриIэм. Кьапщтэмэ, дэтхэнэ бзэми хэт псалъэхэм гуп зэмылIэужьыгьуэхэр кьагьэхуэ, зэхуэдэныгьэкIэ, зэгьунэгьугьэкIэ, кьалэн ягьээщIэ сыт хуэдэкIэ лексико-тематикэ гупхуэ зэгухьуэ. Дорошевский В. жиIэу шыташ «псалъэхэр хьэпшыпхэм я нэхумкIэ блэуэ» [Дорошевский 1973:109], ар захуэмэ, гурыIуэгьуэ мэхуэ лексикологиемрэ семантикэмрэ я кьэухьым иту щекIуэкI дыкьэзыухьуреихь дунейр зэрыгуэша щIыкIэхэмрэ ахэр бзэм кьызэригьэлыагьуэм хэлъ хьэлэмэтагьхэмрэ джыным щIэныгьэлIхэм гулытэ лей зэрыхуащIыпхьэр. Мы лэжыгьэм абыхэм я гугьуэ шытщIынуш.

Гу зылытапхьэщ кьэхутакуэм псалъэхэр тематикэкIэ щигуэщкIэ сыт шыгьуи псоми хуэкIуэн пщалъэ (критерий) зэримыгьуэтыр. Апхуэдэу гипероним жыхуаIэр (псалъэхэр зы тематикэ гупым шызэщIэзыкьуэ псалъэ-гурыIуэгьуэр) языныкьуэ псалъэхэм мыхьэнэкIэ нэхь япэгьунэгьуэ е япэжыжьэу шытынкIэри мэхуэ, абы нэмыщIкIэ, абы зэгуйгьэхьэ лексикэ занэхэр мыхьэнэкIэ зэмышлIэщауи кьохуэ. Псалъэм папщIэ, семантикэкIэ зэмышлIа псалъэхэр – *стIол, тхыль, шэ, ныIэ, ахьшэ, мафIэдз* сыт хуэдэхэр пыухыкIа мыхьэнэкIэ – «предмет пыухыкIауэ зэрыщытымкIэ» – зы тематикэ гупым хохьэ. Ауэ ущIэупщIэ хьунуш: мыпхуэдэхэр лексико-тематикэ гупу убж хьуну пIэрэ? Тематикэ гуп гуэр кьэбгьэхьун ипэкIэ япэщIыкIэ зэхэбгьэкIын хуейщ – сыт темэкIэ убж хьунур, бзэм и псалъэ псори кьанэ шымыIэу тебгуэшэн щхьэкIэ? Адыгьэбзэмрэ урысыбзэмрэ шызэпэпльыткIэ нэрылыагьу мэхуэ дыкьэзыухьуреихь дунеймрэ абы кьыщыхьухэмрэ дэнэкии шызэхуэдэми, дэтхэнэ лъэпкьыми и хабзэхэм и псэукIэм тещIыхьауэ абы и бзэм и семантикэр адрейхэм кьызэрыхьэщыр, кьызэрыщхьэщыкIыр. ЗэрыгурыIуэгьуэщи, абы кьешэ бзэ зэпэжыжьэхэр кьэгьэнауэ уэблэмэ бзэ зэлыхьыхьэми я лексикэр тематикэкIэ зэмышьхуэ гуэша зэрыщыхьур.

Абы нэмыщIкIэ, зы бзэм и кьэхутакуэхэми, а бзэм ирипсалъэхэми щхьэж езым нэхь фIэтэмэму лексикэм и тематикэ гуэшыкIэ кьыхехыж. Апхуэдэу, Лурия А.Р. и псалъэхэмкIэ жыпIэмэ, «кIапсэр» цIыхуитIым зэхуэдэу кьагурыIуэркьым – зым щхьэкIэ ар зыгуэр зэрызекIуэцIапхэ Iэмэпсымэщ, адрейм щхьэкIэ мащэ куум ихуам зэрызыкьригьэл, абы кьызэрикIыж Iэмалщ [Лурия 1979: 54]. НэгьуэщI цапхьы кьэтхьынщи, цIыхуэ зэхэщIыкI зимыIэм урысхэм *баран* «мэл», *дуб* «жыгей», сыт хуэдэхэр хужалэ. Адыгьэхэм абы ипэкIэ нэгьуэщI псалъэхэщ кьагьэсэбпыр: *былым, Iэц, ахьмакь, шыд, делэ*, н. Псалъэм папщIэ: – *Мюришидым ицхьэцэ хуэцI, былым!* – *кьамышыр льагэу триIэтац абы (Щамел) накьырапцэм* [Шортэн 1975: 81]. – *Сыт мы кьыубжхэр, ахьмакь?* – *ткIийуэ жиIац бригадирым* [Журт 1987: 40].

Урысыбзэм *знакомство* «цIыхугьэ», *связи* «зэпыщIэныгьэ», *влияние* «лъякIыныгьэ», *поддержка* «дэIэпыкьуныгьэ», *покровительство* «кьыщхьэщыжыныгьэ», *рука* «Iэ» псалъэхэм лексикэ гуп щхьэхуэ кьагьэхуэ, мыбы хыхьэ лексикэ занэхэр синоним зэхуытыкIэхэмкIи зэпхащ. Абы кьыщхьэщыкIыу, адыгьэбзэм *Iэ* псалъэм апхуэдэ мыхьэнэ иIкьымы, зи гугьуэ тщIа гупым ар хыхьэнукьым. Урысыбзэм куэд мыхьэнэ кьыщагьэлъэгьуэнуэм деж мыпхуэдэ псалъэхэр кьагьэсэбэп: *лес* «мэз», *море* «тенджыз», *воз* «гулэ», *туча* «пшэ», *вагон, собак нерезанных* «хьэ фIэмыгьэжахуэ», н. КьедбжэкIа псалъэхэм шыщу адыгьэбзэм *мэз, пшэ, тенджыз, хьэ фIэмыгьэжахуэ* жыхуиIэхэр кьыгьэсэбэпкьым а мыхьэнэр кьыгьэлыагьуэн щхьэкIэ. Абыхэм япэкIэ *хьушэ, мацIэ, хьэпIацIэ, мывэкьурш, пшахуэ* сытхэщ жаIэр. Псалъэм папщIэ: *Архьуанэ Iуфэр ихьурегьэкIэ хьэмцIажьэ хьуишэ, псыщIэр уамыгьэлыагьуэ, нэр темытыIэу зэрызехьэрт* [КIэрэф 2009: 352].

Адыгэбзэмрэ урысыбзэмрэ ирипсалъэхэр ильэсищэ бжыгъэкIэ кызырэызэдэгъуэгурыкIуэм кыыхэкIуэ, а бзэхэм, я щхьэхуэныгъэхэм къадэкIуэу, зетехуэныгъэ гуэрхэри шыIэ хьуаш, псалъэм апхуэдэхэр къэхутэным теорие ильэныкыуэкIи, практикэ ильэныкыуэкIи мыхьэнэ иIэщ. Лексико-тематикэ гупхэр джыныр кыгуэхыпIэ зимыIэ я Iыхьэщ мыхьэнэгъэнахуэ, идеографии, фIэщыгъэ псалъалъэ сыт хуэдэхэр зэхэльхьэным.

Апажэ М.Л. [Апажев 1992] ищIа гуэшыныгъэм зытедгъащIэурэ, адыгэбзэм и лексико-тематикэ системэм и Iыхьэ нэхьыщхьэхэр (пщIы хьууэ) къэдгъэлыагъуэнц. А пщIым хохьэ гуп цыкIу куэд, цыхум и гъащIэм ехьэлIа псори кызызщIиубыду:

1. Iэпкыльэпкыым щыщ Iыхьэхэр, благъагъэ, щыгъын. Мыбы иджыри хохьэ вакъэ, пыIэ, щэкI лIэужьыгъуэхэр, цыхубзхэм зэрызагъэщIэращIэ, сэхусэплъ, н.

2. Шхын, унагъуэм кыщагъэсэбп хьэпшыпхэр. Мы гупым хохьэ цыхухэм ящI шхыныгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэр, IэфIыкIэхэр, хадэхэкIхэр, пхьэщхьэмыщхьэхэр, мэракIуэ, шхынхэлъхьэ, хьэкъушыкыу, ету, шыуан, н.

3. IэщIагъэ, сату. ПхьащIэ, дэрбзэр, гукIэ сыт хуэдэ псалъэхэм нэмыщI мы гупым хохьэ тыкуэн, ахьшэ, бэзэр, н.кь.

4. Псэушхьэ, къэкIыгъэ псоми я цIэхэр, географии, ономастикэ. Псалъэм папщIэ, удз гъэгъахэм, жыгхэм я фIэщыгъэхэр; цыхухэм я цIэ-унэцIэхэр, цIэлейхэр; къуажэхэм, псыхэм я фIэщыгъэхэр, н.кь.

5. Мэкъумэш хозайствэм пыщIа псори. Мы гупым Iэщ гъэхуэныгъэ, хадэзехьэ сыт хуэдэхэм нэмыщI хохьэ мэкъумэшым зэрелэжь Iэмэпсымэ зэмылIэужьыгъуэхэр, н.

6. Бжыгъэ, пльыфэ, гьушцIыкIэхэр, пкъахуэ кызыэрапщ, кызыэралъытэхэр, хьэпшып кызыыхашцIыкIэхэр (материалхэр). Псалъэм папщIэ, мыбы хохьэ тхьэмахуэм хэт махуэцIэхэр, мазэхэм я цIэхэр, н.

7. ЗэрызекIуэ, хьэлъэ зэрагъэлэпхуэ Iэмэпсымэхэр, техникэ лIэужьыгъуэхэр, зэпыщIэныгъэм кыщагъэсэбп Iэмалхэр, коммуникацэхэр. Мы гупым апхуэдэу хохьэ Iэпслъэпс, вокзал, станц, лъэмыж сыт хуэдэ псалъэхэр.

8. Егъэджэныгъэ, гъэсэныгъэ, узыншагъэр хьумэныгъэ, щIэныгъэ. Мыбы хохьэ еджапIэ лIэужьыгъуэхэр, щIэныгъэхэм епха фIэщыгъэцIэхэр, н.

9. Щэнхабзэ (культурэ), хабзэ, дин. Псалъэм папщIэ, мы гупым хохьэ кино, театр сыт хуэдэхэр, тхыль, газет, цыхухэм зыщагъэпсэху щыпIэхэр, н.кь.

10. Iуэхутхьэбзэ щIапIэхэр, къэралым и IуэхушIапIэхэр, политикэ ухуэкIэ, унафэшцIыпIэ, военнэ Iуэхугъуэ, спорт. Мыбы иджыри хохьэ Iэщэ лIэужьыгъуэхэр, зэхьэзэхуэ, спортым кыщагъэсэбп Iэмэпсымэхэр, шапIэ зэмылIэужьыгъуэхэр, н.кь.

Къэдгъэлыгъуэ тематикэ гуэшыныгъэр, нэгъэсауэ зэрымыджам кыыхэкIуэ, ныкыусаныгъэншэу пльытэ хьунукыым. Ар адэкIи ебгъэфIакIуэ хьунуш, егъэфIэкIуэни хуейщ. Кыхьэгъэщыпхьэщ лексикэр темэкIэ бгуэшыну зэрымытыншыр – 30000-м нэхьрэ нэхьыбэ хьу занэхэм нэмыщIа, абыхэм къатекIа лексико-семантикэ лIэужьыгъуэхэри (ЛСЛ) минипщI зыбжанэ мэхуэ.

КыхьэдгъэкIа лексико-тематикэ гупи 115-м ящыщу зи гугъу тцIынуур зыщ – цыхум и Iэпкыльэпкыым ехьэлIа псалъэхэрэщ (соматизмэхэрщ), абы и щапхьэкIэ къэдгъэлыгъуэнуш лексикэм и зэпкырыхыныгъэ щIыкIэмкIэ щыIэ пщалъыблыр.

1. Япэрауэ, адыгэбзэм убгъуауэ кыщагъэсэбп соматизмэхэм я **бжыгъэр** зэхэгъэкIын хуейщ. Урысыбзэм ебгъапщэмэ, адыгэбзэм ахэр куэдкIэ щынэхьыбэщ – адыгэбзэм и апхуэдэ занэхэр 300-м щегъу, урысыбзэм – 155-рэщ иIэр. Абы нэмыщI, урысыбзэм кыгъэсэбп соматизмэхэм ящыщ куэдым япэхьун фIэщыгъэ хэткыым: *аортэ, бицепс, желудочек, надкостница, предплечье*, н. НэгъуэщI лъэныкыуэкIи, языныкыуэ адыгэбзэ соматизмэхэм ящыщу нэхьыбэжым къапэхуэ урысыбзэм имыIэу кыщцокI: *дажэпкъ, дажэщI, жьафэ, лъэгудыгъуэ*,

лъэнкIапIацхъэ, лъэпэмцIуий, накIэ, напIацхъэ, натIэгу, пэнцIыб, пэцхъын, IэпэмцIуий, н. Куэдрэ ухуозэ зы урыс соматизмэм адыгэ псалъэ зыбжанэ хуэкIуэу. Псалъэм папщIэ, *грудь – бгъэ, бгъэгу, бгъафэ, быдз; бок – бгъуэ, джабэ; волос – цхъэц, цы; горло – тмакъ, къурмакъей; желудок – ихалъэ, лъатэ, кIапцIэ, н.* Урысыбзэм кыщагъэсэбэп псалъитI- псалъищым зы адыгэ соматизмэр хуэкIуэуи урохъэлIэ: *бгы – пояс, поясница; тмакъ – горло, гортань, глотка, зев; тхыцIэ – спина, позвоночник, н.*

2. Соматизмэхэр **морфемэ зэхэлыкIэкIэ** зэпкърыхын хуейщ. Адыгэбзэм и соматизм 303-м щыщу зы лъабжъэ морфемэ зани 102-м яIэщ (*зэз, блэ, жьэ, лъэ, цхъэ, н.*), лъабжыитI – 139-м (*дзапэ, напэ, пцэпкъ, Iэгу, Iупэ, н.*), лъабжыищ – 44-м (*бзэгупэ, напIацхъэ, пэлыңцI, тхъэкIумэIупс, н.*), лъабжыиплI – 18-м (*лъэпхуамбэжъакиэ, IэпэдждэдыкIэ, IупцIакIэ, н.*). Урысыбзэр къапщтэмэ, соматизм 155-м ящыщу 148-р зы лъабжъэ морфемэкIэ ухуащ, 7-р – псалъэ зэхэлыу кыщIэкIащ (*носоглотка, сухожилие* сыт хуэдэхэр). Бжыгъэ къэтхъахэр щыхъэт тохъуэ адыгэбзэм езым ейуэ лъабжъэ морфемэ куэд имыIэми, псалъэпкъ хыхъэ Iэмалыр убгъуауэ кыгъэсэбэпурэ иджырей дуней гугъум хунэсу зэрыхэтыфым, нэгъуэщI бзэхэм къазэрыдэгъурыкIуэфым, псалъэм папщIэ, езым и Iэмалхэр къэбгъэсэбэпурэ, зи лексикэ, псалъафэ къулеигъэхэр минищэ бжыгъэ хуэ урысыбзэмкIэ тха сыт хуэдэ тхыгъэри абыкIэ зэрызэбдзэкIыфым.

3. Соматизмэхэр **кызыыхэкIа** и лъэныкъуэкIэ къэпхутэмэ, абыхэм лъабжъэ яхуэхуар езы бзэм иIа псалъэхэращ, ахэр лексикэм нэхъ ныбжышхуэ зиIэ и Iыхъэхэм ящыщ. НэгъуэщIыбзэхэм къахэкIахэр куэд хъуркыым: *аортэ, бакенбард, куэтэн, тмакъ, къурмакъей, н.къ.*

4. Зи гугъу тщIы тематикэ гупым и **мыхъэнэ (семантикэ) зэхэлыкIэр** мыхъэнэгъэнахуэ псалъалъэхэм ятепщIыхъмэ [Кабардинско-русский словарь 1957; Словарь кабардино-черкесского языка 1999] мыпхуэдэуц зэрыщытыр: зы мыхъэнэ 270-м яIэщ (*блэгущIэ, блыпкъ, дамацхъэ, дзэцхъэл, н.*), мыхъэнитI 18-м яIэщ (*кIуэцI, лъатэ, тхы, фэ, ихалъэ, н.*), мыхъэнищ 8-м яIэщ (*бгъэ, джабэ, дзэ, лъэдакъэ, пкъы, н.*), мыхъэниплI 6-м яIэщ (*дамэ, лъэгу, напэ, нэ, цIыб, н.*). Адыгэ соматизмэхэм ящыщу мыхъэнэ нэхъыбэ дьдэ зиIэр *цхъэ* псалъэращ. Аращи, цIыхум и Iэпкълъэпкъым щыщ къэзыгъэлыагъуэ псалъэхэр нэхъыбэ зыщIыр абыхэм къатекIа лексико-мыхъэнэ лIэужыгъуэхэрщ.

5. Бзэм хэт дэтхэнэ лексикэ занэми иIэ мыхъэнэхэм я бжыгъэр аращ **псалъэм и семантикэ зэфIэкIым** (ПСЗ) кыгъэлыагъуэр. Апхуэдэу, ицхъэкIэ дызыщытепсэлыхъа адыгэбзэ соматизмэ 303-м зэхэту лексико-мыхъэнэ лIэужыгъуэу 372-р яIэмэ, псалъэм и семантикэ зэфIэкIыр (ПСЗ) 1, 23 хуэдиз мэхуэ.

6. Адыгэ соматизмэхэм я **псалъэщI жьджэрагъым** къегъэлыагъуэ псалъэщIэу дапхуэдиз абыхэм къагъэхуфми – ахэр Iэпкълъэпкъым ехъэлIауэ щытми щымытми. Псалъэм папщIэ, *цхъэ*-м щэм нэхърэ мынэхъ машIэ псалъэщIэу кытокI (*цхъэку, цхъэфэ, цхъэц, цхъэцIыб; цхъэдэдзыхын, цхъэдыкъ, н.*), *Iэ*-м – 100 хуэдиз (*Iэпэ, Iэгу, Iэдакъэ, Iэпцэ; Iэбэн, Iэрылхъэн, н.*), *гу*-м – 40 хуэдиз (*гутхъэкIумэ, гуфIэлу; гугъэжан, гукъеуэ, гууз, н.*), щIы бжыгъэ зыбжанэ къагъэхуэ *жьэ*-м (*жьээгъу, жьээгъул; жьэдэлхъэн, жьэдэнэн, н.*), *бгъэ*-м (*бгъэгу, бгъэгущ, бгъафэ, бгъэц, н.*), *Iу*-м (*Iунафэ, Iупэ, IупцIакIэ, IуфакIэ, н.*), *фэ*-м (*фэху, фагъуэ, фаджэ, н.*), *пцэ*-м (*пцэбгъу, пцэдакъэ, пцэл, пцэпкъ, н.*), *нэ*-м (*нэку, накIэ, нэбжыиц, нэкугъуэ, н.*), *пэ*-м (*пэбг, пэбзий, пэцхъын, пэц, н.*), нэгъуэщIэхэми. Адыгэбзэм мызыгъуэгукIэ псалъэщI псалъалъэ зэрымIэм кыхэкIыу гугъуц соматизмэхэм къатехуэкIахэм я бжыгъэр пэжу кыхэкIыныр. Абы хуэмыдэу, урысыбзэм и гугъу пщIымэ, Ворт Д.С. [Ворт и др. 1970], Тихонов А.Н. [Тихонов 1984–1985] сымэ къыдагъэкIа псалъэщI псалъалъэхэм затебгъащIэурэ жыпIэ хъунощ *Iэ*-м 137–161 псалъэщIэу къатекIауэ, *напэ*-м 163–112, *лъакъуэ*-м 127–167, *нэ*-м – 68–117, н.къ.

7. Соматизмэхэм я **псалъафэ зэпыщIэныгъэхэр** зэпкърыхыным мыхъэнэшхуэ иIэщ. Къэрдэн Б.М. иригъэкIуэкIа къэхутэныгъэмрэ Бэрбэч Б.Ч., БищIо Б.Ч.,

Иутыж Б.Къу. сымэ зэхалъхъа Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъальэмрэ [2001] къагъэлыгагъуэ соматизмэхэм къагъэхъу псалъафэхэр. Псалъэм папщIэ, гу-м фразеологизмэу 218 къагъэхъу (*гур пльын, гур гъун, гум хыхьэн, н.*), цхьэ-м – 130 (*(и) цхьэм жьы цызыепцэн, цхьэр гъэузын, цхьэр унэзэн, н.*), нэ-м – 111 (*нэ жан, нэ лейкIэ еплъын, нэр пльызын, н.*), Iэ-м 52 (*Iэ дэлъэн, Iэ цIэдзын, IэкIэ зехьэн, н.*), фэ-м – 50 (*фэи лыи къытемьнэн, фэкIэ зыщIын, фэр пыкIын, н.*), жьэ-м 41 (*жьэ зэщIэхын, жьэм къыхъ къэмыгъэнэн, жьэр уцIауэ, н.*), нибэ-м – 20 (*(и) нибэр къежъэн, нибэр къигъэун, нибэр къриуэнтIыкIын, н.*), Iэпэ-м 19 (*(и) Iэпэм едзэкъэжын, Iэпэр ихэн, (и) Iэпэм дыщэ къыпош, н.*), тхьэкIумэ-м – 17 (*тхьэкIумэм Iусын, тхьэкIумэр гъэкIын, тхьэкIумэр IуэнтIэн, н.*), бзэгу-м – 14 (*бзэгу зехьэн, (и) бзэгум едзэкъэжын, бзэгум IэфI къыщIэмынэжыху (лъэIуэн), н.*), лъэ-м – 14 (*лъэр жан хъун, лъэр цIэхун, лъэм къызэрыхъкIэ (жэн), н.*), Iэгу-м – 12 (*Iэгу иплъэн, (и) Iэгур и Iэнэу, Iэгу еуэн, н.*), лы-м – 10 (*лы зытельхьэн, лыр узын, (и) лыр ихын, н.*), лъапэ-м – 10 (*лъапэ цIгэчэн, лъапэ махуэ къыхьэн, лъапэ цымыльгъэщIын, н.*), натIэ-м – 10 (*натIэкIэ еуэлэн, натIэм илтым хуэзэн, натIэм игъэкIын, н.*), н.къ. Урысыбзэм ебгъапщэм БАС-ымрэ [Большой академический словарь 1948–1965] Молотков А.И. къыдигъэкIа Урысыбзэм и фразеологическэ псалъальэмрэ [Фразеологический словарь русского языка 1967] затебгъэщIэурэ къыхэбгъэкI хъунуш нэ-м псалъафэу 80–141 хуэдиз къыгъэхъуу, цхьэ-м – 57–115, гу-м 47–63, бзэгу-м 68–72, лъакъуэ-м 58–67, жьэ-м 11–25, нэ-м 32–39, дзэ-м 24–30, Iэ-м – 86–170, напэ-м – 28–28, н.къ.

Адрей лексико-тематикэ гуп нэхьыщхьэхэр кууэ зэпкърыдмыхыу (абы щIыпIэшхуэ иубыдынуш) къедбжэкIынщи, Апажэ М.Л. [Апажев 1992] и къэхутэныгъэм зытедгъащIэурэ, лексикэ занэхэм я бжыгъэр къэдгъэлыгагъуэнщ – япэ бжыгъэр адыгэбзэм хэтыр зэрыхъурщ, етIуанэр – урысыбзэм:

Иыхылыгъэм ехьэлIа фIэщыгъэхэр 57–57

Пльыфэ къэзыгъэлыгагъуэ лексикэр 45–70

Шхынымрэ зэфэ гуэрхэмрэ 236–327

Псэуныгъэм къыщагъэсэбэп хьэпшыпхэр 268–283

ЩатIагъэ, щхьэратIагъэ, лъатIагъэ, IэратIагъэ, зэрызагъэщIэращIэ гуэрхэм я лексикэр 250–380

КъэкIыгъэхэм я лексикэр 270–314

Псэушхьэхэм я лексикэр 270–314

Дунейм и къэхъукъащIэхэр 92–100

Зэманым пыщIа псалъэхэр 50–65

ЦIэпапщIэхэр 28–28

БжыгъэщIэхэр 39–39

Куэд къэзыгъэлыгагъуэ псалъэхэр 37–97

МащIэ къэзыгъэлыгагъуэ псалъэхэр 13–44

Iэмэпсымэ лIэужыгъуэхэр 102–120

Унэм, псэуальэм я Иыхьэхэм я цIэхэр 200–250

Ухуэныгъэм и иджырей лексикэр 144–204

ЗэрызекIуэ, хьэлъэ зрагъэIэпхьуэ техникэм (транспортым) и лексикэр 170–200

Сатумрэ ахьшэмрэ я лексикэр 70–75

Ухуэныгъэ, къулыкъушIапIэ, IуэхушIапIэ сыт хуэдэхэм я цIэхэр 146–160

КIыхьагъ, бгъуагъ, инагъ-цIыкIуагъ сыт хуэдэхэр къэзыгъэлыгагъуэ лексикэр 60–71

Ныбжь зилэ IэщIагъэхэр 93–156

Узыгъуэхэм, еIэзэныгъэхэм я фIэщыгъэхэр 80–95

Гъэсыныпхьэм и лIэужыгъуэхэмрэ зыгуэрхэм щахуэ материалхэмрэ 34–48

ГъушIыкIэхэмрэ нэгъуэщI пкъахуэхэмрэ я цIэхэр 51–51

Мэкъумэшым ехьэлIа лексикэр 134–150

Мэкъумэшым зэрелэжь техникэр 46–52

Машинэм, Iэмэпсымэхэм я зэхэлъыкIэхэр, зэрызэхэль пкъыгъуэхэр 38–50

Цыхухэр зэрызыэпашцэ лэужыгыуэхэр – пошт, телефон сыт хуэдэхэм я фцэщыгыэццэхэр 62–68

Луэушццэ, дэфтэр тхыльхэм я фцэщыгыэхэр 44–44

Зэрыгхэ, Луэушццэ тхыльхэр зехьэныгыэмкцэ кьагыэсэбэп лэмэпсымэхэр 42–42

Гьуазджэм (кино, театр, музыкэ, сурэтщыным) и фцэщыгыэццэхэр 82–98

Льэпкь щэнхабзэм (культурэм) и фцэщыгыэхэр 165–205

Еджапцэм зи щцэтгысхьэгьуэ мыхьуа сабийхэм я гьэсэныгыэм пыщцэ фцэщыгыэццэхэр 42–48

Школ егьэджныгыэм и фцэщыгыэхэр 46–58

Курыт цэщцэщыгыэццэхэр ццэщыгыэхэр нэхьыщхьэмрэ я лексикэр 112–112

Ццэщыгыэм и фцэщыгыэццэхэр 380–405

Жьлагьуэ-политикэ лексикэр 1300–1500

Дин лексикэр 320–530

Дзэмрэ дзэ-тенджызымрэ я фцэщыгыэццэхэр 352–389

Спортым и фцэщыгыэхэр 173–254

Туризмэмрэ альпинизмэмрэ я фцэщыгыэхэр 57–82

Ономастикэ лексикэр 320–350

Зэрызыпашццэ псалъэхэр 42–63

Макьыццэхэм я псалъэ-льабжьэхэр 6–75

Лэжыгыэццэхэр 467–2413

Псалъэ-льабжьэ фцэщыгыэццэхэр кьэзыгыэццэхэр 153–954

Кьэхьукццэхэр 8–86

Нэгьуэщцэ псалъэ лэпкыгыуэхэм я псалъэ-льабжьэхэр 13–16

Тематикэ гупхэр псори зэхэту 115 нэхь мащцэ хьуркьым. Апажэ М.Л. 1992 гьэм кьыдыгьэццэ лэжыгыэм [Апажэ 1992] кьэдгьэццэхэр ящыщы япэ ит лексико-тематикэ гуп 12-р кууэ щызэпкьрихьаш. Мыдрейхэри, Апажэм зэрыжицэццэ, а 12-м я теплэ-щытыкцэццэ кьэзэрыщхьэщыкцэ щыццэхьым.

Кцэухьу жыгцэщы, лексико-тематикэ системэр кьэхутэным мыхьэнэшхуэ щцэщы бзэм и дежкцэ, ар абы и зы цыхьэу зэрыщытым кьыхьэццэ. Адыгьбзэм и лексико-тематикэ системэм и цыхьэ нэхьыщхьэхэм и гугьу дощцэ. Цыхум и цэпкьлэпкьым щыщ цыхьэхэм я ццэхэр щапхьэ тщыри, лексикэ-тематикэ занэхэр зэпкьрыхьынын зэрыхуэр кьэдгьэццэхэр, абы и бжыгьэр, морфемэ зэхэлъыкцэр, кьызыхьэццэ, семантикэ зэццэхьы, мыхьэнэу ицэр, псалъэщцэ жыджэрагьы, псалъэфэ зэщыщыныгыэхэр кьэтхуаш.

Тегьэщцэщы Список источников

1. Апажэв М.Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
2. Большой академический словарь. В 17 томах. М.; Л.: АН СССР. 1948–1965.
3. Бэрбэц Б.Ч., Бищцэ Б.Ч., Цытцэ Б.Кьэ. Адыгьбзэ фразеологизмэхэм я псалъэццэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н.
4. Ворт Д.С., Козак А.С., Джонсон Д.Б. Русский словообразовательный словарь. Нью-Йорк, 1970. XXIV, 750 с.
5. Дарвин Ч.Р. Происхождение видов путем естественного отбора / Под ред. проф. А.Д. Некрасова. Сочинения. Т. 3. М.–Л.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1939. 831 с.
6. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 286 с.
7. Журт Б. Адэжэ лъапсэ. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
8. Кабардинско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1957. 576 с.
9. Коменский Я.А. Мир чувственных вещей в картинках или изображение и наименование всех предметов в мире и действий в жизни. Перевод с латинского Ю.Н. Дрейзина / Под ред. А.А. Красновского. М.: Учпедгиз, 1957. 352 с.

10. КИэрэф М. Лъэужь е лIэужь. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.
11. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
12. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1984–1985. Т. 1. 856 с., Т. 2. 885с.
14. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. Энциклопедия. 1967. 544 с.
15. Шортэн А. Бгырыхсэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Политиздат. 1961. С. 343–628.
17. *Caroli Linnei. Systema naturae sive regna tria naturae systematice proposita per classes, ordines, genera, & species* : [лат.]. Lugduni Batavorum [Leyden] : apud Theodorum Haak, 1735.

References

1. APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoy leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p.
2. *Bol'shoj akademicheskij slovar'* [Big academic dictionary. In 17 volumes]. M.–L.: Academy of Sciences of the USSR. 1948–1965.
3. BERBECH B.CH., BISCHIO B.CH., IUTIYZH B.K'U. *SHkol'nyj frazeologicheskij slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Elbrus, 2001. 240 p.
4. WORTH D.S., KOZAK A.S., JOHNSON D.B. *Russkij slovoobrazovatel'nyj slovar'* [Russian word-formation dictionary]. New York, 1970. XXIV, 750 p.
5. DARWIN C.R. *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora* [The Origin of Species by Natural Selection, Ed. prof. A.D. Nekrasov. Compositions. T.3.] Moscow ; Leningrad: State. publishing house of biol. and honey. literature, 1939. 831 p.
6. DOROSHEVSKY V. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow: Progress, 1973. 286 p.
7. ZHURT B. *Otchij dom. Povest'* [Father's house. The story]. Nalchik: Elbrus, 1987. 188 p.
8. *Kabardinsko-russkij slovar'* [Kabardian-Russian dictionary]. Moscow: GIINS, 1957. 576p.
9. KOMENSKY YA.A. *Mir chuvstvennyh veshchej v kartinkah ili izobrazhenie i naimenovanie vsekhn predmetov v mire i dejstvij v zhizni* [The world of sensible things in pictures and the image and name of all objects in the world and actions in life. Translated from Latin by Yu.N. Drazin / Ed. A.A. Krasnovsky]. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 352 p.
10. KIEREF M. *Ostavit' sled. Povesti, rasskazy* [Leave a mark. Powesther, storytelling]. Nalchik: Elbrus, 2009. 572 p.
11. LURIA A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. M.: Moscow State University Publishing House, 1979. 320 p.
12. *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. M.: Digora, 1999. 860 p.
13. TIKHONOV A.N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka. V 2-h tomah* [Word-formation dictionary of the Russian language. In 2 volumes]. M.: Russian language, 1984–1985. Т. 1. 856 p. Т. 2. 885 p.
14. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language / Ed. A.I. Molotkov]. M.: Sov. Encyclopedia. 1967. 544 p.
15. SHORTEN A. *Gorcy. Vtoraya chast'* [Highlanders. Second part]. Nalchik: Elbrus, 1975. 403 p.
16. ENGELS F. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. In: K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. Т. 20. М.: Politizdat. 1961. P. 343–628.
17. CAROLI L. *Systema naturae sive regna tria naturae systematice proposita per classes, ordines, genera, & species* : [лат.]. Lugduni Batavorum [Leyden]: apud Theodorum Haak, 1735.

Информация об авторе

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

М.Н. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the sector of the Kabardino-Circassian language.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-75-80

**ЕХЪЭЛЛА ПЛЪЫФЭЦІЭХЭМ Я ГРАММАТИКЭ НЭЦЭНЭХЭР.
НЭГЪУЭЩІЫБЗЭХЭМ ШЫЩУ АДЫГЭБЗЭМ КЪИЩТА ПЛЪЫФЭЦІЭХЭР**

Шэрджэс Заретэ Валерэ инхьу

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушпапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центр» и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© З.В. Шэрджэс, 2021

Аннотаци. Мы лэжыгъэм лэныкьуэ зэхуэмыдэхэмкІэ шызэпкьрыхаш адыгэбзэм (кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм) и ехъэлла плъыфэцІэхэр, шІэджыкІакІуэм и пашхьэ идольхьэ абыхэм я грамматикэ нэцэнэ зыбжанэр зишІысым теухуа кьэхутэныгъэхэр. Нэхъ кууэ дытопсэлыхь *пасэрей* ехъэлла плъыфэцІэм и зэуэкІ Іуэхугъуэхэм. Мы лэжыгъэм иджыри дыщытопсэлыхь нэгъуэщІыбзэхэм шыщу адыгэбзэм кьищта плъыфэцІэхэм. Гу зылыттахэр нэхъ нэлурыт иритщІу, ахэр уи фІэщ ящІу шапхьэхэр ядэщІыдгъуаш, ахэр кьызыхэхари кьэгъэлъгъуаш.

Статьям кьыщыдгъэсэбэпаш филологие шІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. шІэуэ адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр.

Зэрыгъуээн псалъэхэр: адыгэбзэ, ехъэлла плъыфэцІэхэр, грамматикэ нэцэнэхэр, зэуэкІ, кьыыхьа плъыфэцІэхэр

Цитатэ кьызэрыхьхьинур: Шэрджэс З.В. Ехъэлла плъыфэцІэхэм я грамматикэ нэцэнэхэр. НэгъуэщІыбзэхэм шыщу адыгэбзэм кьищта плъыфэцІэхэр // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 75–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-75-80

Original article

**GRAMMATICAL FEATURES OF RELATIVE ADJECTIVES
IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE.
ABOUT ADJECTIVES BORROWED FROM OTHER LANGUAGES**

Zareta V. Cherkesova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© Z.V. Cherkesova, 2021

Abstract. In this paper, a comprehensive analysis of relative adjectives is carried out, a detailed description of a number of their grammatical features is proposed. The declension of the relative adjective *paserei – vintage* is considered in more detail. The work also talks about adjectives borrowed from other languages. For greater clarity and persuasiveness, the results of our observations are accompanied by examples from documentary sources. The article uses new linguistic terms in the kabardino-circassian language, developed by doctor of philology B.Ch. Bizhoev.

Keywords: kabardino-circassian language, relative adjectives, grammatical features, borrowed adjectives

For citation: Cherkesova Z.V. Grammatical features of relative adjectives in the kabardino-circassian language. About adjectives borrowed from other languages. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 75–80. (in Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-75-80

Научная статья

Черкесова Зарета Валериевна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© З.В. Черкесова, 2021

Аннотация. В данной работе проводится разносторонний анализ относительных прилагательных, предлагается подробная характеристика ряда их грамматических признаков. Более детально рассматривается склонение относительного прилагательного *пасэрей* – *старинный*. Так же в работе говорится о заимствованных из других языков прилагательных. Для большей наглядности и убедительности результаты наших наблюдений сопровождаются примерами из документальных источников. В статье применены новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, относительные прилагательные, грамматические признаки, заимствованные прилагательные

Для цитирования: Грамматические признаки относительных прилагательных в кабардино-черкесском языке. О заимствованных из других языков прилагательных. Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 75–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-75-80

Адыгэбзэм и ехьэлIа пльыфэцIэхэр псори кытекIащ. ЕхьэлIа пльыфэцIэхэм, щытыкIэгъэлыгагъуэ пльыфэцIэхэм къашхьэщыкIыу, зэлытыныгъэ мардэхэмкIэ захуэжыркъым икIи уасэгъуэу гъэпсыкIэ къагъэхуркъым.

ЕхьэлIа пльыфэцIэхэм къагъэлыгъуэфынуц:

а) зэманым и хущытыкIэ: *нобэрей, нэгъабэрей, зымахуэрей,*

ещанэгъэрей; Щапхъэ: *БэтIал дэплъеяц кызылэа блын лъагэм, ауэ тыниу кызырелъам цыгуфIыкIащ мыхъумэ, зэрыдэкIыжыным егуицысакъым, **нобэрей** IуэхукIэ нэхъыцхьэр къехулат – зэIыхын фIэ- кIа кыхуэмыту бжэн пшэрыр цылыт* [Дыгъужь 1983: 197].

б) щIыпIэм и хущытыкIэ: *ицхьэ, инэ, модрей, икIэ*; Щапхъэ: ***Инэ** махуэм, зэрыжылэу жыхуалэм хуэдэу, гуфIэгъуэшхуэр здаIэтар арауэ умышIэжыну, Ахъмэтыкъуэхэ я унагъуэр хьэдэ здырахам ецхуэ нэцхьэялэ хуащ а тхьэмахуэ махуэм!* [Брат 1990: 107].

в) бжыгъэ зэхущытыкIэ: *защIэ, тIуащIэ*. Щапхъэ: *Арати, Iэбисал умызэхуэ кыдэплъу, маршынэ гъуабжэжэщ цIыкIум сыредзэри, районым сыкъешэр аби, пэи хуэдиз хуэ сейфым сыдэдзэри, IункIыбзэ **тIуащIэ** къретыж* [Нало 2016: 85].

ЕхьэлIа пльыфэцIэхэр ягъэнаIуэ псалъэм и пэ иту къокIуэ. Псалъэм папщIэ: *Дыгъужыкъуэ и гъавэ цIанIэхэм нэхъей, **бжыыхьэ махуэхэри** дыгъэмышхуэрэ дыгъанIуэ зэхэлт – пцэдджыжыпэмрэ пцыхьэщхьэмрэ уагъэдийрт, и шэджагъуэ дыгъанIэр къохьэлъэкIыу хуабэ хъуми* [Хьэх 2013: 326].

ЕхьэлIа пльыфэцIэхэм я бжыгъэм хэхуэу зэпытщ урысыбзэм къыкIыу адыгэбзэм къыхыхьэ псалъэхэм я фIыгъэкIэ. Мис нэхъ иужуэ бзэм къищта апхуэдэ щапхъэ зыбжанэ: *инвестиционнэ, мобильнэ, электроннэ, лазернэ, н*. Псалъэм папщIэ: *Языныкъуэ цIыхухэм я мылькур инфляцэм имышхын папщIэ **инвестиционнэ** фондхэм халхьэ*.

Бзэм куэдэ къыщагъэсэбэп гъэнэхуакIуэ къалэныр зыгъэзащIэ щыIэцIэхэр. Ахэр щыIэцIэхэм япэ итщ икIи ехьэлIа пльыфэцIэхэм ещхьщ, ауэ морфологиекIэ щыIэцIэм зыкIи къашхьэщыкIыркъым (щыIэцIэу къонэж). щыIэцIэ гъэнэхуакIуэхэм ягъэлыгъуэфынуц: а) предметыр кызыхэщIыкIа

материалыр; б) зы предметыр зей адреЙ предметыр; в) зы предметым ехьэллa адреЙ предметыр.

ЩыIэццIэ гьэнэхуакIуэр, предметыр кьызыхэщIыкIа материалыр кьэзыгьэлыгагьуэр, щыгыфынущ IупщIуи мыIупщIуи (белджылыуи, мыбелджылыуи). Зэггэпэща гьэнэхуакIуэм иIэщ зэрыхьу псалгьэзешэм и льябжьэггьусэ -у/-уэ. Щапхьэ: *дыцэу сыхьэт, мывэу унэ, фэуэ Iэлъэ*. Ауэ зэмыггэпэща гьэнэхуакIуэхэм льябжьэггьусэ яIэкьым: Щапхьэ: *дыцэ сыхьэт, мывэ унэ, фэ Iэлъэ. Iхьуантэм цейри, дьжьын бгырылхри, дыцэ кьамэри кьыдихыжат* [Журт 1967: 45].

ЩыIэццIэ гьэнэхуакIуэхэм зыхьуэж псалгьэзешэм и кIэух япоувэ. Щапхьэ: *стIолым и льякьуэ, бзухэм я абгьуэ, сабийм и цыгьын; нэхьыжьхэм я зэIуцIэ*. Псалгьэм папщIэ: *Хасэр црагьакулэуи цIыпIэри зэманри егупсысауэ кьыхахат нэхьыжьхэм я зэIуцIэм* [МафIэдз 1998: 6].

ЩыIэццIэу кьакIуэ предметыр кьэзыгьэлыгагьуэ щыIэццIэ гьэнэхуакIуэхэр мыIупщIу щытщ. Щапхьэ: *сабий цыгьын, адыгэбзэ, бжьыхьэ уэиш*. Щапхьэ: *Нэху дыкьекIмэ, адыгэбзэ урок диIэти, абыкIэ дезыгьаджэр ди директор Кьамбий ХьэматIти, дьмыщIэу дыкIуэнкIэ Iэмал иIэтэкьым* [Кьэрмокьуэ 1977: 142].

Пасэрей ехьэллa пльыфэццIэм и зэуэкI

Бжыгьэ	Псалгьэзешэ	ЩыIэццIэ щыгьуу	ЩыIэццIэ щымыгьуу
закьуэ	ЦэиIуэ	<i>уэрэд - пасэрей уэрэды-р</i>	<i>пасэрей пасэрей-р</i>
	Зыхьуэж	<i>пасэрей уэрэды-м</i>	<i>пасэрей-м</i>
	ЗыунэтI	<i>уэрэд-кIэ- пасэрей уэрэд-ы-м-кIэ</i>	<i>пасэрей-кIэ, пасэрей-м-кIэ</i>
	Зэрыхьу	<i>уэрэд-у, пасэрей уэрэд-ы-ра-уэ</i>	<i>пасэрей-уэ, пасэрей-р-а-уэ</i>
куэд	ЦэиIуэ	<i>пасэрей уэрэд-хэ-р</i>	<i>пасэрей-хэ-р</i>
	Зыхьуэж	<i>пасэрей уэрэд-хэ-м</i>	<i>пасэрей-хэ-м</i>
	ЗыунэтI	<i>пасэрей уэрэд-хэ-м-кIэ</i>	<i>пасэрей-хэ-м-кIэ</i>
	Зэрыхьу	<i>уэрэд-хэ-у, пасэрей уэрэд-хэ-р-ауэ</i>	<i>пасэрей-хэ-у, пасэрей-хэ-р-ауэ</i>

Щапхьэхэр: 1. ЩыIэццIэ щыгьуу: *Нэхьыжьхэр я пасэрей хабзэдрэ нэмысымрэ* яхьумэу кьызыхэклауэ зыхьыжьыну щIым бьдэу тетт. *Пасэрей адыгэ кьафэжьым и макь жьгьырур лээр щIыгьэкIыу кьызэрлэжьэ;*

Пиынауэ Iэзэм ишэщI пасэрей адыгэ кьафэжьыи зэрэджэр арат – льягьуныгьэ кьафэт. Зытэпсэлъыхь шы, шыгьажэ Iуэхум Хьэлимэт хищIыкI щIагьуэ щымыIэ пэтми, Мэчрэилрэ и хьэщIэмрэ я псалгьэр IэкIуэлъакулэу зэридзэкIырт, уеблэмэ, Мэчрэил и адыгэбзэм пасэрей псалгьэжь кьыщыхэхуэкли модрейм гуригьауэрт. [Кьэрмокьуэ 1988: 213].

Пиынауэр пасэрей кьафэ йоуэ [КIыщокьуэ 2005: 256];

Пасэрей хабзэжь жыпIэмэ, кьипхым елытащ [КIыщокьуэ 2005:145].

2. ЩыIэццIэ щымыгьуу: *Хуэмызар лыфIи, жиIащ пасэрейм* [МафIэдз 2003: 394].

Сьтми зэфIэклащ, куэд льяндэрэ си мурадар кьызэхьуллэни, Iэмал имьIэу: Анапэ кьалэжьыу си нэ кьызыхуикIым ськIуэнци, ХьэтIрэмтIыгукIэ пасэрейхэр зэддэу щытар зэзгьэлыгагьуни [КIыщокьуэ 1990: 1].

НэггуэщIыбзэхэм щыщу адыгэбзэм кьищта псалгьэхэм яхэтщ пльыфэццIэхэри. Нэхьыбэу ахэр, ищхьэкIэ зэрыжытIащи, урысыбзэрщ кьызыхэкIар. Абыхэм ящыщу ехьэллa пльыфэццIэхэм я нэхьыбэр наукам, техникэм, мэкьумэшыым, политикэм я фIэщыгьэццIэхэщ: *культурнэ, хозайствэннэ, обществэннэ, экономическэ н.*

Щапхэ: Янэм уэчылу шыта, иджы «**культурнэ** дыдэу, **социалистическэ** лъэныкьуэмкIэ екьуу ялытэ бгырыс интеллигент», кадету шымыт, эсерхэм нэхъ я телххэ Шаханов Басият Мухъэмэд ефэндым и псалъэр зыуэ зэциудри жиIащ: –*Мыр дэнэ уэ укьыздикIар? ИкIи ухэт? А кьэбвхэр жыпIэну хэт уи пцэ кьыдэзыльхьар?! [Теунэ 1980: 476].*

Урысыбзэм шыщу кьыхыхьа пльыфэцIэхэм морфологие зэхуэкIыныгъэ адыгэбзэм шагъуэт – род кьэзыгъэлыагъуэ кIэууххэр япохури адыгэ макъзешэ -э япоувэ, бжыгъэмрэ псалъезешэмрэ езы адыгэбзэм и IэмалхэмкIэ кьыщагъэлыагъуэ: художественная литература – *художественнэ литературэ*, художественный руководитель – *художественнэ унафэцI*, художественное произведение – *художественнэ произведенэ*, художественная самодеятельность – *художественнэ самодеятельность*. Щапхэ: **Художественнэ самодеятельностым** и зэхъээзхуэ зэIуахамэ, районми республикэми япэ увыпIэхэр сьт цыгъуи цаубыдырт [Кьэрмокъуэ 1988: 150].

Кьыхыхьа пльыфэцIэм и текъузэр лъабжьэужьым техуэмэ, псалъэр адыгэбзэм цIыхухуэ родым, закъуэ бжыгъэм иту кьыхохьэ: областная конференция – *областной конференц*, областной совет – *областной совет*, областные совещания – *областной совещанэхэр*, областной исполком – *областной исполком*. Щапхэ: *Абыхэм задригъэкIуу икIи ядэIэныкьуу Iуэхухэр ирагъэкIуэкIырт **областной исполкомы**мрэ абы Iэтацхэ хуэхуа эсер Мамуловымрэ [Теунэ 1980: 568].*

Урысыбзэм шыщ пльыфэцIэ зыбжанэ зэрызэхэт мыхьэнэмкIэ зэрадзэкI псалъэр зэрыщыту е иныкьуэр. Псалъэм папщIэ: *всемирный – дунейпсо = дуней + псо, сельскохозяйственный – мэкъумэихозяйственнэ = мэкъумэи + хозяйственнэ*. Щапхэ: *Пэжц, абы и гум зишыхьыжт: анлыбзэр **дунейпсо** лъэпкьыбзэу кьыщальтэкIэ, мы сонэ кьомыр езыхэм я бзэкIэ кьыщIэвэр сьт? [КIыщокъуэ 2005: 72].*

Тыркубзэ зэмылIэужьыгъуэхэм шыщу кьищта цыгъыкIэгъэлыагъуэ пльыфэцIэхэр: *арэзы, ахъырзэман, балигъ, сабыр, мамыр, тынш, сакъ, чэф, хъэзыр, жумарт, хъарзынэ, хъэлэч, хъурей, хъэлэмэт, ахьмакъ* н. Щапхэ: *Сэтэней хуэдэу ихынкIэ **жумарту** цIыху си гъащIэм слъэгъуакъым, – жиIэри Батыр Iэнэр кьызэригъэувэкIыжащ [ДыщэкI 1990: 85].*

Езы тыркубзэ дьдэм шыщу кьыхыхьахэр: *белджылы, брул, делэ, кьарэ, кьулей, кьулейсыз, кьуэлэн, угъурлы, угъурсыз*, н. Щапхэ: *Ар дауэ уи фIэц пцIын, ауэ ди лъэпкьыр пыхьэу зэгуэр здахуауэ шыта икIи зэрыкIуэдэжа мо муслъымэн цIыналгъэ **угъурсызым** си лъэр нэхусын папщIэ, игъащIэм сымыщIа напэншагъэр злэжьат: Iулгъхэ стыгъащ [Елгъэр 1999: 24].*

Хьэрышыбзэм шыщу кьищтахэр: *арэзы, мамыр, сакъ, сабыр, Iэдэб, хъэлэмэт, хъарзынэ, къэуат, тэмэм, хъэлэч, Исраф, залым* н. Щапхэ: *Даукъуэр фадэ яхуефакъым, Iэварие сцIырэ Заужан езгъэукIмэ, кьэспшыныжын хуей хъунуц, жиIэри, ауэ руль зымылыгъхэм бжьэ зырыз-тIурытI щадзурэ жьбагъэ телъыджэри, вагъэ **хъэлэмэтри** яихиц, лэпс трафыхьыжри, хъэцIэ лъанIейхэр ирагъэжъэжащ [Нало 2012: 120].*

Хьэрышыбзэмрэ тыркубзэхэмрэ шыщ пльыфэцIэхэм адыгэбзэм фонетикэ зэхуэкIыныгъэ гуэрхэр щаIэ хьуащ – адыгэ макъхэм, кьэпсэлъыкIэхэм ещхэ ящIащ.

Языныкьуэ пльыфэцIэхэр кьохуэ нэгъуэщIыбзэм кьыхэкIа псалъэхэм адыгэбзэ лъабжьэужьхэу -ниэ, -фIэ япыувэурэ: *акъылы-фIэ, насыты-фIэ, цэны-фIэ, акъылы-ниэ, насыты-ниэ, кьаруу-фIэ, кьаруу-ниэ*, н. Щапхэ: *Сьт хуэдизкIэ пцацэр фIыуэ имылыагъуми, кьылыкьуэкIат абы и пэ иригъэщын: адэ хэкужьыр егъу ящIауэ лъыпсыр кьыпыжсти, кьыхуегъэкIуакъым нысацIэ лэгъунэм цигъэкIуэну сыхьэт **насытыфIэхэр** кьыхихын, а сыхьэтхэм и гъащIэ псом нэплъа нэтми [АбытIэ 1991: 56].*

Ди къэхутэныггэм кърыкIуахэр къызэщIапкъуэжмэ, адыгэбзэм хэт ехьэллa плъыфэцIэхэр лъэныкъуэ зыбжанэкIэ щызэпкъырытхаш. Адыгэ тхакIуэхэм я художественнэ тхыггэхэм къахэтха шапхьэхэмкIэ гъэнщIа лэжыггэм хыболъаггүэ адыгэбзэр предметым и шытыкIэ, и теплъэ, ипкъ зэрыщыт, и фIагг, нэггүэщIхэри къэзыггэлъаггүэ псалггэхэмкIэ, нэггүэщIу жыпIэмэ, плъыфIэцIэкIэ зырыкгулейм. Дытепсэлъыхьаш адыгэбзэр хамэбзэм къыкIыгу къыхыхьа плъыфэцIэхэмкIэ зэрыггэнщIам. Лэжыггэм япэу къыщыггэсэбэпа фIэщыггэцIэхэр: ехьэллa плъыфэцIэ – относительные прилагательные, зэуэкI – склонение, къыхыхьа плъыфэцIэхэр – заимствованные прилагательные.

ТеггэщIапIэхэр Список источников

1. *АбытIэ В.* Ирамышыжа нысашIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н.
2. Адыгэбзэ пэжырытхэмрэ наггыщэ гъэувыкIэмрэ я хабзэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. 284 с.
3. *Брат Хь.* Рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1990. 392 н.
4. *Дыггужь Къу.* Бжыхьэ псыдзэ. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхыль тедзапIэ, 1983. 252 н.
5. *ДыщэкI М.* Пшэплъ. Роман. Япэ Iыхьэ. Ещанэ къыдэкIыггүэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1990. 288 н.
6. *Журт Б.* Сэ аузым сыщопсэу. Повестым шыщ пычыггүэ. 1967. 9 н.
7. *Елгээр К.* Лъаггуныггэм и бзэ: повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1999. 424 н.
8. Кабардино-черкесский язык. В 2 т. Налчык: Эль-фа, 2006. Т. 1. 551 с.
9. *Кыщокгүэ А.* Тхыггэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. II, III, IV, V томхэр. Налшык: Эльбрус, 2005.
10. *Кыщокгүэ А.* Лъапсэ. Налшык: Эльбрус, 1990.
11. *Къэрмокъуэ М.* Шыхухэр иджыри мэкI. Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.
12. *Къэрмокъуэ М.* ПсыхэкIуадэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
13. *МафIэдз С.* Мыхур. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 341 н.
14. *МафIэдз С.* Мышэ лъэбжанэ. Налшык: Эльбрус, 1998. 542 н.
15. *Нало З.* Дыджым и IэфIыггэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
16. *Нало З.* Тхыггэ къыхэхэхэр. Томищым щызэхуэхьэсауэ. Ещанэ Том. ПцIыIэрышэхэр. Псысэхэр. Таурыхьхэр. Налшык. Эльбрус. 2016. 352 н.
17. *Теунэ Хь.* Тхыггэ нэхьыщхьэхэр томитIу. ЕтIуанэ Iыхьэ. Налшык, Эльбрус. 1980. 568 н.
18. *Хьэх С.* Лъаггүэр ггүэгу м хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

References

1. АБЫТИЕ В. *Iramyshyza nysashchIe. Cherkessk: Stavropol' thyl' tedzapIe.* K"ereshej-Sherdzhes otdelene, 1991. 264 n. ["A failed wedding." Stavropol Book Publishing House, Karachay-Cherkess branch, 1991. 264 p.].
2. *Adygebze pezhrythemre nag'yshche g"evyuklemre ya habzekher.* Nal'shyk: El'brus, 2005. 284 s. [Spelling and punctuation of the kabardino-circassian language. Nalchik. Elbrus, 2005. 284 p.].
3. BRAT H'. *Rasskazkher. Cherkessk: Stavropol' thyl' tedzapIe.* K"ereshej-Sherdzhes otdelene, 1990. 392 n. [Stories. Cherkessk. Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkess branch, 1990. 392 p.].
4. DYGUZH' K"U. *Bzh'yh'e psydze.* Cherkessk: K"ereshej-Sherdzhes Respublikem i k"eral thyl' tedzapIe, 1983. 252 n. [Autumn flood. Cherkessk. Karachay-Cherkess book publishing house, 1983. 252 p.].
5. DYSHCHEKI M. *Pshepl'.* Roman. *Yape Iyh'e. Eshchane k'ydekIyg"ue.* Cherkessk: Stavropol' thyl' tedzapIe, K"ereshej-Sherdzhes otdelene, 1990. 288 n. [Sunrise.Novel. The first part. The third edition. Cherkessk. Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkess branch, 1990. 288 p.].

6. ZHURT B. *Se auzym syshchopseu. Povestym shchyshch pychyg'ue*. 1967. 9 n. [I live in a gorge. Excerpt from the story, 1967. 9 p.].
7. ELG'ER K. *L'ag'unyg'em i bze: povest', rasskazkher*. Nalshyk: El'brus, 1999. 424 n. [The language of love. Nalchik. Elbrus, 1999. 424 p.].
8. *Kabardino-cherkesskiy yazyk*. V 2 t. Nal'chik: El'-fa, 2006. T. 1. 551 s. [Kabardino-circassian language in two volumes. Nalchik. Elfa, 2006. V. 1. 551 p.].
9. KIYSHCHOK'UE A. *Thyg'ekher tomihym shchyzekhuekh'esau*. II, III, IV, V tomher. Nalshyk: El'brus, 2005 [Collected works in six volumes. I, II, III, IV, V vv. Nalchik. Elbrus, 2005].
10. KIYSHCHOK'UE A. *L'apse*. Nalshyk: El'brus, 1990 [Nalchik. Elbrus, 1990].
11. K'ERMOK'UE M. *Shchihuher idzhyri mekl*. Nalshyk: El'brus, 1988. 480 n. [And the poplars are still growing. Nalchik. Elbrus, 1988. 480 p.].
12. K'ERMOK'UE M. *Psyhekuade. Povesther; rasskazkher*. Nalshyk: El'brus, 2007. 264 n. [Let it go to the wind. Novellas, short stories. Nalchik. Elbrus, 2007. 264 p.].
13. MAFIEDZ S. *Myh'ur. Povesther*. Nalshyk: El'brus, 2003. 341 n. [Print. Stories. Nalchik. Elbrus, 2003. 341 p.].
14. MAFIEDZ S. *Myshche l'ebzh'ane*. Nalshyk: El'brus, 1998. 542 n. [Bear claws. Nalchik. Elbrus, 1998. 542 p.].
15. NALO Z. *Dydzhyim i Ieflyg'e. Povesther*. Nalshyk: El'brus, 2012. 368 n. [The sweetness of bitterness. Stories. Nalchik. Elbrus, 2012. 368 p.].
16. NALO Z. *Thyg'e k'yekhahe. Tomishchym shchyzekhuekh'esau. Eshchane Tom. PclyIeryshekher. Psysekher. Tauryh'her*. Nalshyk. El'brus. 2016. 352 n. [Selected writings. The third volume. Nalchik. Elbrus, 2016. 352 p.].
17. TEUNE H'. *Thyg'e nekh'yshchkh'ekh'er tomitlu. Etluane Iyh'e*. Nalshyk, El'brus. 1980. 568 n [Selected writings. The second part. Nalchik. Elbrus, 1980. 568 p.].
18. H'EKH S. *L'ag'uer g'uegum huoklue. Roman*. Nalshyk: El'brus, 2013. 624 n. [The trail leads to the road. Novel. Nalchik. Elbrus, 2013. 624 p.].

Информация об авторе

З.В. Черкесова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Cherkesova – candidate of science philology, researcher of the sector of the kabardino-circassian language.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-81-90

КОНТАМИНАЦИЯ В СКАЗАНИЯХ АДЫГСКОГО ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Адам Мухамедович Готов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Готов, 2021

Аннотация. В сказаниях адыгского историко-героического эпоса контаминация как творческий прием не относится к числу наиболее употребительных. Однако в некоторых циклах она способна играть заметную роль в построении сюжета и обнаруживает при этом ряд функциональных и художественных особенностей. В частности, образуя новые сюжетные ходы, она расширяет тематический круг повествования, предоставляет сказителю больше свободы для фантазии и тем самым создает благоприятные условия для повышения удельного веса эстетической роли нарратива. По форме объективации разные сюжеты могут сливаться данным художественным приемом или в одно органически спаянное целое, или же сохранять относительную автономию, но при этом обязательно оставаясь связанными между собой композиционно. Помимо того, творчески используемый прием контаминации открывает для эпического сказания как части единого цикла возможность стать более самостоятельной единицей. Это освобождает прозаическую часть единого эпического цикла от придаточной справочной функции по отношению к песне и создает условия для того, чтобы она могла в дальнейшем функционировать в качестве отдельного полноправного произведения.

Ключевые слова: историко-героический эпос, контаминация, композиция, сюжет, мотив, функции

Для цитирования: Готов А.М. Контаминация в сказаниях адыгского историко-героического эпоса // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 81–90. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-81-90

Original article

CONTAMINATION IN THE TALES OF THE ADYGH (Circassian) HISTORICAL AND HEROIC EPOS

Adam M. Gutov

The Institute for Humanitarian Research is a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center“ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, 2021

Abstract. In the legends of the Adyghe historical and heroic epos, contamination as a creative method is not among the most common. However, in some cycles, it is able to play a noticeable role in plotting and reveals a number of functional and artistic features. In particular, forming new plot moves, it expands the thematic circle of the narrative, pro-

vides the narrator with more freedom for imagination and thereby creates favorable conditions for increasing the proportion of the aesthetic role of the narrative. In terms of the form of objectification, different plots can merge with this artistic technique or into one organically welded whole, or they can maintain relative autonomy, but at the same time remain compositionally related. In addition, the creatively used method of contamination opens up the opportunity for an epic legend as part of a single cycle to become a more independent unit. This frees the prose part of a single epic cycle from the subordinate reference function in relation to the song and creates the conditions for it to function in the future as a separate full-fledged work.

Keywords: historical and heroic epos, contamination, composition, plot, motive, functions

For citation: Gutov A.M. Contamination in the legends of the Adyghe historical and heroic epic // Bulletin of KBIGI. 2021. No. 3 (50): 81–90. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-81-90

Одной из особенностей адыгского народного эпоса справедливо признается «одноэпизодичность» сказаний или такая их структурная организация, при которой каждое из них организуется вокруг одного конкретного события, редко когда отклоняясь от основной сюжетной линии. А.И. Алиева с полным на то основанием пишет: «Объединенное одним сюжетом, одной идеей, каждое сказание в адыгском эпосе предстает замечательно цельным и стройным. Этому способствует и то, что ни одна из сцен эпизода не выводит повествования в сторону; мы никогда не теряем из виду основного героя» [Алиева 1969: 307]. Приведенные слова, характеризующие поэтику сюжета в архаическом нартском эпосе, вполне справедливы и относительно произведений типологически более позднего жанра – историко-героических эпических сказаний и песен. Прозаический компонент цикла функционально призван содержать информацию о конкретном явлении или случае из жизни, ставшем непосредственной причиной возникновения песни. Однако это отнюдь не означает, что для повествовательного стиля данного жанра вовсе не характерны сюжетные комбинации творческого характера. В данном случае мы не имеем в виду многочисленные записи, в которых обычно соединены, например, повествования о рождении героя, его первом подвиге, конфликте с противником и гибели (в частности, многие тексты сказаний о герое архаического цикла Со-сруко или персонаже младшего эпоса Андемиркане). Их структурная организация в большинстве случаев настолько безыскусна, что очевидностью механического объединения сюжетов в своего рода беглый пересказ эпической биографии героя, скорее всего, подтверждается отмеченная «одноэпизодичность» как основной принцип образования прозаического компонента цикла. Наряду с явлениями подобного характера в адыгском младшем эпосе, где нарратив обычно играет роль своеобразного комментария к песне, он нередко выходит за пределы своего прямого «служебно-вспомогательного» предназначения и обретает собственную художественную самооценку, нередко автономную относительно песни. В устном бытовании эта часть цикла может получить развитие в некотором отрыве от песни в соответствии с закономерностями функционирования жанра несказочной художественной прозы. Такое расширение функций позволяет настолько свободно проявиться фантазии исполнителя, что присутствие двух или нескольких сюжетов в фабуле утрачивает признаки их механического объединения. Это непременно отражается и на композиционных особенностях сказания, которое обнаруживает тенденцию к относительно свободному изложению, сознательной или неосознанной апелляции сказителя к известным ему фольклорным сюжетным универсалиям, порою вступая в диссонанс с содержанием песни. В целом же относительная автономность сказания приводит к усложнению его структуры.

Это – весьма распространенное в фольклоре явление, которое принято обозначать словом «контаминация», хотя в большинстве специальных литературо-

ведческих работ данным термином определяется несколько иное явление: «соединение разных редакций одного произведения» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 165]. Когда мы имеем дело с письменными артефактами, подобная трактовка термина мотивирована спецификой материала. Литературоведу бывает важно сравнить различные варианты одного произведения, включая черновики, газетно-журнальные и книжные публикации, чтобы проследить процесс работы автора над текстом и поиски им оптимального варианта выражения. Однако и здесь единого мнения относительно значения термина нет. Так, в «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского мы находим следующее толкование: «... введение в рассказ событий из другого литературного произведения или включение в стихотворение известных стихов (курсив наш – А.Г.), но не в качестве цитаты, а в качестве органически уместной детали» [Квятковский 1966: 137–138]. Относительно контаминации в фольклоре наиболее основательную характеристику дает Н.М. Ведерникова, которая акцентирует внимание не на случаях механического соединения разных сюжетов, а на творческом использовании этого приема [Ведерникова 1972: 160–165]. В развитие ее тезиса В.М. Гацак признает, что контаминация, сознательно или неосознанно используемая сказителями, может иметь весьма древние истоки или даже быть родовым свойством некоторых жанров [Гацак 1989: 240]. В связи с этим уместно будет вспомнить, насколько часто и искусно фигурирует контаминация в эпосах народов Сибири, в киргизском «Манасе», древнеиндийской «Панчатантре», средневековой арабской «Тысяче и одной ночи» и многих других известных памятниках мирового словесного искусства, в которых органическое соединение разных сюжетов доведено до высокого совершенства.

На примере эпических нартских сказаний данную проблему затрагивали В.И. Абаев [Абаев 1990: 151], А.И. Алиева [Алиева 1969: 306–309] и другие исследователи. обстоятельно ее рассматривает З.Д. Джапуа, который отмечает творческий характер контаминации, характерный для многих записей абхазского фольклора [Джапуа 2007].

Не отрицая одноэпизодичности или односюжетности как наиболее распространенного типа функционирования, есть основания признать также наличие контаминации творческого характера и в сказаниях адыгского историко-героического эпоса. Одним из немногих случаев успешного использования данного приема можно считать, например, его очевидность в вариантах цикла о Бора Могучем. В них налицо удачное соединение двух, казалось бы, ничем между собой не связанных сюжетов: ядром одного явился мотив сыноубийства, другого – инцест [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 95–116; Адыгэ тхыдэжьхэр 1993: 285–289; МыкЮсэрэ жьуагъохэр 1994: 74–79 и др.]. Основная сюжетная линия – универсальный эпический мотив убийства героем неузнанного сына и наложенный им на себя обет самоистязаний. «Вставная новелла» с историей об инцесте может рассматриваться как относительно самостоятельная линия, однако она настолько органично связывается с основной, что без нее рассказ об истории героя не может быть доведен до логического завершения. Поэтому понятие «вставная» в данном случае отнюдь не означает механического характера использования сюжета или сюжетной линии. В этом проявляется одна из родовых особенностей искусства повествования: суть использования «вставки» в сказании о Бора заключается отнюдь не в одном лишь стремлении приукрасить рассказ, а в достижении наибольшей убедительности поступка главного героя, который только под влиянием услышанного меняет свое прежнее намерение.

Таково же сказание цикла, посвященного наезднику Гудаберду из рода Азепш [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 177–183; Адыгэ пщыналъэ 1992: 177–183]. Герой оказывается невольным очевидцем расправы над князем, но чтобы не запятнать себя доношением, он покидает свой край и несколько лет живет на чужбине.

Однако, со временем оказавшись и там не ко двору, он вынужден возвратиться домой, где был уже распространен слух, будто он и является убийцей князя. Гудаберду удается найти оптимальный выход из трудной ситуации, при этом он наводит общество на верный след, не называя ничьих имен и тем самым не нарушая данного обета, после чего подлинники виновники вынужденно покидают родные места и благополучно скрываются от мстителей. В сказании тесно переплетены четыре составные части: а) сюжет на основе мотива верности данному слову, б) сюжет о пребывании героя на чужбине, в) о безусловно рыцарском выходе героя из затруднительного положения, г) о судьбе настоящих виновников злочучений героя. Все они образуют единое повествовательное целое не только общностью героя и основной темы, но и стержневым положением мотива верности данному слову, а значит приверженности героя кодексу чести идеального героя-наездника.

Еще один характерный пример представляют сказания цикла о братьях Ешаноко [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 117–186; МыкЮсэрэ жьуагъохэр 1994: 118–128]. В отличие от первых двух циклов, в данном случае контаминация наблюдается не только в тексте конкретного сказания (например, история взаимоотношений старшего из Ешаноко с дерзким наездником Дагужем, который только из тщеславного соперничества умертвил отрока, брата героя). Далее следует сюжет о поисках убийцы и связанные с ними истории о посещении загробного мира и о похищении невесты, относительно самостоятельный сюжет о кровной мести с вставным фрагментом о расправе героя с неуязвимым противником. Завершается сказание еще одной сюжетной линией – о женитьбе героя и о том, что новоявленная чета дала жизнь двум славным наездникам, которые своими подвигами даже затмили отца [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 117–122].

Показателен в данном отношении также цикл о Созарыхе, сыне Куала, на который ранее исследователи фактически не обращали внимания, поэтому считаем важным рассмотреть его подробнее. Судя по всему, песня и сказание цикла возникли в Кабарде по мотивам событий, имевших место XVII в. Впервые имя героя упоминает Ш.Б. Ногмов в «Истории...», там же помещены в переводе на русский язык фрагмент песни и пересказ содержания сказания [Ногмов 2020, Т. I: 145–148]. В его же записи сохранился фрагмент песни на языке оригинала [Ногмов 2020, Т. II: 46–47]. Полный вариант сказания впервые записал и опубликовал в 1872 г. К.М. Атажукин на русском языке [Сборник сведений о кавказских горцах 1870: 70–81]. Запись, выполненная П.И. Тамбиевым на языке оригинала с переводом на русский, была опубликована в 1901 г. Л.Г. Лопатинский [Сборник материалов для описания местностей... 1901: 35–45]. Фрагмент песни с нотной транскрипцией, без сопровождающего прозаического компонента записан в 1924 г. украинским этномузыковедом М.П. Гайдаем [Балкарские и кабардинские народные песни... 2021: 175]. Первая публикация полного цикла была осуществлена на русском языке в книге «Кабардинский фольклор» в 1936 г. [Кабардинский фольклор 1936: 266–272]. В комментариях к данной публикации пересказываются эпизоды из сказания и дается толкование т. н. темных мест в песне [Кабардинский фольклор 1936: 597–598].

Возникновение цикла относится к временам устойчивой этнокультурной общности субэтнических образований адыгов, и, несмотря на локализацию действий в Восточной Черкесии (Кабарде), он зафиксирован и в среде западных черкесов (адыгейцев). В частности, один из самых полных вариантов песни и вариант сопровождающего сказания были опубликованы на адыгейском языке Т.М. Керашевым [МыкЮсэрэ жьуагъохэр 1994: 67–73 (перепечатка с издания 1946 г.), комментарии – 305].

В 1972 г. нами была выполнена в с. Аушигер звукозапись полного цикла из песни с голосовым сопровождением (ежбу) и предания от Барасби Гутова [Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и хьыбар...], [Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и гьыбзэ...]. Достоинством следующего обстоятельства: исполнитель признается, что знает и исполняет

всего одну часть песни, соответствующую одному *едзыгъуэ*, т.е. части, исполнения которой достаточно, чтобы передать эстафету другому певцу (по традиции, один запеваля часто исполнял не всю песню до конца, а на определенном этапе передавал другому [Налоев 1986: 24]). Также он сообщил, что более полный вариант знает только его односельчанин Кина Чеченов, унаследовавший свои знания от отца, Локмана. В следующем году музыковед Ю.М. Бицуев записал песню в исполнении К.Л. Чеченова [Къуалэ и къуэ Созэрыхъэ и тхъэусыхъэ...]. В 1978 г. нами записан еще один вариант предания от жителя того же селения Хамурзы Жабоева [Къуалэ и къуэ Созэрыхъэ и таурыхъ...].

Судя по этим сведениям, названный эпический цикл правомерно было бы отнести к числу популярных: помимо рукописных вариантов, не обнаруженных нами, известно не менее 10 записей разного времени и разной географической локализации. Как ни покажется странным, все же цикл относится к произведениям, которые к середине XX в. и даже ранее уже имели тенденцию к исчезновению. Песня, впервые записанная еще в первой половине XIX в., не попадалась собирателям в течение чуть ли не сотни лет. В XX веке зафиксированы всего два таких ее варианта, которые можно считать в художественном отношении законченными.

Все известные записи сказания совпадают в своих основных мотивах, и фабула его сводится к нижеследующей цепи событий.

Наездник Куалов сын Созарыха встречает в пути крестьянина, чьи волы бесильны вытащить на гору воз с поклажей. Взяв с бедняги крепкое слово, что тот не расскажет об этом ни при каких обстоятельствах, Созарыха распрягает быков и сам втаскивает воз на гору. Пораженный увиденным, крестьянин не может сдержать данного слова, проговаривается (популярный в мировом фольклоре мотив нарушения запрета), и вскоре весть о неимоверной силе Созарыхи доходит до верховного князя Кабарды Магомета Хатокшуко. Тот к тому времени оставался без обязательного при княжеском дворе борца-пелюана, чем был сильно озабочен, и он обещает силачу держать его не за слугу, а за брата. После долгих уговоров тот поступает на службу к князю на таких условиях. В варианте из Адыгеи князь сам находит богатыря, подсмотрев, как он нечаянно вырвал с корнем целое дерево [МыкIосэрэ жъуагъохэр 1994: 71]. Амбициозный князь Шужей, жестко соперничавший с Хатокшуко за верховенство, улучив момент, когда тот отсутствовал, хитростью убивает Созарыху, ослабив тем самым позиции своего противника. На этом сюжетная линия Созарыхи завершается, а с ним заканчивается и первая часть сказания.

Вскоре по возвращении Хатокшуко узнает правду и, верный ранее данному слову, берется отомстить за своего борца и побратима. С этого эпизода ключевой фигурой, вернее, главным героем становится главным героем повествования. Поскольку его враг и сам обладал богатырской силой, в чем значительно превосходил Магомета, он вынужденно прибегает к хитрости и расправляется с Шужеем так же коварно, как тот – с его борцом (очередная эпическая сюжетная универсалия – использование хитрости в борьбе с явно превосходящим врагом). Он ловко входит в доверие, усыпляет его бдительность ложной клятвой и расправляется с ним, когда враг этого не мог ожидать. Развязкой является еще одна удачная уловка Магомета Хатокшуко, предпринятая им во избежание кровной мести со стороны людей, близких к убитому князю. Все известные варианты сказания имеют одну схожую концовку: борец-пелюан отомщен, а верховный князь благополучно продолжает править.

Известно, что в средние века адыгские князья имели обыкновение держать у себя при дворе людей разных профилей – мудрецов-советников, распорядителей по хозяйству, певцов-песнетворцев *джегуако*, борцов-пелюанов и пр. По некоторым сведениям, время от времени они устраивали своеобразные состязания – чей

джегуако окажется искуснее, чей борец сильнее, чей оратор красноречивее и т.п. Нередко это имело следствием повод для скрытых, а порою и откровенных конфликтов, поскольку подобные публичные действия были отнюдь не только развлекательными мероприятиями, а формой проявления соперничества между самими владетелями. Наличие в подданстве мудрецов, разрешающих самые сложные споры, искусных дипломатов, способных исполнять сложные миссии, знатоков истории, певцов и сочинителей, непобедимых силачей – все это признавалось до такой степени престижным, что могло возвысить их владельца так же, как его личные высокие достоинства. Поэтому каждый из князей ревниво следил за тем, чтобы у его визави не объявился человек, способный превзойти придворных из его собственного окружения. В этом перечне не было только наемных воинов, готовых на поле брани совершать подвиги именем своего сюзерена, так как всякий человек княжеского рода был призван сам быть бесстрашным воином и умелым предводителем.

Обязанностью пелюанов было не только вступать в ритуальный поединок перед сражением двух противостоящих войск (что было распространенным явлением в традициях многих народов мира), но также выступать на борцовских состязаниях, устраиваемых самими князьями наподобие рыцарских турниров в средневековой Европе. Особенностью подобных состязаний было то, что поединщики имели обыкновение не останавливаться перед тем, чтобы нанести друг другу тяжелые увечья или вовсе убить один другого. По данной причине люди, обладавшие большой физической силой, старались скрыть свои способности, чтобы избежать опасной доли борца-пелюана. Поэтому Шужей не из праздного интереса решил погубить славного богатыря, а чтобы этим принизить авторитет верховного князя и одержать верх над ним. Этот поступок был продиктован законами соперничества и даже выживания.

Как характерно для большинства циклов данного жанра, фольклорная версия истории силача Созарыхи и князей Магомета Хатокшуко и Шужей Жансоха имеет реальную основу и своих прототипов. Оба князя – личности, отмеченные в исторических источниках, оба относятся к кайтукинской ветви потомков легендарного Инала, родоначальника кабардинских князей. В генеалогической таблице кабардинских князей, составленной Е.Д. Налоевой, Хатокшуко (Хатождуко / Атажуко, от которого ведет начало род Атажукиных) – представляет IX поколение от Инала: он сын Казия, внук Пшиапшоко и правнук Кайтуки. Шужей (Чужей) – сын Жансоха (Янсоха) и внук того же Кайтуки (VIII поколение от Инала). Следовательно, он старше своего соперника, поэтому его притязания на верховенство не беспочвенны, что и послужило подлинной причиной противостояния, в котором верх одержал Хатокшуко. В родословной таблице так и отмечено: «Чужей. Убит в 1626 г. Хатождукой Казиевым» [Налоева 2015].

Фольклор по-своему приукрасил банальную для того времени борьбу за власть, создав в память о данном эпизоде истории прекрасную песню и столь же занимательное предание о необычайном силаче, благородном верховном князе и его коварном сопернике. Судя по всему, данный цикл политически детерминирован и отражает позицию атажукинской стороны. Фактически о тех же событиях повествуется в другом цикле, «Плаче Жансоховых» и сопровождающем его предании. Он сложился явно в иной среде, и события интерпретируются в нем совершенно иначе. В частности, рассказ ведется о жестокой расправе клана Атажукиных, учиненной над Жансоховской ветвью княжеского рода. В центре внимания – безжалостное умерщвление ребенка, последнего носителя фамилии Жансох [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 93–95, 200–202]. О данной истории пишет также и Ш.Б. Ногмов [Ногмов 2020; Т. I. 145].

Две части предания тематически совершенно разные, но при этом они имеют между собой выраженную причинно-следственную связь, что и составляет

интригу всего повествования и позволяет признать использование контаминации творческим, художественным приемом. Наряду с этим в каждой из двух отмеченных частей налицо сюжетные ходы, которые также являются результатом контаминации. Так, отмеченный мотив нарушения запрета успешно инкорпорирован в основную сюжетную линию и даже в вариантах представляет собой собственное ответвление, однако не уводящее, повествование от основного русла. В записи К. Атажукина крестьянин был настолько поражен увиденным, что не смог сдержаться. По версии П. Тамбиева, тайну выдает не связанный клятвой подросток. Еще одну интерпретацию данного эпизода представляет вариант в исполнении Х. Жабоева. Данное слово крестьянин нарушает, находясь в гостях в отдаленном селении. Однако среди слушателей оказывается человек, к которому Хатокшуко обращался с предложением стать его пелюаном. Он решает сам испытать силу Созарыхи и приезжает к нему домой. После как бы нечаянной, демонстрации сил, гость остается на ночь, что не радует героя, поскольку наутро тот непременно предложит ему всерьез померяться силами, а это добром не кончится. Сестра героя, молодая вдова, с разрешения брата берется разрешить эту ситуацию. Она проводит ночь с прибывшим, а наутро будто невзначай демонстрирует, насколько она сильнее его (это еще один универсальный мотив – *утрата богатырской силы после ночи, проведенной с женщиной*). Видя это, незадачливый гость покидает дом Созарыхи. Но когда Хатокшуко вторично обращается к нему с тем же предложением, он заявляет, что не следовало бы князю искать борца на стороне, когда в его владениях живет более достойный силач, и указывает на Созарыху Куала.

Это – развернутая сюжетная линия, органично вписывающаяся в основное повествование. С одной стороны, отсутствие такого эпизода не влияет существенно на полноту сюжета в целом. Но именно такие подробности живописуют повествование, придают больше занимательности и способствуют созданию подлинно художественного стиля, а не просто сухого изложения событий. Подобного рода эпизоды есть и во второй части сказания. Так, для осуществления своего замысла Хатокшуко желает усыпить бдительность Шужея. В большинстве вариантов мир между ними скрепляется клятвой в священном месте. Но этому обычно предшествует нарочитая ссора Хатокшуко с другим князем, после чего он является к Шужею, якобы в поисках защиты и заключения с ним союза против третьего князя. Такие эпизоды, иногда краткие, но порою и весьма обстоятельно разработанные, могут быть как оригинальными, так и инкорпорированными готовыми клише. В обоих случаях они несут не только информативную, но и эстетическую функцию, делают текст занимательным и заодно усиливают мотивировку того или иного поступка героев.

Обращает на себя внимание разнообразие конкретных проявлений контаминации как творческого приема. Так, например, в сказании о Бора Могучем она близка к вставной новелле: основная сюжетная линия обрамляет вторую, но при этом вставка логически мотивирована общим замыслом. В сказании из цикла о Гудаберде все четыре сюжетные линии последовательно связаны логикой повествования и подчинены общей идее – раскрыть во всей полноте образ героя. Налицо следующая структура взаимосвязанных частей: князеубийство и бегство героя – пребывание на чужбине и мотивированность возвращения – рыцарски благородный способ доказательства своей невиновности – судьба настоящих убийц князя, чьи действия явились завязкой повествования в целом. В цикле Созарыхи две сюжетные линии относительно самостоятельны, но они также объединены причинно-следственной связью.

Во всех названных случаях контаминация примечательна тем, что художественное и логическое единство произведения обеспечивается благодаря органическому сочетанию двух или более сюжетов. Такова же ее функция и в тех слу-

чаях, когда в канву основного повествование инкорпорируется сюжетная линия вторичного плана, как это наблюдается в описании эпизодов обнаружения богатырской силы Созарыхи Куала или же мести князя Хатокшуко. Но если в одном случае развитие сюжета прямо не зависит от наличия сюжетной линии с испытанием одного богатыря другим, то в другом без соответствующего эпизода весь сюжет разрушается.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. В случаях, когда контаминация ведет к относительной художественной самодостаточности сказания, оно получает возможность «отпочковаться» от песни и функционировать как полноценная фольклорная единица, чем можно объяснить многие случаи фиксирования сказания без сопутствующей песни или, напротив, песни без сказания. Таким образом, исходная традиционная форма образования цикла трансформируется, но это далеко не всегда можно толковать как результат разрушения. Есть основания считать данный процесс следствием эволюции жанра, который обнаруживает тенденцию к расщеплению единого жанрового образования.

Список источников

1. *Алиева А.И.* Поэтика нартского эпоса адыгов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Москва: Наука, 1969. С. 303–350.
2. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
3. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 159 с.
4. *Ведерникова Н.М.* Контаминация как творческий прием в волшебной сказке // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. XIII: Русская народная проза. С. 160–165.
5. *Гацук В.М.* Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М.: АН СССР, Институт мировой литературы, 1989. 254 с.
6. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // В.И. Абаев. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 142–243.
7. *Джануа З.Д.* Сюжетные контаминации в кавказской Нартиаде // Наследие как система ценностей: язык, культура, история. Махачкала: 2007. С. 61–74.
8. Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. II т. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 412. (Адыгский фольклор. Т. II. Налчык: Эльбрус, 1969. 412 с. На каб.-черк. яз.).
9. Адыгэ тхыджьхэр. Мыекьуапэ: Меоты, 1993. 380 н. (Адыгские сказания. Майкоп: Меоты, 1993. 380 с. На адыг. яз.).
10. МькӔсэрэ жьуагьохэр. Мыекьуапэ: Меоты, 1994. Н. 336. (Немеркнувшие звезды. Историко-героические песни, песни-плачи, пщинатли и рассказы. Майкоп: Меоты, 1994. 336 с. На адыг. яз.).
11. Адыгэ уэрэдыжьхэр. Налшык: Эльбрус. 1979. 224 н. (Адыгские народные песни. Налчык: Эльбрус, 1979. 224 с. На каб.-черк. яз.).
12. Адыгэ пщыналъэ. Зэхэзылъхьар Къардэнгъуцӕ З. Налшык: Эльбрус, 1992. Н. 224 (Адыгская мелодия. Составитель З. Кардангушев. Налчык: Эльбрус. 1992. 224 с. На кабард.-черк. яз.).
13. *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды. В 4 томах. Налчык: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. Т. I. 316 с.; Т. II. 304 с.; Т. III. 200 с.; Т. IV. 248 с.
14. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1870. Отд. II. С. 70–81.
15. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. Отд. 4. С. 35–45.
16. Балкарские и кабардинские народные песни в записях М.П. Гайдая. 1924 г. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 175.
17. Кабардинский фольклор. Под ред. Г.И. Бройдо, Ю.М. Соколова. М.–Л.: Academia, 1936. 656 с.
18. Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и хьыбар (Сказание о Созарыхе, сыне Куала) // Фоновидеотека ИГИ КБНЦ РАН, м./л. 501-ф/01. Исп. Гутов Барасби Мударович (1906 г.р.). Звукозап. А.М. Гугова 07. 10. 1972 г. с. Аушигер Кабардино-Балкарии.

19. Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и гыбзэ. (Плач о Созарыхе, сыне Куала) // Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, м./л. 501-ф/02. Исп. Гутов Барасби (запевала), Гутов Мухамед (1914 г.р.), Гутов Хаджи (1915 г.р.). (голосовое сопровождение). Звукозап. А.М. Гутова 07.10.1972 г. с. Аушигер.

20. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. Москва: Советский композитор, 1986. С. 5–34.

21. Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и тхъэусыхэ (Сетования Созарыха, сына Куала) // Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, м./л. 74-а/7. Зап. в 1973 г. Ю.М. Бицуев; с. Аушигер Кабардино-Балкарии. Исп. Чеченов Кина (1893 г.р.), голосовое сопровождение – Чеченов Мурид (1893 г.р.) и Бицуев Мурат (1900 г.р.).

22. Къуалэ и къуэ Созэрыхэ и таурыхэ (Сказание о Созарыха, сыне Куала) // Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, м/л 559-ф/22. Исп. Жабоев Хамурза (1905 г.р.). Звукозап. А.М. Гутова 28.09. 1978 г. с. Аушигер.

23. *Налоев Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоев Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. Приложение: «Большая общая схема генеалогии кабардинских князей от Инала до XIX в.».

References

1. ALIEVA A.I. *Poetika nartskogo eposa adygov* [Poetics of the Nart epic of the Circassians]. IN: Skazaniya o nartah – epos narodov Kavkaza. Moskva: Nauka, 1969. P. 303–350. (In Russ.).

2. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar* [Literary encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1987. (In Russ.).

3. KVIATKOVSKIY A.P. *Poeticheskij slovar* [Poetic Dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1966. 159 p. (In Russ.).

4. VEDERNIKOVA N.M. *Kontaminaciya kak tvorcheskij priem v volshebnoj skazke* [Contamination as a creative technique in a fairy tale]. IN: Russkij folklor. L.: Nauka, 1972. T. XIII: Russkaya narodnaya proza. P. 160–165. (In Russ.).

5. GACAK V.M. *Ustnaya epicheskaya tradiciya vo vremeni: istoricheskoe issledovanie poetiki* [Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics]. M.: AN SSSR, Institut mirovoj literatury, 1989. 254 p. (In Russ.).

6. ABAEV V.I. *Nartovskij epos osetin* [Nart epic Ossetians]. IN: V.I. Abaev. *Izbrannye trudy*. Religiya. Folklor. Literatura. Vladikavkaz: Ir, 1990. P. 142–243. (In Russ.).

7. DZHAPUA Z.D. *Syuzhetnye kontaminacii v kavkazskoj Nartiade* [Subject contamination in the Caucasian Nartiada]. IN: Nasledie kak sistema cennostej: yazyk, kultura, istoriya. Mahachkala: 2007. S. 61–74. (In Russ.).

8. *Adyge IueryIuatekher* (Adygskij folklore [Adyghe folklore]). T. II. Nalchik: Elbrus, 1969. 412 p. (in Kabardino-Circassian).

9. *Adyge thydezher* (Adygskie skazaniya [Adyghe legends]). Majkop: Meoty, 1993. 380 p. (in Adyghe).

10. *Myklosere zhuagohe (Nemerknushchie zvezdy. Istoriko-geroicheskie pesni, pesni-plachi, pshchinatli i rasskazy* [Unfading stars. Historical and heroic songs, lamentation songs, pschinatli and stories]). Majkop: Meoty, 1994. 336 p. (in Adyghe).

11. *Adyge ueredyzhher (Adygskie narodnye pesni* [Adyghe folk songs]). Nalchik: Elbrus, 1979. 224 p. (in Kabardino-Circassian).

12. *Adyge pshchynale (Adygsкая melodiya* [Adyghe melody]). Sostavitel Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1992. 224 p. (in Kabardino-Circassian).

13. NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie Trudy* [Historical and philological works]. V 4 tomah. T. I. 316 p.; T. II. 304 p.; T. III. 200 p.; T. IV. 248 p. (In Russ.).

14. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Vyp. 6, otd. II. P. 70–81.

15. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. Vyp. 29. Tiflis: 1901, otd. 4. P. 35–45. (In Russ.).

16. *Balkarskie i kabardinskie narodnye pesni v zapisyah M.P. Gajdaya* [Balkarian and Kabardian folk songs in the recordings of M.P. Gaidai]. 1924. M.: IMLI RAN, 2021. P. 175. (In Russ.).

17. *Kabardinskij folklore* [Kabardian folklore]. Pod red. G.I. Brojdo, YU M. Sokolova. M.–L.: Academia, 1936. 656 s. (In Russ.).

18. *Kuale i kue Sozeryhe i hybar* (*Skazanie o Sozaryhe, syne Kuala* [The Legend of Sozarykh, the son of Kuala]). IN: Fonovideoteka IGI KBNC RAN, m./l. 501-f/01. Isp. Gutov Barasbi Mudarovich (1906 g.r.). Zvukozap. A.M. Gutova 07.10.1972 g. s. Aushiger Kabardino-Balkarii. (in Kabardino-Circassian).

19. *Kuale i kue Sozeryhe i gybze*. (*Plach o Sozaryhe, syne Kuala* [Lament for Sozarykh, the son of Kuala]). IN: Fonovideoteka IGI KBNC RAN, m./l. 501-f/02. Isp. Gutov Barasbi (zapevala), Gutov Muhamed (1914 g.r.), Gutov Hadzhi (1915 g.r.). (golosovoe soprovozhdenie). Zvukozap. A.M. Gutova 07.10.1972 g. s. Aushiger. (in Kabardino-Circassian).

20. NALOEVA Z.M. *Geroicheskie velichalnye i plachevye pesni adygov* [Heroic majestic and lamentable songs of the Circassians]. IN: Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. III. Ch. 1. Moskva: Sovetskij kompozitor, 1986. P. 5–34. (In Russ.).

21. *Kuale i kue Sozeryhe i theusyhe* (*Setovaniya Sozaryha, syna Kuala* [Complaints of Sozarykh, son of Kuala]). IN: Fonovideoteka IGI KBNC RAN, m./l. 74-a/7. Zap. V 1973 g. YU.M. Bicuev; s. Aushiger Kabardino-Balkarii. Isp. CHEchenov Kina (1893 g.r.), golosovoe soprovozhdenie – CHEchenov Murid (1893 g.r.) i Bicuev Murat (1900 g.r.). (in Kabardino-Circassian).

22. *Kuale i kue Sozeryhe i tauryh* (*Skazanie o Sozaryha, syne Kuala* [The Legend of Sozarykh, the son of Kuala]). IN: Fonovideoteka IGI KBNC RAN, m/l 559-f/22. Isp. ZHabojev Hamurza (1905 g.r.). Zvukozap. A.M. Gutova 28.09.1978 g. s. Aushiger. (in Kabardino-Circassian).

23. NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskih knyazej kak istoricheskij istochnik* [Genealogy of the Kabardian princes as a historical source]. IN: Naloeva E.D. Kabarda v pervoj polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sociuma i problemy social'no-politicheskoy istorii. Sost. A.S. Mirzoev. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2015. Prilozhenie: «Bol'shaya obshchaya skhema genealogii kabardinskih knyazej ot Inala do XIX v.». (In Russ.).

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья
УДК 398.1=398.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-91-99

ДИФФУЗИИ МОТИВОВ В ЭПИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ (вариант и самостоятельный цикл)

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гутова, 2021

Аннотация. Живое бытование устнопоэтического произведения благоприятствует его взаимодействию с другими подобными же феноменами. Это предполагает такое явление, как вероятность диффузии на уровне отдельных элементов и, как следствие, слияние разных произведений в одно. С другой стороны, столь же вероятно расщепление единого сказания. песни или иной фольклорной единицы на отдельные ветви с последующим образованием на его событийной базе еще одного произведения. Статья посвящена изучению характера естественного функционирования конкретного сюжета и ключевых мотивов в отдельном цикле адыгского историко-героического эпоса. На примере эволюции произведений об одном эпическом герое рассматривается характер формирования и функционирования цикла из песен и сказаний. Также устанавливаются обстоятельства, при которых происходит слияние двух или нескольких произведений или же выделение из единого целого новых элементов, вплоть до образования двух самостоятельных произведений, возникших из общего источника. Таковы предания и песни, связанные с именем эпического героя по имени Наргуг или в некоторых записях – Мартина. В условиях устного бытования побочные линии сюжета разделились не только по имени героя, но и по функции персонажей и закрепившегося за каждым из них сюжета или нескольких сюжетов. Оба названных явления равным образом естественны для стадии продуктивно функционирующего жанра.

Ключевые слова: историко-героический эпос, типология, мотив, зеко, сказание, очистительная песня

Для цитирования: Гутова Л.А. Диффузии мотивов в эпическом сказании (вариант и самостоятельный цикл) // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 91–99. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-91-99

Original article

DIFFUSION OF MOTIVES IN AN EPIC TALE (a variant and an independent cycle)

Liana A. Gutova

Institute of Humanities Research – a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center” Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences“, Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru

© L.A. Gutova, 2021

Abstract. The living existence of an oral poetic work favors its interaction with other phenomena of folklore. This implies such a phenomenon as the probability of diffusion at the level of individual elements and, as a result, the merging of different products into one. On the other hand, it is equally likely that a single phenomenon will split into sepa-

rate branches with the subsequent formation of another folklore work on its event basis. The article is devoted to the study of the nature of the natural functioning of the plot and the key motives in the cycles of the Adyghe historical and heroic epic. Using the example of the evolution of works about one epic hero, the nature of the formation and functioning of a cycle of songs and legends is considered, the circumstances under which two or more works merge or new elements are isolated from a single whole, up to the formation of two independent works that arose from a common source are established. These are the legends and songs associated with the name of an epic hero named Nartug or Martin, whose side lines in the conditions of oral existence were divided not only by the name of the hero, but also by the function of the characters and the plot assigned to each of them or several plots. Both of these phenomena are equally natural for the stage of a productively functioning genre.

Keywords: historical and heroic epic, typology, motif, zeko, legend, cleansing song

For citation: Gutova L.A. Diffusions of motives in an epic Tale (a variant and an independent cycle) // Bulletin of the KBIGI. 2021. No. 3 (50): 91–99. (In Russ.).

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-91-99

Устность передачи как родовое свойство фольклора иногда способна разделять варианты одного произведения до такой степени, что при условии вариативности и длительного бытования они в состоянии измениться до статуса двух вполне самостоятельных произведений. Напротив, случается и так, что два разных явления, события или персонажа из реальной действительности становятся базисом для появления единого цикла. Так, например, в годы Кавказской войны (конец XVIII – середина XIX вв.) чуть ли не каждое из бесчисленного множества нападений регулярных войск на мирные аулы, уничтожение, пленение или изгнание их жителей, чуть ли не каждое памятное сражение становились побудительной причиной появления устнопоэтических произведений в жанре героико-эпическом, хотя по содержанию это могли быть не только песни и повествования о подвигах, а и сетования на горестную судьбу или даже плачи. Но порою только за один поход на мирные селения сжигались десятки аулов, люди угонялись или уничтожались сотнями. Откликающийся на такие явления фольклор не мог в подобных обстоятельствах избежать повторяемости обстоятельств, тематического единообразия, сходного поведения героев, оказывающихся в одинаковых ситуациях. Такие условия благоприятствуют возникновению в поэтическом тексте типических формул-характеристик событий, персонажей и действий. По этой причине в устном обиходе некоторые песни становились похожими одна на другую, отдельные более удачные словесные обороты перекочевывали из текста одного произведения в текст другого. В результате иногда образовывался своего рода сводный вариант. Но если в ряду центральных мотивов в процессе устного бытования оказывались события разные по характеру, такая сводная по происхождению песня могла вновь разделиться и стать основой для возникновения в устном обиходе двух разных произведений.

В качестве примера будет любопытно обратиться к опубликованным и архивным материалам песен и сказаний из более раннего цикла – о наезднике *Нартуге* Кошироко или, как звучит в вариантах имя этого же персонажа, *Мартинь* Кошироко. Этот цикл можно отнести к числу тех, которые были довольно популярны в период естественного функционирования традиционной народной культуры. Как мы полагаем, отмечаемое раздвоение имени героя имеет связь с раздвоением самого образа, что мы и стараемся проследить, рассматривая варианты данного произведения.

Впервые песню о названном персонаже записал П.И. Тамбиев и опубликовал Л.Г. Лопатинский в 1898 г. под названием «Сетования старика на свою судьбу» [Фольклор адыгов... 1988: 14–18]. Следующая публикация состоялась в сборнике «Кабардинский фольклор» почти через четыре десятилетия: были напечатаны на русском языке предание под названием «Прерванная пахота» и песня – «Сетова-

ния старика на свою судьбу» [Кабардинский фольклор 2000: 404–407, 407–408]. В середине XX в. песня обрела популярность благодаря исполнению ее по республиканскому радио З.П. Кардангушевым, одним из самых активных собирателей адыгского фольклора и признанного его уникального исполнителя. Он же в одном из изданий текстов поместил свой вариант песни и пересказ содержания предания [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 48–49, 176–177]. Комментарии к публикации он заключил словами: «Песню я впервые услышал от своего старшего брата Миши» [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 177]. То, что в первых двух публикациях название песни дословно совпадает, позволяет предполагать, что коллектив, готовивший издание 1936 г., был знаком с опубликованной записью П.И. Тамбиева и, возможно, ориентировался на него при подготовке перевода. Кардангушевская версия в данном отношении имеет все признаки самостоятельного варианта как по тексту, так и по ссылке на учителя, от которого публикатор впервые услышал и усвоил слова и мелодию. В многотомном серийном издании адыгских народных песен и наигрышей помещен тот самый текст песни в исполнении З. Кардангушева, восходящий к его брату, с нотной транскрипцией и краткой аннотацией [Народные песни... 1990: 371–375]. Дело в том, что вариант, широко распространившийся благодаря радио, вытеснил из обихода версии из других источников. По этой причине последующие записи представляют собой образцы вторичного фольклора и научной ценности в рассматриваемом ракурсе не представляют. В том же издании следом за указанным вариантом публикуются еще два текста, но под другим названием – «Сетования Мартины Храброго» [Народные песни... 1990: 376–379, 380–383]. Тем самым составители этого уникального труда признали, что Нартуг Кошероко и Мартина Кошероко – это не один, а два разных персонажа, и это подтверждается, прежде всего, различием имен героев, помимо того – сильными расхождениями в вербальном тексте и мелодии (однако при очевидности определенных сходств и в тексте, и в музыкальной фактуре), а также существованием сюжетов разных преданий, относящихся к одному герою, не совпадающих во многих деталях, а иногда и совсем не обнаруживающих общности происхождения.

В связи с этим мы решили обратиться к более ранним записям, большинство которых до сих пор не публиковалось. Предания и песни данного цикла представляют собой один из редких случаев, когда ареал бытования устойчиво локализуется в Кабарде, несмотря на то, что по всем признакам песня и предание появились задолго до XIX в., когда общеадыгское территориальное единство было разрушено, и произошла относительная изоляция этого края от Западной Черкесии. В рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН хранится 26 записей названного цикла, они собраны воедино [Архив ИГИ КБНЦ РАН: Папка № 21-р]. Все материалы записаны в середине XX в., 9 из них представляют полный цикл (песня и предание, записанные от одного и того же лица единым текстом), 10 – только песня, 7 – только сказание.

Совпадение общей событийной основы наиболее популярного сюжета наблюдается в сказаниях о Нартуге / Мартине, зафиксированных в селениях Кахун [Архив ИГИ КБНЦ РАН: пасп. № № 13; 20], Старый Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: пасп. 7], Арик [Архив ИГИ КБНЦ РАН: пасп. 8]. В этих записях представлены варианты одного сюжета: герой расправляется с князем, который из-за своей прихоти не предоставляет подданным адекватных условий для жизни и труда. В данном случае во всех трех вариантах в разгар времени весенних полевых работ князь требует от людей прекратить пахоту и выполнить его нелепые указания – огородить его владения изгородью из колючего кустарника или обнести все селение таким же оградой. В одном из вариантов требование еще жестче: ограда должна быть семикратной. Неуместность такого распоряжения в том, что от весенних работ в поле зависит благополучие общества и самого князя в течение всего года, а возведение ограды неактуально и даже не совсем соответствует традиционному образу жизни. Заносчивый владелец даже не прислушивается к уговорам своих

подданных и даже не желает внять словам уважаемого в обществе престарелого воина-наездника Нартуга Кашироко, который по просьбе общества взял на себя миссию посредника. Вместо принятия разумного решения, князь грубо и вызывающе оскорбляет бывалого воина. Не ответить должным образом на такое обращение было бы унижительным для достойного наездника, и Нартуг, не добившийся ничего, вынужден принять заложенный в словах князя вызов. В большинстве вариантов дело завершается поединком, в котором побеждает герой. Он происходит вдалеке от селения, в таком укромном месте, что остается никем не замеченным. Так в сказании мотивируется князеубийство, один из весьма редких проступков, согласно обычному праву чреватых суровыми последствиями для совершившего это.

Действия героя, казалось бы, вполне убедительно мотивируются, так как элементарная логика однозначно требует признать, что справедливость на стороне Нартуга / Мартины: князь своим самоуправством первым нарушил традиционные принципы взаимоотношений между ним самим и его подвластными, а к тому же и оскорбил героя, на что обычаи не дают права даже такому высокому лицу. Вопреки прочно устоявшемуся представлению о всевластии аристократической верхушки, согласно обычному праву, всякий владелец был призван не просто повелевать подданными. Ему вменялось самому служить обществу, обеспечивать его достаток и безопасность, но никак не использовать свое положение вопреки интересам социума. Кроме того, он первым сознательно нанес герою тяжкое оскорбление, и это был откровенный вызов, не ответить на который было бы позорным. Однако здесь же важно учитывать, что тем же неписаным, но строго соблюдающимся кодексом установлено, что, личность, посягнувшая на жизнь высокогородного владельца, в особенности князя, чей статус почитался дарованным от бога, неминуемо должна была понести самую суровую кару, причем иногда независимо от того, кто больше виновен. Если убитый был из княжеской фамилии, его род объявлял убийце кровную месть, и преследования продолжались вплоть до уничтожения всех членов семьи убийцы, в особенности – мужского пола. Многие авторы, отечественные и зарубежные, единодушно отмечают существование у адыгов этого необычайно сурового правила – карать за убийство князя не только самого виновника, но и всю его родню. Это подтверждает в обобщающем труде по адыгским этнографическим терминам проф. Х.М. Думанов [Думанов 2006: 90]. Юрист Т.М. Катанчиев, основательно изучивший особенности обычного права адыгов, в результате анализа огромного количества опубликованных и архивных материалов пришел к заключению, что с течением времени в обозримом прошлом многие принципы этого института изменялись, что типично для народных традиций, в том числе варьировались меры наказания и суммы штрафов. Но при этом неизменным оставалось одно – суровая кара за убийство князя, так как его статус почитался священным, и княжеская кровь не могла измеряться никакой высокой платой [Катанчиев 2006: 66–89]. Поэтому кроме скромности, внушенной в сознание представителя аристократического сословия рыцарским этикетом, у героя была еще одна не менее веская причина, чтобы держать в строжайшей тайне совершенное деяние. Каким бы мужественным ни являлся человек, он был вынужден бояться – если не за себя, то за своих родных и близких.

Таким образом, положение героя оказалось очень своеобразным. С одной стороны, он защищал интересы социума, всей общины, простых людей, однако формально он совершил тяжкое преступление по отношению к высокому лицу. Кроме того, чтобы пойти на такой шаг как поединок с князем, нужно было обладать большим мужеством, сильным, волевым характером. Герой должен был сознательно переступить некую черту, зная о возможных последствиях для него в связи с тем, что фигура князя признавалась сакральной. Также ему следовало быть и отлично подготовленным воином, так как традиционно мужчины княжеского сословия – это потомственные воины, и каждый из них с детства с особой тщательностью

обучался всем тонкостям боевого искусства, чтобы и самому служить примером для других, и при надобности быть успешным предводителем целого войска или его части. Важно и то, что Нартуг в рассматриваемом случае совершает действие, продиктованное весьма не однозначной ситуацией: если он стерпит оскорбление, то утратит собственное достоинство, если же отомстит, непременно спровоцирует гонения на себя и весь свой род со стороны княжеского клана. В этом непростом положении герой выбирает сохранение чести, то есть поединок с владельцем на-смерть. Однако, одержав верх и исполнив свой рыцарский долг, он, остерегаясь последствий, также не может заявить обществу о содеянном. Отсюда возникает ситуация, когда окружающие, по своему неведению, перестают достойным образом уважать героя, так как даже не догадываются о его деяниях. В сложившихся обстоятельствах, как представляется, безвыходных, ему ничего иного не остается, кроме как смириться с незаслуженно низким положением в обществе, если, конечно, он не отыщет достойного способа, чтобы восстановить свое доброе имя.

Таким нетрадиционным способом и стала песня, которую, согласно преданию, сочинил сам герой, как сетование на свою судьбу. Неслучайно также, что она имеет некоторые специфические отклонения от традиции. Самая распространенная форма исполнения песен историко-героического эпоса – это сольное пение в сопровождении не только музыкального инструмента, но и хора (*ежьу / жььу*), вернее фактически всех присутствующих. При этом партия хора-ежьу не должна содержать семантически полных слов. Но в песне «Сетования Нартуга» каждая мелострофа заканчивается повторением хором последнего слова из партии запевалы, что необычно [Народные песни... 1990: 371–375]. Кроме того, сама форма исполнения такова, что она удобна именно для одиночного исполнения: партия солиста нигде не сливается с хоровой, что характерно для так называемых *дзанэ уэрэд* – песен, исполняемых одиночно и для себя, без ориентации на слушателей. Герой, сочиняя песню, не мог наделять ее выраженной адресностью социуму. Она направлена как бы внутрь сознания самого автора, вернее, лирического героя: он обращается будто бы к себе самому, и потому по формальным признакам она не предназначена «для чужих ушей». Это значит, что изначально песня исполняется одним певцом в сопровождении музыкального инструмента, без партии ежьу, что и создает возможность для нестандартной формы. Согласно преданию, когда Нартуг в одиночестве посвящал свои переживания песне, ее якобы ненароком услышала либо проходящая мимо его дома старушка, либо соседская невестка. Этот второстепенный персонаж выполняет важную функцию медиатора между обществом и героем. Подобным приемом песня социализируется, становится достоянием всей общественности. А вместе с этим обнародуется и тайна, которую в обычной разговорной форме не мог бы раскрыть старый воин. Таким образом, через песню происходит своего рода самореабилитация героя. З.М. Налоев относит ее к разряду *очистительных*, основная практическая функция которых – очистить доброе имя человека от несправедливых наветов, подозрений или кривотолков [Налоев 2009: 144–159]. В сказаниях также повествуется о том, как, несмотря ни на что, Нартуг достойным образом похоронил тело убитого и впоследствии бережно сохранял важные атрибуты (сбритые усы, кольчужную рубаху, коня вместе со снаряжением).

Возвращаясь к сказанию о Нартуге, отметим, что подобного рода песня вместе с прозаическим преданием, а порою одно предание без песни, зафиксированы в разных местностях и от разных исполнителей на территории современной Кабарды. Наибольший интерес для нас представили несколько записей. Первая из них была произведена в селении Кахун от Амирхана Хавпачева, одного из последних хранителей традиции джегуако [Архив ИГИ КБНЦ РАН: паспорт 13]. Узнавши о том, что убийцей князя является Нартуг (или как повествуется в тексте Мартина), против героя выступает не только княжеская семья, но и все под-

властное ей население. Мартина, отвергнутый обществом, вынужден покинуть родное селение и податься в абреки. Лишь изредка и тайно он возвращается в отчий дом. Но в один из таких посещений он снимает висящую на стене *пханшину* (разновидность смычкового музыкального инструмента) и, как бы изливая душу, поверяет песне все, что случилось с ним на самом деле и почему ему пришлось убить князя. Здесь мотивировка убийства несколько иная, так как в этом варианте сказания герой вынужден был отстаивать не столько жизнь, сколько собственное достоинство, что в средневековом рыцарском сознании признавалось превыше жизни. Встретившись со спесивым молодым князем, который непозволительно дерзко ведет себя по отношению к герою, и будучи профессиональным воином-наездником Мартина оказался вынужденным ответить на явно провокационное поведение владельца, в результате чего и убил его. Обо всем этом и о том, как, несмотря на оскорбления со стороны князя, Мартина похоронил его со всеми почестями, он и поведал в песне, которую услышали случайные посторонние люди, передавшие ее содержанию младшему брату убитого. Очевидна нарочитость исключительно «внутренней направленности» песни, но таким этически презентативным способом, без бахвальства и преувеличений, герой доводит до сознания общества, что он не нарушал традиций, а поступил так только потому, что сам погибший поставил его в такое безвыходное положение. Песня оказывается воистину очистительной, и она снимает с Нартуга тяжелое обвинение и приводит к мирному разрешению конфликта. В традиционном обществе, как пишет З.М. Налоев, по представлениям носителей средневекового сознания, в песенном слове может содержаться только правдивая информация, поскольку оно сакрально [Налоев 2009: 144–159].

Несколько иной сюжет о Нартуге зафиксирован в исполнении двух других информантов из расположенных недалеко друг от друга селений – Старый Урух и Второй Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: паспорта 5; 10]. Здесь сюжет несколько иной – в обоих текстах фигурирует князь – спесивый, своенравный, ревнивый к чужой славе, не желающий признавать никого и считаться ни с кем, кроме себя самого. В одной из записей говорится, что Мартина выступает как верный оруженосец князя. Но, в отличие от сюзерена, которому призван служить, он по возвращении из похода – *зек* не прячет привезенную добычу, а щедро раздает ее нуждающимся, чем заслуживает признательность со стороны простых людей и озлобление – со стороны самого князя. В другом тексте герой, будучи уже в преклонном возрасте, дает мудрые советы людям, которые поэтому часто обращаются при надобности к нему, а не к владельцу, под властью которого находятся. Это вызывает такую же ревность, здесь так же, как и в предыдущем сюжете, князь не признает никого, помимо себя самого. Из-за этого он провоцирует конфликт со своим же подданным, приводящий его самого к гибели. Герой поставлен в такие условия, что вынужден или погибнуть, или же защищаться. Князь отправляется в поход и в качестве сопровождающего берет с собой Мартину, который обязан ему прислуживать. Но он же несколько раз пытается убить своего верного слугу, причем нападает на него ночью, полагая, что тот крепко уснул. Чтобы не погибнуть самому, герой вынужден расправиться со своенравным и коварным князем.

Еще один интересный сюжет о Нартуге зафиксирован в селении Верхний Курп Кабардино-Балкарской республике [Архив ИГИ КБНЦ РАН: паспорт 6]. Здесь мотива убийства вышестоящего лица как такового нет, есть лишь упоминание о том, что герой однажды убил какого-то князя, имя которого даже не называется. Сюжетообразующим мотивом является не это, а другой случай – убийство сына самого старика Нартуга его же братьями, которые завидовали в свое время его славе доблестного наездника, а теперь так же завидуют восходящей звезде его единственного сына – за то, что юноша стал, в отличие от них самих, достойным преемником своего отца, таким же известным благородным воином.

Герой долгое время пребывает в неведении о причастности братьев к гибели его сына. Но, узнавши правду, доблестный старый рыцарь не расправляется сам с виновными, чтобы не взять на себя тяжкий грех братоубийства. Вместо этого он прибегает к оригинальному способу мести.

Однажды в прежние времена, когда он был еще молод и участвовал в сражениях, случилось так, что он убил одного князя. Но никто не подозревал о том, чьих рук это дело. Теперь он через песню сам раскрывает много лет сохранявшуюся тайну, и через это правду узнают родственники убитого князя. Поскольку, как мы выше отмечали, по обычному праву за убийство князя должны быть преданы смерти все члены его семьи мужского пола, родственники убитого расправляются с братьями Нартуг. Несмотря на преклонный возраст, он и сам непременно должен погибнуть. Однако примечательны его слова, когда он принимает роковое решение: «Я свое уже отжил...»). Погибая, он уносит с собой своих завистников-братьев, бывших его врагами. Так на склоне лет он чужими руками отомстил за своего сына. Это еще один новый поворот сюжета: от князеубийства здесь остается только отдаленный отголосок, который все же имеет важное значение для развязки основного сюжета. Но на первый план выходит уже другой мотив – вражда между героем и его братьями, отголосок чего устойчиво представлен в нескольких вариантах песни о Нартуге / Мартине, в их числе и первой записи П. Тамбиева: «Кому я не по душе, у того пусть злоносный младший брат объявится» (перевод наш [Фольклор адыгов... 1988: 15]. Суть этой фразы может быть раскрыта только знанием событийного контекста.

Новый ракурс повествования проявляется с несколько неожиданной стороны во второй части упомянутого выше варианта сказания о Мартине Кошироко от Амирхана Хавпачева [Архив ИГИ КБНЦ РАН: пасп. 13]. Удивительно то, что под одним номером даны два разных сюжета об одном и том же герое. Вторая часть записи представляет собой самостоятельный сюжет. У Мартины Кошироко был белый конь, подаренный ему русским другом. Но злоносный и завистливый младший брат настоял на том, чтобы при разделе общего имущества этот конь достался именно ему. Таким образом, герой остается без боевого коня. Как раз в это время (бесспорно, это было подстроено) компания незнакомых всадников приглашает его отправиться с ними в набег, а вместо утраченного коня ему предоставляют беспородного лошака. Естественно, такой конь подводит героя: в минуту опасности его спутники на хороших конях успевают скрыться, а он отстает, получает тяжелые ранения, и только чудом ему удается спастись. Но при этом, выполняя долг, он до последнего оберегает своих спутников, задерживая преследователей. По преданию, песню герой сочиняет, чтобы оправдаться перед обществом за неудачу в набеге.

Те же два разных по своей сути сюжета налицо в варианте Киру Тхагалегова, односельчанина и товарища названного выше информанта [Архив ИГИ КБНЦ РАН: паспорт 20], даются даже два варианта песни, оба в контаминации, но один из них все-таки по содержанию ближе к «Сетованиям Нартуга», второй – к «Сетованиям Мартины». К. Тхагалегов, как и А. Хавпачев, считает, что Нартуг и Мартина два разных лица, и каждому из них посвящена своя песня. Это отражено и в принципах научной публикации, отмеченных в упомянутом издании музыкального фольклора.

Нами рассмотрен всего один эпический цикл, и, видимо, было бы рискованно делать широкие обобщения на результатах его анализа. Однако некоторые контуры общих закономерностей естественного бытования мы все же считаем возможным отметить. В частности, на примере привлеченного материала очевидно, что в устном обиходе циклы об отдельных героях могут вступать в активное взаимодействие. Это выражается в вероятности слияния двух или нескольких произведений, которые тематически близки между собой, а их центральные герои функционально идентичны. Вероятен и обратный процесс –

разветвление по вероятности изначально единого явления, когда с накоплением новых сюжетных линий и мотивов образуются самостоятельные художественные единицы. В цикле о Нартуге / Мартине Кошероко это разделение фактически состоялось, но признаки прежнего единства на предыдущем эволюционном этапе не стерлись. Как можно предположить, это свидетельство того, что в живом фольклорном процессе происходит непрерывное взаимодействие, возникновение новых связей между разными феноменами или, напротив, расщепление единства, ведущее к образованию новых произведений. Иными словами, фольклорное произведение функционирует в естественных обстоятельствах по законам живого организма.

Список источников

1. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. сост. А.И. Алиевой. Кн. 2. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.
2. Кабардинский фольклор. Под ред. Г.И. Бройдо и Ю.М. Соколова. Изд. 2-е. Нальчик: Эль-фа, 2000. 651 с.
3. Адыгэ уэрэдыжхэр. Зэхэзыльхьар КъардэнгъушI Зырамыкуш. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 324 (Адыгские народные песни. Сост. Зарамук Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1979. 324 с. На кабард. яз.).
4. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под общей ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1990. Т. III. Ч. 2. 488 с.
5. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 5: Къуэшырокъуэ мьпIашIэу унащ (Кошироко не поторопился и одержал верх). Исп. Масаев Хапат: 83 года, с. Лескен Второй Кабардино-Балкарии. Зап. В апр. 1949 (дата не указана) З. Аксиров.
6. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 6: Къуэшырокъуэ Нартыгу и уэрэд, и таурыхъ (Песня и предание о Нартуге Кошироко). Исп. Тимижев Казгери: 75 лет, с. Верхний Курп Кабардино-Балкарии. Зап. 3 окт. 1956 г. А. Шортанов.
7. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 7. Къуэшырокъуэ Нартыгу и таурыхъымрэ и уэрэдымрэ. (Нартуг Кошироко: предание и песня о нем). Исп. Мухамед Эльджероков: 72 года. Сел. Андзорей (Старый Лескен Кабардино-Балкарии). Зап. 29 окт. 1956 г. Х. Жакамухов.
8. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 8. Къуэшырокъуэ Нартыгум и уэрэдымрэ и хьыбарымрэ. Исп. Циру Набитов: 88 лет, сел. Арик Кабардино-Балкарии. Зап. 13 дек. 1968 г. А. Гукемух.
9. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 10. Сказ и песня про Храброго Мартина. Исп. Чаш Дзахмишев: 65 лет, сел. Старый Урух Кабардино-Балкарии. Зап. 12 мар. 1962 г. А. Сруков.
10. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт № 13. Исп. Амирхан Хавпачев: 63 года, сел. Кахун Кабардино-Балкарии. Зап. в 1945 г. (дата не указана) З. Берекетов.
11. Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд. Папка № 21-р. Паспорт №20. Песня о Мартине. Исп. Киру Тхагалегов: 80 лет, сел. Кахун Кабардино-Балкарии. Зап. 7 авг. 1952 г. К. Балкаров.
12. *Думанов Х.М.* Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-фа, 2006. 216 с.
13. *Катанчиев Т.М.* Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. Нальчик: Эль-фа, 2006. 159 с.
14. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с.

References

1. *Folklor adygov v zapisyah i publikacijah XIX – nachala XX vv.* [Folklore of the Circasians in the records and publications of the XIX – early XX centuries]. Sost. A.I. Alievoj. Kn. 2. Nalchik: Elbrus, 1988. 272 p. (In Russ.).

2. *Kabardinskij folklore* [Kabardian folklore]. Pod red. G.I. Brojdo i Yu.M. Sokolova. Izd. 2-e. Nalchik: El-fa, 2000. 651 p. (In Russ.).
3. *Adyge ueredyzhher. Zehezylyhar KardengushI Zyramykush*. Nalshyk: Elbrus, 1979. N. 324 (Adygskie narodnye pesni [Adyghe folk songs]. Sost. Zaramuk Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1979. 324 p. (in Kabardian).
4. *Narodnye pesni i instrumentalnye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Pod obshej red. E.V. Gippiusa. M.: Sovetskij kompozitor, t. III, ch. 2. 1990. 488 p. (In Russ.).
5. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 5: Kueshyroquer myplashleu unash (Koshiroko ne potoropilsya i oderzhal verh). Isp. Masaev Hapat: 83 goda, s. Lesken Vtoroj Kabardino-Balkarii. Zap. V apr. 1949 (data ne ukazana) Z. Aksirov.
6. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 6: Kueshyrokue Nartygu i uered, i tauryh (Pesnya i predanie o Nartuge Koshiroko). Isp. Timizhev Kazgeri: 75 let, s. Verhnij Kurp Kabardino-Balkarii. Zap. Zap. 3 okt. 1956 g. A. Shortanov.
7. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 7. Kueshyrokue Nartygu i tauryhymre i ueredymre. (Nartug Koshiroko: predanie i pesnya o nem). Isp. Muhamed Eldzherokov: 72 goda. Sel. Andzorej (Staryj Lesken Kabardino-Balkarii). Zap. 29 okt. 1956 g. H. Zhakamuhov.
8. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 8. Kueshyrokue Nartygum i ueredymre i hybarymre. Isp. Ciru Nabitov: 88 let, sel. Arik Kabardino-Balkarii. Zap. 13 dek. 1968 g. A. Gukemuh.
9. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 10. Skaz i pesnya pro Hrabrogo Martina. Isp. Chash Dzahmishev: 65 let, sel. Staryj Uruh Kabardino-Balkarii. Zap. 12 mar. 1962 g. A. Srukov.
10. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 13. Isp. Amirhan Havpachev: 63 goda, sel. Kahun Kabardino-Balkarii. Zap. v 1945 g. (data ne ukazana) Z. Bereketov.
11. *Arhiv IGI KBNC RAN* [Archive of IHR KBSC RAS]. Folklornyj fond, Papka № 21-r. Pasport № 20. Pesnya o Martine. Isp. Kiru Thagalegov: 80 let, sel. Kahun Kabardino-Balkarii. Zap. 7 avg. 1952 g. K. Balkarov.
12. DUMANOV H.M. *Slovar etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-fa, 2006. 216 p.
13. KATANCHIEV T.M. *Adyge habze kak kabardinskoe obychnoe pravo* [Adyge khabze as Kabardian customary law]. Nalchik: El-fa, 2006. 159 p. (In Russ.).
14. NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kultury adygov* [Sketches on the history of culture of the Circassians]. Nalchik: Elbrus, 2009. 656 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 398,2

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть один из основных вопросов, представляющий в настоящее время большой исследовательский интерес, для изучения анималистических сказочных текстов животного эпоса карачаевцев и балкарцев: проведение классификации действующих персонажей. В сказках о животных зооморфные персонажи выступают как эталонные носители тех или иных особенностей характера человека, в более общем плане они отражают опыт определенного этноса, являющегося носителем данной культуры и языка. Опираясь на труды предшественников, по аналогии в работе выделено шесть групп анализируемых сказок. Настоящий подход, позволил сделать ряд значимых наблюдений, тем самым определив, что исследуемые произведения делятся на виды: антропоцентрические (сюжет обычно сосредоточен на человеке) и зооцентрические (герои исключительно животные). Делается акцент на метод наделяния предметов и явлений природы свойствами живых существ – персонификации. Материалом для исследования послужил сборник сказок о животных «Народные сказки балкарцев и карачаевцев», на основе которого и представляется возможным классифицировать действующие персонажи по нескольким признакам: по частоте их появления в текстах, пространственному принципу, по сюжетному ходу и т.д. В особый раздел выделены сюжеты, в которых животные взаимодействуют с человеком.

Ключевые слова: животный эпос, сказки, классификация персонажей, анималистические произведения

Для цитирования: Гергокова Л.С. Принципы классификации анималистических персонажей в карачаево-балкарском животном эпосе // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 100–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

Original article

CLASSIFICATION PRINCIPLES OF ANIMALIST CHARACTERS IN THE KARACHAI-BALKAR ANIMAL EPOS

Gergokova Leila Sozakbayovna

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Annotation: The article attempts to consider one of the main issues of great research interest for the study of animalistic fairy-tale texts of the animal epic of the Karachais and Balkars: classification of acting characters. In fairy tales about animals, zoomorphic

characters act as reference carriers of certain features of a person's character; more generally, they reflect the experience of a certain ethnic group that is a carrier of a given culture and language. Based on the works of predecessors, by analogy, six groups of analyzed fairy tales were identified in the work. This approach made it possible to make a number of significant observations, thereby determining that the studied works are divided into types: anthropocentric (the plot is usually focused on a person) and zoocentric (heroes are exclusively animals). Emphasis is placed on the method of endowing objects and natural phenomena with the properties of living beings – personification. The collection of fairy tales about animals “Folk tales of the Balkars and Karachais” served as the material for the study, on the basis of which it seems possible to classify the characters according to several criteria: by the frequency of their appearance in the texts, the spatial principle, by the plot, etc. The plots in which animals interact with humans are highlighted in a special section.

Keywords: animal epic, fairy tales, classification of characters, animalistic works

For citation: Gergokova L.S. Classification principles of animalist characters in the karachai-balkar animal epos. *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 100–109. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

Как известно, краткие устные рассказы о вымышленных событиях с участием типизированных персонажей с аллегорическим характером называются сказками. В них сосредоточена национальное своеобразие в описании быта и культуры народа носителя, ее национальная база. Благодаря богатству языка народных произведений обогащается и мышление народа.

Сказки – фольклорные произведения с установкой, как на вымысел, так и на счастливый конец. В подобных текстах сказители заведомо дают повод для сомнения в подлинности описываемых событий. В произведениях данного жанра у разных народов обнаруживаются сходные сюжеты, а также языковые и лингвокультурные особенности. Фольклор карачаевцев и балкарцев включает разнообразный пласт сказок. Значительный объем исследуемого фольклорного жанра до настоящего времени все еще остается недостаточно изученным, хотя в их освоении применяются разные научные подходы как: психологический, педагогический, исторический, а также с помощью применения искусственного интеллекта. В этой связи нами предпринята попытка проанализировать один из видов данного фольклорного жанра, а именно сказки о животных – это «первые» фольклорные произведения с участием зверей, птиц и растений, с которыми знакомится человек в раннем детстве. На них и будет сосредоточено наше внимание. «Чем ближе к истокам словесности, тем чаще ее полноправными героями оказываются животные. То они появляются рядом с людьми, наравне с ними, а порою и, превосходя их, то вступают между собой в отношения, диктуемые правилами не природного, а человеческого общежития. Повествования о животных то смешат, то заставляют задумываться над нормами человеческого поведения. Словом, сфера действия животных в старинной словесности широка и разнообразна. [Костюхин 1987: 7]. «Сказки о животных строятся на простых поступках действующих героев, лежащих в основе этих рассказов. Конец сказочных текстов в основном предсказуем, что показывает древность этих произведений» [Гергокова 2016: 124].

В данной статье осуществляется попытка сделать описание системы персонажей в том виде, в каком они представлены в самой карачаево-балкарской анималистической сказке. Материалом для анализа послужили тексты, извлеченные из сборника сказок «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. С целью выявить базовые лингвокультурные и этнические ментальные стереотипы носителей карачаево-балкарского языка методом сплошной выборки нами были выделены 54 текста карачаево-балкарских народных сказок: «Собака и вол», «Ненадёжный друг», «Козлёнок», «Баран и коза», «Лиса и перепёлка», «Лиса, медведь и волк», «Верблюд и лиса», «Как лиса перехитрила волка», «Белый ягнёнок», «Мышонок и колокольчик», «Лиса и мельник»,

«У лжеца короткий хвост», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан», «Тоймаз и Домай», «Зынгырдаук», «Кичибатыр – младший богатырь», «Темир-Болат», «Женщина с серыми глазами», «Илеука», «Старик и чёрный орёл», «Младший брат», «Алакёз», «Золотая птица», «Невеста-лягушка», «Пасынок», «Быжма-папах», «Аладин», «Карабатыр», «Приключения охотника», «Джигит и его друзья», «Младший брат Абоковых», «Аллахберди и Чийтёппе», «Бедняк и ханская дочь», «Фатима, Каракуш», «Лошадник Чора», «Темрюк и Наэльхан», «Хвастун и великаны», «Умар сын Умара», «Девлер, или Кто сильнее?», «Умный мальчик и великан», «Кокайчик», «Находчивый мальчик», «Три брата и великан-эмеген», «Хитрый гость», «Бедняк и судья», «Как бедняк делил курицу», «Смышлёный мальчик», «Мороз», «Сокур-Али», «Огонь и Вода», «Счастье», «Ум и Богатство», «Намыс». Из перечисленных к анималистическим относятся 13 текстов, которые и стали предметом исследования.

Сказки о животных богаты количеством сюжетов этиологического содержания, где действующими персонажами являются животные и птицы, описывается сфера их обитания, а также особенности их внешнего вида. Объясняются также причины явлений природы, что сближает этиологические сказки с мифами. Между тем сказки названной группы не лишены иносказательности, прозрачно указывающей на отношения между людьми в обществе.

Прежде чем обратиться к персонажам карачаево-балкарских сказок о животных, попытаемся разграничить похожие категории: действующие лица и персонажи других сказочных жанров.

Е.С. Новик, в статье «Система персонажей русской волшебной сказки», опираясь на труды известных ученых, обращает внимание на систему подхода к изучению «*dramatis personae*». Исследуя работы В. Я. Проппа "Морфология сказки" [Пропп 1928] и "Исторические корни волшебной сказки" [Пропп 2000] отмечает, что впервые в них прозвучала и идея рассматривать персонаж как пучок функций. Однако автор статьи утверждает, что «диахроническая интерпретация единого сказочного сюжета, произведенная в «Исторических корнях волшебной сказки», привела к некоторой перестановке акцентов: главное внимание исследователя оказалось направленным на анализ того, как наследие мифа переосмысливается сказкой, как исконно мифологические персонажи трансформируются в персонажи сказочные» [Новик 2001: 122].

В волшебной сказке поступки совершаются не только людьми, но и животными и даже предметами. Каждый волшебный персонаж здесь одарен несколькими признаками: с одной стороны – это система поступков героя, а с другой система его состояния. В бытовых сказках же персонажами выступают мудрецы, влюбленные, верные или неверные, строптивые жены, разбойники и т.д.

Сказка о животных на уровне действующих лиц оказывается проще, чем волшебная или бытовая. Здесь в основном речь идет о двух действующих зооморфных героях (лицах) – трикстерах и их жертвах. Главные герои трикстерских циклов представлены обычными животными, казалось бы, маленькими и слабыми. Вопреки всему, они хитростью и смекалкой одерживают победу над хищниками гораздо более сильными. В животный эпос трикстерское начало попадает из мифов, хорошо в нем приживается и становится одним из главных атрибутов. В большинстве текстов рассказывается о проделках героев, о соперничестве между ними, где глупый остается обманутым.

Костюхин выделяет среди сказок о животных кроме комических сказок и своеобразные «волшебные» животные сказки, и «новеллистические» животные сказки, и «озорные» сказки, и анекдоты. Так обнаруживается, что в фольклорный животный эпос входят сказки, аналогичные бытовому, волшебному, анекдотам. Есть здесь и свои небылицы, свой «черный юмор» [Костюхин 1987: 79]. Стоит отметить, что в сказках различные животные персонажи ведут себя по-разному.

Каждый из них, пытаясь достичь своих целей, овладевает собственным набором действий. Исходя из своего состояния: голода или холода, жадности или скупости, а не от статуса, который они занимают, звери совершают те или иные поступки.

Рассмотрим возможные способы классификации анималистических сказочных персонажей. Для этого животных следует разделить на классы: домашних животных, диких, а также птиц. В.Я. Пропп в своей работе «Русская сказка» [Пропп 2011] выделяет шесть групп анималистических сказок:

- 1) сказки о диких животных;
- 2) сказки о диких и домашних животных;
- 3) сказки о человеке и диких животных;
- 4) сказки о домашних животных;
- 5) сказки о птицах, рыбах и др.;
- 6) сказки о прочих животных, растениях и др. [Пропп 2011: 272].

Указанную классификацию можно применить и к фольклорным произведениям данного жанра исследуемого этноса. Также следует выделить, что карачаево-балкарский животный эпос делится на сказки, где звери являются субъектом или основным объектом повествования. То есть бывают антропоцентрические и зооцентрические сказки о животных. В первом случае наряду с героями-животными присутствует человек («Лиса и мельник», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], сюжет обычно сосредоточен на нем, животные играют вспомогательную роль. В зооцентрических героями исключительно животные, либо же, если человек присутствует, он не является главным персонажем («Собака и вол», «Ненадёжный друг», «Козлёнок», «Баран и коза», «Лиса и перепёлка», «Лиса, медведь и волк», «Верблюд и лиса», «Как лиса перехитрила волка», «Белый ягнёнок», «Мышонок и колокольчик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. В данном исследовании особое внимание уделим зооцентрическим сказкам и подвергнем анализу их ключевые образы.

Необходимо отметить, что для выявления специфики сказок, построенных на фантастическом вымысле частым приемом становится персонификация (олицетворение), которая «заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, нередко даже человеческими: способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликами и т. д.» [Иванова 2010: 159]. Это определено экстралингвистическими факторами. Сказки воспринимают формы вымысла из первобытнообщинных представлений и понятий, так как тотемизм играл роль своеобразной формы религиозного осознания, т.е. связи человека с природой и подчиненности ей.

В психологии под персонификацией (олицетворением) понимается «наделение животных и растений, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, представление их в лицах» [КПС 1835: 241].

Так, в карачаево-балкарском фольклоре отображаются определенные стереотипы, в соответствии с которыми персонажи сказок о животных являются носителями типических черт. Следовательно, благодаря персонификации появляется возможность превращать животных в «людей». Сказочный мир наполняется существами, чувствующими и говорящими, думающими и поступающими как человек. «Изучая данный фольклор, мы понимаем, что эта сказочная жизнь животных отличается от действительной жизни повадками зверей. Здесь настолько убедительно обрисовываются персонажи, что только по ним можно определять характеры животных и любую подмену в сказочных сюжетах можно легко обнаружить. Здесь каждый образ приобретает субъективную разработку» [Гергокова 2016: 53].

Анализируя персонажи карачаево-балкарского животного эпоса, определим частотность их появления в приведенных выше анималистических сказках из

сборника «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], сопровождая их характеристиками, приписываемыми тому или иному животному и отражающими антропоморфные свойства:

Представим их в следующей таблице:

Персонаж – количество извлеченных сказок – частота участия в текстах – характеристики.

Лиса – 13 – 7 – хитрая, коварная, хищная, прожорливая;

волк – 13 – 4 – прожорливый, глупый, жадный, трусоватый;

баран – 13 – 3 – глупый, пугливый;

медведь – 13 – 2 – сильный, глупый, доверчивый;

верблюд – 13 – 1 – осторожный;

змея – 13 – 1 – коварная, подлая;

козел – 13 – 1 – умный, пугливый;

ёжик – 13 – 1 – трудолюбивый, умный, хитрый;

собака – 13 – 1 – верная;

вол – 13 – 1 – сильный, уверенный в себе;

перепелка – 13 – 1 – сообразительная;

козленок – 13 – 1 – отважный;

ягненок – 13 – 1 – сообразительный;

мышонок – 13 – 1 – наглый, неуступчивый, хитрый;

воробей – 13 – 1 – мудрый, пугливый, задиристый.

Первое место по частоте встречаемости в данных фольклорных текстах о животных занимает лиса. В исследуемом сборнике, она является главным персонажем в 7 текстах из 13. Следующие, часто упоминаемые животные – волк, баран, медведь, остальные встречаются только в единичных текстах.

Подсчеты сделаны на основе сборника «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], соответственно, приведенные здесь цифры воспроизводят использованный в ней сказочный материал (а не все множество карачаево-балкарских сказок о животных). Исходя из этого положения, все-таки можно констатировать, что в исследуемых текстах домашние и дикие звери могут встречаться вместе. «Многие из перечисленных анималистических образов являются синкретичными, ассоциируясь с несколькими характерологическими признаками. В то же время, образы разных животных соотносятся с одним и тем же эталоном, например, жадностью или глупостью, однако степень проявления эталонности у этих образов различна» [Широглазова 2015: 136].

Установив схему наблюдений к анималистическим сказкам, некоторые ученые выделили их неизменяемые элементы. Они определили, что главным фактом структурного анализа является мысль о том, что константными в сказках являются не герои, а исполняемые ими функции. Так, А.Н. Никифоров делил все персонажи на две категории: герой и вторичные персонажи. Также исследователь отметил, что у каждого персонажа наблюдаются лимитированные функции, в частности у героя и второстепенных персонажей [Никифоров 1938: 214]. Животных, встречающихся в текстах чаще, можно объединить в группу центральных персонажей. Во вторую группу, второстепенные, можно отнести всех остальных героев. Настоящий подход, позволил сделать ряд значимых наблюдений, которые дали возможность представить систему персонажей карачаево-балкарских сказок о животных.

Для классификации действующих лиц в карачаево-балкарской анималистической сказке можно употребить также пространственный принцип. Это пространство, которое является местом обитания разных животных и птиц. В данных анималистических текстах местом действий может быть лес, горы, яма, дорога, деревья, или же дом. Что касается пространственного измерения – дома, то здесь казалось бы, должны были обитать домашние животные – коза, баран, лошадь, но в сказочном пространстве все границы размыты. Например, лошадь, коза, козле-

нок или баран, будучи домашними животными, живут в лесу или уходят туда жить («Козлёнок», «Баран и коза») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. Лиса проникает в мельницу и начинает там жить («Лиса и мельник» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

В карачаево-балкарском животном эпосе распространенный сюжетный ход – испытания, результатом которых является счастливый конец. В данных фольклорных произведениях положительный герой преодолевает трудности и всегда достигает цели. Сюжет сказки характеризуется чередой эпизодов, объединенных по правилам драматического действия. События здесь сосредоточены вокруг одного персонажа. Например, в тексте «Мышонок и колокольчик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], главный герой, чтобы достичь желаемой цели, ходит от одного персонажа к другому и ищет путь к счастью. Для каждого героя это чувство индивидуально. Здесь эпизоды повторяются, события сосредоточены вокруг главного персонажа. Путем эмпирического анализа выявлено, что в таких сказках картины природы и быта сведены к минимуму, но и обрисовка персонажей не занимает много текстового пространства.

Исходя из подобных анализов, некоторые ученые считают, что постоянными в сказках являются лишь функции, выполняемые героями, а не сами герои, с чем не соглашается исследователь Е.С. Новик, утверждая, что один и тот же герой в разных сказках выполняет разные функции – положительные или отрицательные [Новик 2001: 123].

Например, в карачаево-балкарской сказке «Мудрый старик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003] Змея-вредительница хочет съесть дровосека, несмотря на то, что тот освободил ее из заточения. Противоположным по функциям является главная героиня сказки «Рыжая змея» [Свод карачаево-балкарского фольклора 2017: 708] змея-дарительница или помощница. Она своими советами помогает путнику вылечить хана и получить богатства. В этих фольклорных произведениях один и тот же персонаж – «змея» выполняет разные, бинарные по значению функции.

Как уже выявили, в анималистических сказках изучаемого этноса одной из традиционных и часто встречающихся персонажей с исследовательской точки зрения является лиса. Она – хитроумна и коварна. Анализируя ее характер, можно отметить модель поведения как триктерскую. Трикстерами в данных фольклорных произведениях могут быть как центральные, так и второстепенные персонажи.

Из-за своих уловок лисе удается доминировать над другими животными и даже людьми:

«– Ох, лучше не спрашивай, зайчик! Тяжело рассказывать.

Был я дружен с лисой, но она всегда обманывала меня и вот сделала так, что я ослеп» (сказал медведь) [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 26].

У нее хватает нахальства, чтобы второй-третий-четвертый раз обманывать одного и того же животного. Также ее устойчивым свойством является то, что она все время хвастается и задирает свой нос:

«Лиса, чтобы не делить с ними остатки масла, повторила свою хитрость. Она опять выбежала из пещеры, поговорила сама с собой и, как будто недовольная, вернулась и говорит:

– Ох, как надоел мне этот хан! Опять пришли слуги и просят, чтобы я теперь дала имя его новорожденному внуку.

– Иди и принеси нам что-нибудь поесть, — сказали ей волк и медведь.

Лиса ушла. Волк и медведь стали терпеливо ждать её.

Лиса тем временем добежала до дерева, на котором висел бурдюк, и доела масло. Бурдюк она надула воздухом, завязала его хорошенько и прибежала обратно» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 23].

Хищница своими вероломными и коварными проделками и двусмысленными советами, ставит других (чаще всего медведя и волка) в положения, приводящие

их к гибели. Например: в сказке «Ненадёжный друг» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], где действующие лица лиса, волк и конь, которые дружили и жили вместе. Когда же выпал снег и совсем не стало еды, лиса и волк решили съесть коня. Лиса придумала такую уловку, по которой, едой для всех должен был стать самый младший из трех. Вследствие ее вероломного плана волк погиб от удара коня копытом:

«Конь поднял своё левое копыто.

Лиса отказалась смотреть:

– Я плохо вижу, всё равно не разгляжу.

А волк подошёл совсем близко и начал разглядывать копыто. Тут конь ударил серого. Упал волк – и дух из него вон. А лиса вильнула хвостом и выскочила из пещеры» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 12].

Подобный сюжет прослеживается в сказке «Лиса, медведь и волк» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003] где жертвой лисы становится сначала волк, а потом медведь, который, поверив ей, съел оба своих глаза и упал в пропасть.

В сказках встречаются сюжеты, где хитрость и коварство лисы оборачиваются против нее самой. В тексте «Лиса и перепелка» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 12] рассказывается о том времени, когда хищница и птица дружили между собой, но как-то перепелка, подшутила над подругой и чуть не погубила лису, отправив ее к собакам. После перепелка вроде бы становится жертвой хитрости лисы, когда хищница схватила ее, но она обманом заставила ее разжать зубы. Как только та это сделала, перепелка упорхнула.

Сказка заканчивается так: «С тех пор кончилась дружба лисы с перепёлкой. И если рыжая увидит перепёлку, то старается непременно схватить её» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 21].

Таким образом, лиса в анималистических сказках карачаевцев и балкарцев оказывается, с одной стороны, хитрым и опасным персонажем (в чем и заключается ее коварство), с другой, она сама может быть жертвой других персонажей, которые способны ее одолеть, используя те же стратегии поведения: хитрость, обман, притворство и т.д. С этой точки зрения все герои животного эпоса равны, так как действуют по одной и той же схеме.

В некоторых сказках лиса все-таки, показывает себя с положительной стороны. Например: «Лиса и мельник» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], где она помогает бедному мельнику жениться на дочери хана и жить в довольстве.

В карачаево-балкарском животном эпосе могут встречаться два персонажа с одинаковым наименованием в пределах одной сказки, что может опровергнуть его уникальность. Обратимся к сказке «У лжеца короткий хвост» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 39], здесь встречаются несколько лис. Но только одна из них является главной героиней.

Следующий центральный персонаж изучаемых сказок – волк, который тоже может предстать в тексте со стаей волков, то есть этого зверя в одной сказке также может быть несколько. В отличие от лис, которые делятся на главных и второстепенных персонажей, волк не имеет какого-либо специального наименования, отличающего его от первого, и может фигурировать как стая волков. Например, в сказке: «Коза и баран» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003].

Волк у карачаевцев и балкарцев считался тотемным животным. «В фольклоре тюркских народов, в том числе тюркоязычных народов Северного Кавказа, мир людей и мир волков существуют параллельно и в то же время взаимосвязанно. Порой они пересекаются, создавая прецеденты кровного или молочного родства людей и волков» [Текеева 2012: 38]. В сказках о животных он, потеряв тотемность, представляется как глупый, доверчивый, кровожадный, но в то же время обманутый персонаж. Ведь при взаимодействии его с лисой, последняя оказыва-

ется победительницей. Встречаются сказки, где волка обманывают более слабые животные (коза, баран, верблюд, конь и т.д.).

В частности, хищник предстает носителем следующих качеств:

– глупость: «Я вот нащипал травы, не всё успел проглотить – она у меня во рту, – даже и её я хочу вернуть хозяйке. Я сейчас открою рот, а ты, волк, достань эту траву.

Верблюд широко раскрыл рот.

Только сунул глупый волк свою голову в рот верблюду, тот схватил его накрепко зубами.» («Верблюд и лиса» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 27]).

– трусость: «– А что это у тебя шевелится сзади? — спросил удивлённо серый волк.

– Пёс, мой телохранитель, он хочет съесть тебя, а мой хвостик не соглашается и отговаривает его, — сказал хитрый козлёнок.

– А что это у тебя на ногах? — указал волк на копыта.

– А это мои самобьющие дубинки, они защищают меня от врагов.

– А эти длинные, что у тебя на голове, для чего они? — показал волк на рога.

– Это мои саморежущие сабли, — ответил козлёнок.

– Ими я распарываю животы волкам, которые задерживают меня в пути.

Услышав такие слова, волк испугался и бросился бежать» («Козленок») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 15].

– ненасытность, прожорливость: «Прибегает сюда же голодный волк и тоже принимается рвать медведя. Стала лисица насмехаться над волком:

– Рви, рви медвежью кожу, и когда ты ещё доберёшься до мяса. А я вот лучшие кусочки ем!

Оскалился волк и зарычал:

– Довольно тебе есть, дай-ка и мне попробовать.

Уступила лисица волку своё место, отошла в сторону и стала ждать, когда волк начнет лакомиться медвежьим салом» («Как лиса перехитрила волка») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 26].

Среди почитаемых в далеком прошлом зверей у карачаевцев и балкарцев особое место принадлежит медведю. Однако в сказочных сюжетах медведь глуповат и туповат, в основном может быть жертвой обмана. Так, в сюжете сказки «Лиса, медведь и волк»: «Медведь снова поверил лисе. Он пришёл домой, выцарапал себе оба глаза и ослеп». [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 25].

Однако нередко и медведь, и волк благополучно используют трикстерскую модель поведения при взаимодействии с другими более слабыми персонажами.

Следующая группа – второстепенные персонажи. Она включает в себя большое количество разных животных (в исследуемых текстах): вол, собака, конь, козел, баран, перепелка, мышь и др. Эти герои не претендуют на главные роли, но в них тоже присутствует некая индивидуальность, наполняющая произведение каким-либо настроением. В большинстве случаев эти персонажи взаимодействуют между собой. Во взаимодействии же с главным героем (центральными персонажами) они, создают препятствия на его пути. В сказках второстепенные персонажи не всегда остаются побежденными («Козленок», «Баран и коза», «Верблюд и лиса» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]), как предполагается изначально. Интересно отметить то, что в сюжетах, где лиса взаимодействует с птицами, крылатые ее всегда одолевают ее («Лиса и перепелка» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

Конь, перепелка, ёжик в карачаево-балкарских сказках не только не поддаются попыткам лисы перехитрить их, но и сами, в итоге, обманывают хищницу так, что ей приходится уйти ни с чем. Встречаются в карачаево-балкарских сказках и зооморфные персонажи, которые разочаровались в людях, и считают их неблагодарными (конь, собака и др.)

В особый раздел можно выделить сюжеты, в которых животные взаимодействуют с человеком. Главными персонажами в анималистической сказке являются, бесспорно, животные. Тем не менее, в некоторых фольклорных произведениях данного жанра человеческие персонажи не только упомянуты в тексте, но также взаимодействуют с животными («Лиса и мельник», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]). «Появление в сказке персонажа-человека, особенно в доминирующей роли, снижает метафорическую образность анималистических стереотипов. Акцент переносится на особенности взаимоотношений между миром природы и миром людей, которые могут иметь как партнерский, так и антагонистический характер, причем этот характер по ходу повествования может меняться [Широглазова 2015: 134]. Основными животными, с которыми взаимодействует мельник, старик или хан в сказке, являются лиса, медведь, волк или птица. Человек может быть и союзником персонажа-животного. Они могут объединиться и обмануть какого-нибудь другого героя сказки («Лиса и мельник», «Мудрый старик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

Проведенный анализ показал, что рассмотренные персонажи в анималистических сказках позволяют выявить целый ряд стереотипных зооморфных образов, разыгрывающих разные роли. Предложенный в работе принцип классификации персонажей по степени их частотности участия в текстах показывает, какие модели поведения оказываются наиболее важными. Также, сопоставив самих героев с распространенными мнениями о них, можно обратить внимание на то, что в сказочных произведениях слабые персонажи могут предстать как победители, а лиса, совершая обман, чтобы напасть на своих жертв, сама занимает их место. Народ, заложив не увядающую художественную силу в сказки, выразил свою непреклонную, неистребимую волю к жизни, выносливость, бесстрашие и ясный разум.

Список источников

1. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: издательство «Наука», 1987. 271 с.
2. Гергокова Л.С. Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ (КВІНН Bulletin). 2016. 4 (31) С. 122–125.
3. «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» М.: «Редакция альманаха „Российский Архив“», 2003. 256 с.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Издательство «Лабиринт», 2000. 336 с.
6. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 122; 126.
7. Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Издательство «Лабиринт», 2011. 384 с.
8. Иванова Е. В. Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. Челябинский государственный университет, 2010. № 1. С. 159–162.
9. Краткий психологический словарь Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Издательство «Политиздат», 1985. 431 с.
10. Гергокова Л.С. Карачаево-балкарские сказки о животных: система образов, сюжетная типология // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 51–57.
11. Широглазова Н.С. Анималистические образы в удмуртских народных сказках о животных // Вопросы филологии и переводоведения. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2015. С. 131–137. С. 134.
12. Никифоров А.И. Жанры русской сказки // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М.Н. Покровского. 1938. Вып. 1. Т. 2. 244 с.
13. Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.

14. *Текеева Л.К.* Культ волка в традиционных представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 37–42. С. 38.

References

1. KOSTYUHIN E.A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa*. M.: izdatel'stvo «Nauka», 1987. 271 p.
2. GERGOKOVA L.S. *Tipy syuzhetov, postroenie motiva obmana v karachaevo balkarskih skazkah o zhivotnyh* [Types of plots, construction of a motive for deception in the Karachay-Balkarian animal tales] IN: Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). 2016. № 4 (31). P. 122–125.
3. «*Narodnye skazki balkarcev i karachaevcev*». M.: «Redakciya al'manaha „Rossijskij Arhiv“», 2003. 256 p.
4. PROPP V.YA. *Morfologiya skazki*. L.: Academia, 1928. 152 p
5. PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki*. M.: Izdatel'stvo «Labirint», 2000. 336 p.
6. NOVIK E.S. *Sistema personazhej russkoj volshebnoj skazki* [Russian fairy tale character system]. IN: *Struktura volshebnoj skazki*. M., 2001. P. 122; 126.
7. PROPP V.YA. *Russkaya skazka*. M.: Izdatel'stvo «Labirint», 2011. 384 p.
8. IVANOVA E.V. *Personifikaciya prirody v medijnom diskurse* [Personification of nature in media discourse]. IN: *Politicheskaya lingvistika*. Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2010. № 1. P. 159–162.
9. *Kratkij psihologicheskij slovar' Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo*. M.: Izdatel'stvo «Politizdat», 1985. 431 p.
10. GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh: sistema obrazov, syuzhetnaya tipologiya* [Karachay-Balkarian animal tales: system of images, plot typology]. IN: *Tipologiya i poetika tradicionnogo fol'klora narodov Severnogo Kavkaza*. Nal'chik, 2016. P. 51–57.
11. SHIROGLAZOVA N.S. *Animalisticheskie obrazy v udmurtskih narodnyh skazkah o zhivotnyh* [Animalistic images in Udmurt folk tales about animals]. IN: *Voprosy filologii i perevodovedeniya*. ChGPU im. I.Ya. Yakovleva, 2015. S. 131–137. P. 134.
12. NIKIFOROV A.I. *Zhanry russkoj skazki // Uch. zap. Leningr. gos. ped. in-ta im. M.N. Pokrovskogo*. 1938. Vyp. 1. T. 2. P. 244.
13. *Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora*. Tom 3. Karachaevo-balkarskaya skazka. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 990 p.
14. *TEKEEVA L.K. Kul't volka v tradicionnyh predstavleniyah tyurkoyazychnyh narodov Severnogo Kavkaza* [The cult of the wolf in the traditional views of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus]. IN: Vestnik permskogo universiteta. 2012. № 3 (20). S. 37–42. P. 38.

Информация об авторе

Л. С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science Philology, Senior researcher of the sector karachay-balkarian folklore sector

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-110-117

**МОТИВЫ ПОЭЗИИ
РУСЛАНА СЕМЕНОВА И НИКОЛАЯ РУБЦОВА**

К 50-летию со дня смерти Р. Семёнова

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1773-285X> – VJQ

© С.М. Алхасова, 2021

Аннотация. В данной статье впервые предпринята попытка сравнительного анализа поэтического творчества известных художников поэтического слова: кабардинского русскоязычного поэта Руслана Семёнова и русского поэта Николая Рубцова. Целью данной статьи является выявление схожих мотивов, линий пересечения в творческом мышлении и в отображении поэтической картины мира обоих поэтов. Дана общая характеристика творчества поэтов, теоретическое осмысление их наследия в свете тенденций настоящего времени. Отмечается, что двух поэтов объединяет многое, и жили они в одно застойное время советского периода: 70–80-е гг. XX века. В творчестве поэтов много сходных мотивов, например, мотив смерти. А также то, что оба поэта очень рано ушли из жизни. Осуществлен комплексный анализ отдельных стихотворений, найдены общие и схожие мотивы стихотворений двух художников слова сравнительно-сопоставительным методом.

В работе ставятся важные задачи, связанные с поэтическим творчеством, в том числе: выявление в содержании стилистических особенностей, а также в установлении общих и схожих поэтических приемов; определение некоторых поэтических принципов авторов, раскрытие их художественной индивидуальности и специфических особенностей поэзии. Исследование и анализ отдельных стихов данных авторов позволяет уточнить представления о картине мира поэтов и сделать некоторые важные выводы, а также обогатить историю становления и развития современной русской и кабардино-черкесской литературы.

Ключевые слова: поэтическое представление, мотив жизни и смерти, картина мира, матрица, поэтический талант художника

Для цитирования: Алхасова С.М. Мотивы поэзии Руслана Семёнова и Николая Рубцова. Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 110–117. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-110-117

Original article

**THE MOTIVES OF THE POETRY
OF RUSLAN SEMENOV AND NIKOLAI RUBTSOV**

On the 50th anniversary of the death of Semenov

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1773-285X> – VJQ

© S.M. Alkhasova, 2021

Abstract. This article is the first attempt to make a comparative analysis of the poetic creativity of famous artists of the poetic word: the Kabardian poet Ruslan Semenov and the Russian poet Nikolai Rubtsov. The purpose of this article is to identify the general and the particular, the lines of intersection in creative thinking and in displaying the poetic picture of the world of both poets. The general characteristic of the poets' creativity, the theoretical understanding of their heritage at the present time is given. The author notes that both poets have a lot in common, and they lived in the same stagnant time of the Soviet period: 70–80-ies. XX century. There are many similar motives in the work of poets, for example, the motive of death. And also the fact that both poets passed away very early. A comprehensive analysis of individual poems is carried out, common and similar motifs of poems by two artists of the word are found by a comparative-comparative method.

The paper sets important tasks related to poetic creativity, including: identifying stylistic features in the content, as well as establishing common and similar poetic techniques that allow them to be expressed by means of language; determining some poetic principles of the authors, revealing their artistic individuality and specific features of poetry. The study and analysis of individual poems of these authors allows us to clarify the ideas about the picture of the world of poets and make some important conclusions. And also to enrich the history of the formation and development of modern Russian and Kabardino-Circassian literature.

Keywords: poetic representation, motif of life and death, picture of the world, matrix, poetic talent of the artist

For citation: Alkhasova S. M. The Motives of the Poetry of Ruslan Semenov and Nikolai Rubtsov. Bulletin of the KBIGI. 2021. No. 3 (50): 110–117. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-110-117

Неслучаен интерес к поэтическому творчеству Руслана Семёнова и Николая Рубцова. В застойную советскую эпоху, за два десятка до кризисных явлений 90-х годов, в творчестве двух поэтов ярко отразились горечь и смятение души лирического героя. Трагическое мироощущение человека, прикованного к идеологии системы, его внутренних страданий как нельзя лучше прозвучали в их сочинениях. В связи с этим ставится задача расширить историко-культурный контекст изучения современного литературного процесса, обратив внимание на особенности творчества значимых поэтических фигур предперестроечной эпохи. Раскрываются некоторые стилистические особенности стихов и устанавливаются общие и схожие поэтические приемы, позволяющие выразить их средствами языка. Определяются некоторые поэтические принципы авторов. Рассматриваются вопросы художественной индивидуальности и специфических особенностей их поэзии. Уделяется особое внимание одной из заметных мотивов в стихах обоих поэтов – мотиву смерти. Понятно, что в небольшой статье невозможно охватить все вопросы, связанные с творчеством поэтов: настоящая статья задумана как попытка выявить некоторое внутреннее единство в оценке творчества Руслана Семёнова и Николая Рубцова в общих чертах, обратив внимание на отдельные детали. Представленные результаты сопоставительного анализа стихов позволят раскрыть представления о картине мира поэтов и сделать важные выводы.

Кабардинский поэт Руслан Семенов (1948–1985) издал за свою недолгую жизнь четыре сборника, в которых раскрылся яркий поэтический талант художника. В 1970 г. появился первый его сборник стихов: «Улица звёзд». Книга была светлой, в меру талантливой и свежей, предельно честной. Читатели сразу заметили талантливого поэта. Следом вышли в свет ещё три поэтические книги, одна из которых адресована маленьким читателям: «Крона» (1974 г.), «Стихи» (1973 г.), многочисленные публикации в газетах и журналах, коллективных сборниках «Рукопожатие» (1974 г.), «Свидание» (1976 г.), «Орбита» (1977 г.), «Перепутье» (1980 г.), «Ростки» (1982 г.), «День и труд» (1983), «Перепутье» (1984). Кроме того, им переведены с фольклорных оригиналов древние кабардино-черкесские изречения. Печатались в журналах «Ошшамахо», «Дон».

Критика отмечала философскую поэтическую манеру автора, его необыкновенно тонкое мироощущение. С 1974 года и до смерти поэта в 1985 году, не было ни одной публикации, ни одной критической статьи о творчестве поэта. Лишь после выхода посмертно в свет его сборника «Уроки совести» (1991 г.) появились статьи А. Мусукаева, А. Мусукаевой, Н. Шогенцуковой, С. Моттаевой, Дж. Ариповой, Ж. Семёновой, Ж. Аппаевой, И. Терехова и др.

Поэзия Руслана Семёнова с самого начала отличалась человечностью, искренностью, и глубиной чувства. В 2008 году вышла в свет книга «Руслан Семёнов. Пришел поклониться вам...». В неё вошли статьи и воспоминания о жизни и творчестве рано ушедшего из жизни одного из самых талантливых кабардинских поэтов Руслана Семёнова. В книгу также вошли его лирические произведения, избранные фрагменты из его дневников, заметок и переписки с друзьями. Статьи и воспоминания о жизни и творчестве поэта объединены главой: «Он в этот мир пришел поэтом». Ученый, писатель Адам Гутов в статье: «Стихи живы», пишет о поэте: «Однажды Руслан назвал поэзию *детством человеческой совести*. Ребёнок живет – как дышит, и представления о добре и зле у него чистые и непосредственные... Таким был и сам – по-детски доверчивый, улыбочивый, всегда открытый и добрый – как ребенок, только большой и сильный... Вот из глубин сознания его строки:

Мир стар и слеп,
Но как Гомер.
Мир сед и глух,
Но как Бетховен.

Каждая вторая строка до наоборот изменяет содержание предыдущей строки. Так могут писать только очень незаурядные люди» [Гутов 2008: 26].

В статье «Доверительная интонация» журналист и литературовед Мухаммед Хафицэ отмечает: «Жизнь Руслана Семёнова была коротка, творческий путь – ещё короче. Прошло двадцать с лишним лет, как не стало его, но мы все, пишущая братия Кабардино-Балкарии и далеко за её пределами, хорошо помним этого неумного, страстного, увлечённого стихотворца. Лично для меня прикосновение к его строкам было равносильно погружению в родную адыгскую историю, подобно скитанию по закоулкам своего детства, по улицам своей юности...» [Хафицэ 2008: 35].

В годовщину смерти поэта, в республиканской газете «Кабардино-Балкарская правда» 27 июля 1998 года Ахмат Мусукаев опубликовал две статьи о творчестве Руслана Семёнова: «Поэзия адыгской мысли» и «Путь к имени». В частности, А. Мусукаев пишет: «Семёнов сделал успешную попытку раскрыть гений своего народа, проникнуть внутрь этнической психологии адыгов, в глубину их философии духа. В каждом четверостишии чувствуется стремление понять сознание своих далеких предшественников, мотивацию их социально-политического и культурного поведения, ощутить их духовность и время:

Есть хлеб, и есть вода,
Любви и милосердия

Прошу как никогда
* * *

Если глянешь глубже,
Разглядишь и ты
В красоте досужей
Хищные шипы [Семёнов 1991:15].

* * *

Всем существом ребенка и поэта
Я так хочу гармонии и света!
Всей радостью восторга и любви
Я так хочу, чтоб вечно жили вы!
Чтоб обнимая родину и дали,
Как птицы после бури, ликовали!»

[Семёнов 1991:27].

Поэтические сборники Руслана Семёнова не пылятся на полках, а критикам ещё предстоит оценить его творчество.

Поэзия его проникнута светлой лёгкой грустью, романтикой. Она отличается непосредственностью чувств. С. Моттаева в статье: «Постигая уроки совести», вспоминает: «Кайсын Кулиев как-то в печати сказал о нём: «Я восхищаюсь тем, как он знает и тонко чувствует поэзию» [Моттаева 2019]. Время стремительно. Забирая в свой водоворот, оно всё же позволяет нам помнить тех, чьё слово и сердце неизменно принадлежат своему народу. Помнить всем тем, к кому обращена была его душа, чистая и окрашенная драматическими размышлениями.

Его поэзия проникнута чувственной и жертвенной любовью ко всему существу. Он обладал глубокой любовью к миру, который так неожиданно рано покинул.

В статье: «Жизнь, ушедшая, как вздох», Светлана Моттаева пишет: «Если бы меня спросили, что отличало Руслана от всех, я бы сказала: «Совестливость». Бескомпромиссный, он не умел благоденствовать. Был очень прямой, но в то же время скованный и застенчивый. Возникавшие препоны и конфликты не вызывали у него озлобления. Он был интеллигентен» В письме к А. Мусукаеву Р. Семёнов писал: «...и всё-таки я сделал для «подобных себе» всё, что мог. Я написал увесистую книгу. Мне на себе пришлось испытать то, что «истинный художник лишён гордости». Осмеянный и даже презираемый теми, кто рано стал понимать значение труда в жизни человека, я делал то, что считал нужным, я работал, я даже стал проповедником «религии труда», но вся моя беда оказалась в том, что я не кричал об этом повсюду. И я понял, как это тяжело – ходить среди людей и притворяться не убитым...» [Моттаева 2008]. Везде он оставался собою, не похожим на других, а значит – один. Его нередко посещали мысли о смерти и о Вечности.

Поэт мучительно ищет для себя ответы на вопросы, тем более, что его поколение к 70-м годам, как он выражается в собственных стихах, говоря о том, что о смерти и бессмертии не знает ровно ничего. Вот какие мысли его посещают:

Не смерти я боюсь, а мысли недоступно праздной

Что я так полон сил, и молод, и не трус:

Как жаль оставить мир.

И горечи напрасной в мои лета уж нет:

Но горечи боюсь [Семёнов 1991:113].

В другом, более позднем стихотворении, он осмысливает свою смерть иначе. Здесь уже нет того юношеского пыла, здесь рассуждает уже взрослый, зрелый художник, без излишнего пафоса:

Когда умру, Прошу не суетиться,

Живых цветов Прошу не омрачать.

Еще прошу – Вы дайте мне напиток

Из кружки алюминиевой.
Как знать, Быть может, сам я
В смерть свою поверю... [Семёнов 1991: 21].

Е.А. Куянцева замечает: «Так, как пишет о смерти Руслан Семенов, может писать лишь человек, которому приоткрылась высшая тайна бытия. Это стихотворение перекликается со знаменитым лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...» [Куянцева 2013: 39]. И еще более зрелое отношение к смерти, в котором поэт словно бы нашел наконец-то свою позицию по отношению к смерти, успокоился, и готов уже ко всему:

Смерть не больше, чем – «смерть не по мне».
Жизнь – не меньше девятого вала.
Дважды смерть приходила ко мне,
Только дома меня не застала [Семёнов 1991: 58].

Совершенно иное отношение к смерти у русского поэта Николая Рубцова (1936–1971):

Я умру в крещенские морозы*
Я умру, когда трещат березы
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!** [Рубцов 2012: 45].

Поэт с самого начала верит и верен смерти. Он принимает ее такую, какая она есть, и не сопротивляется, не борется с ней:

Да, умру я!
И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!
...Может быть,
Гробовщик толковый
Смастерит мне хороший гроб.
А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!
Жалкий след мой
Будет затопан
Башмаками других бродяг.
И останется всё,
Как было,
На Земле, не для всех родной...
Будет так же
Светить Светило
На заплёванный шар земной! [Рубцов 2012: 51].

Жизнь поэта мгновенна, и в то же время – она непрерывна и длительна: поэт живет и после смерти. Почему молодой автор так пронзительно писал о смер-

ти? Порой об этом он писал открыто, а чаще – мотивы жизни и смерти звучат глубинно. Где истоки его отношения к смерти? Образ «смерть» пожалуй, одно из самых таинственных, загадочных понятий в культурной традиции любого народа. Д. Тресиддер в «Словаре символов» поясняет: «Аллегорическое изображение смерти как окончательной действительности часто пугающее. Религиозный символизм изменяет образ смерти, предлагая возможность ее восприятия как неотъемлемой стадии существования личности, во время которой происходит вознесение к бессмертию» [Тресиддер 2001: 182]. У Х.Э. Керлота смерть «является источником жизни – и не только духовной жизни, но и источником возрождения материи» [Керлот 1994: 204]. В русской культурной традиции сложились две наиболее своеобразных линии осмысления этой универсальной категории: литературно-художественная и народная, фольклорная. Они «воплотили в себе оригинальность «русского мировидения, в котором отношения к смерти являются средоточием ценностей Бытия» [Гачев 1998: 41,76]. Мифологические образы смерти, отражающие разные эпохи религиозного сознания, сохранились в языковой памяти народа в виде древнейших суеверий и верований, воплотившихся в поговорках, пословицах, отдельных наименованиях. Жизнь и смерть в народных представлениях взаимообусловлены и существуют как разные уровни бытия. Центральной фигурой в мире мифологических существ является образ смерти, предстающий человеку в последние минуты жизни в облике женщины в белой одежде. Да, научные знания о мире открыли нам физиологию смерти, но так и не постигли ее сути.

Сам Рубцов в стихотворении «Я умру в крещенские морозы», говорит: «Я не верю вечности покоя»!

У каждого поэта свой путь. Не непокорность судьбе, а совпадение его внутреннего «я» с ней, чаще всего мы замечаем у Николая Рубцова. И стихи его, вторя судьбе, словно освобождаются от ее давления, и тогда исчезает противоречие между иллюзиями и реальностью, уходит сама иллюзия. В этом противоречии, возможно, и заключается таинство – причина страданий и несчастий поэта. Возьмём стихотворение «Гололедица». Гололедица – это его жизнь, это судьба поэта: жизнь, в которой трудно удержаться и легко споткнуться и упасть, разбиться насмерть:

В черной бездне Большая Медведица
 Так сверкает! Отрадно взглянуть.
 В звездном свете блестя, гололедица
 На земле обозначила путь.
 Только мне, кто любил,
 Тот не встретится,
 Я не знаю, куда повернуть,
 В тусклом свете блестя, гололедица
 Предо мной обозначила путь... [Рубцов 2012: 54].

Но осознание своего поэтического пути, как неизбежности и необходимости, единство с ним, принятие на себя ответственности за него, и Николай Рубцов, и Руслан Семенов подспудно чувствовали и принимали. Так складывается главное тождество двух творческих личностей, двух талантливых поэтов, преждевременно ушедших в мир иной. Ведь путь поэта – его призвание. А смерть поэта – свобода, осознанная необходимость. Поэты создали свой собственный Антимир, свою матрицу жизни и смерти. А знание о том, каковы будут действительные плоды их творений, знать им было, увы, не дано.

В этом, пожалуй, и заключаются основные выводы. А именно: представлении мотивов добра и зла, жизни и смерти в стихах кабардинского поэта Р. Семёнова

и русского поэта Н. Рубцова много общих мотивов. Однако стилистически и кардинально они различаются. Мотивы жизни и смерти в стихах обоих поэтов занимают центральное место, что позволяет им раздвинуть границы их поэтических представлений. Немаловажное место в творчестве обоих авторов занимают темы отношений поэта к окружающему миру, обществу. В этих темах раскрываются внутренние противоречия художников слова.

Анализ стихов, посвященных центральной теме в творчестве обоих поэтов – теме жизни и смерти, – позволил нам раскрыть некоторые особенности. Вот они: мотив жизни и смерти в стихах авторов имеет религиозную основу. 1. Ничего случайного в жизни нет, все, что происходит с поэтом, есть следствие внутренней борьбы; 2. каждая встреча поэта с природой, любым другим явлением чревата необходимостью выбирать между добром и злом, жизнью и смертью, оставляя яркий след в поэтическом творчестве; 3. мотив жизни и смерти в поэзии Руслана Семёнова и Николая Рубцова волей или неволей повлиял на их земной, тернистый путь, магическим и сакральным образом изменив их жизнь.

Список источников

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с. С. 41, 76.
2. Гутов Адам. Он в этот мир пришел поэтом. – Стихи живы // Руслан Семёнов. Пришел поклониться вам. Нальчик: Эльбрус, 2008. 400 с. С. 26.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Наследие, 1994. 268 с. С. 204.
4. Куйнцева Е.А. Фольклорная основа концепции смерти Р. Семёнова // Режим доступа: [http: cyberleninka.ru/Грнти...-smerti-poeta-r-semenova](http://cyberleninka.ru/Грнти...-smerti-poeta-r-semenova)
5. Николай Рубцов. Прощальная песня: Стихотворения. М.: Комсомольская правда НексМедиа, 2012. 238 с.
6. Руслан Семенов: Пришел поклониться вам. Нальчик: Эльбрус, 2008. 395, [1] с.
7. Руслан Семенов: Уроки совести. Нальчик: Эльбрус, 1991. 290 с.
8. Светлана Моттаева. Постигая уроки совести Руслана Семенова // «КБП», 23 августа 2019.
9. Светлана Моттаева. Жизнь, ушедшая, как вздох // Руслан Семёнов. Пришел поклониться вам. Нальчик: Эльбрус, 2008, с. 52.
10. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Прогресс, 2001. 280 с. С. 182.
11. Хафицэ М. Доверительная интонация // Руслан Семёнов. Пришел поклониться вам. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 35.

References

1. GACHEV G.D. *Nacionalnye obrazi mira: kurs lekcij*. M.: IN: [National images of the world: a course of lectures]. Academiya, 1998. 432 p. P. 41, 76.
2. GUTOV A.M. *Slovo I cultura*. IN: [Word and culture]. Nalchik, 2003. 160 p. P. 67.
3. KERLOT CH.E. *Slovar' simvolov*. IN: [Dictionary of symbols.]. M.: Nasledie, 1994. 268 p. P. 204.
4. KUYANCEVA E.A. *Folklorная osnova koncepcii smerti R. Semenova*. [Folklore basis of the concept of R. Semenov's death] // [http: cyberleninka.ru/Грнти...-smerti-poeta-r-semenova](http://cyberleninka.ru/Грнти...-smerti-poeta-r-semenova)
5. Nikolaj Rubchov: *Proshalnaya pesn'a: stihotvorenia*. IN: [A farewell song. Poems]. M: Komsomolskaya pravda // Neks Media, 2012. 238 p.
6. *Ruslan Semenov: Prishol poclonit'ca vam*. IN: [I came to bow to you]. Nalchik: Elbrus, 2008. 395, [1] p.
7. *Ruslan Semenov: Uroki sovesti*. IN: [Lessons of conscience]. Nalchik: Elbrus, 1991. 290 p.
8. Svetlana Mottaeva: *Postigaja uroky sovesti Ruslana Semenova*. IN: [Comprehending the Lessons of Ruslan Semenov's Conscience]. «КБП», 23.08.2019.

9. TRESSIDER D. *Slovar' simvolov*. IN: [Dictionary of symbols.]. М.: Progress, 2001. 280 p. P. 182.

Информация об авторе

С. М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S. M. Alkhasova – Doctor of Philology, leading researcher of the Kabardino-Circassian literature sector.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 03.07.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

* *Николай Рубцов и Руслан Семенов. Двух талантливых поэтов объединяет трагический конец жизни, внезапно оборванная по случайной нелепости, их безмерная одаренность, недосказанность, недопетость их песни... Они ушли, «не долюбив, не докурив последней сигареты». Жизнь Руслана Семенова оборвалась в 37 лет, Николая Рубцова – в 35 лет.*

Руслан Семенов умер 12 июля 1985 г.

***Крещенскими морозами в России называют резкое похолодание во второй декаде января каждого года, как раз перед праздником Крещения Господнего, который каждый год отмечается 19 января.*

*** *Николай Рубцов умер 19 января 1971 г., в 35 лет, в крещенские морозы. Он, как настоящий поэт, точно предвидел свою смерть.*

* *Nikolay Rubtsov and Ruslan Semenov. Two talented poets are united by the tragic end of life, suddenly cut short by accidental absurdity, their immeasurable giftedness, the understatement, the under-singing of their song... They left, "not having finished loving, not having finished the last cigarette." Ruslan Semenov's life was cut short at the age of 37, Nikolai Rubtsov – at the age of 35.*

Ruslan Semenov died on July 12, 1985.

** *Epiphany frosts in Russia are called a sharp cold snap in the second decade of January every year, just before the feast of the Epiphany, which is celebrated every year on January 19.*

*** *Nikolai Rubtsov died on January 19, 1971, at the age of 35, in Epiphany frosts. He, like a real poet, accurately foresaw his death.*

Научная статья

УДК 82-31

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128

**ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
ГЕРОЕВ ЭПОПЕЙНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
(РОМАН З. ТОЛГУРОВА «БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»)**

Асият Даутовна Болатова (Атабиева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© А.Д. Болатова (Атабиева), 2021

Аннотация. В статье анализируется комплекс актуальных литературоведческих вопросов, касающихся концепции героя в эпическом тексте, становления характеров в сопряжении с историей государства и судьбой народа, определения их типических черт, темы социальных взаимоотношений, самоидентификации личности. Подчеркивается своеобразие романного мышления и специфическая система понятий в пределах выделенной проблематики (принцип историзма, монументальность, эпохальность, народность). Личностное самоопределение героев, трансформация сознания под влиянием различных факторов (межклассовых противоречий, идеологического давления, трагических последствий Гражданской войны и революционных преобразований) разъясняются в контексте романа «Большая медведица» балкарского прозаика З. Толгурова. Идеино-содержательные акценты произведения направлены на последовательное раскрытие процесса адаптации личности к условиям стихийно меняющейся действительности, выбора социальной роли в моделируемых писателем обстоятельствах. Стремление писателя обойти выраженный догматизм литературы советского периода, идеологизированность в обрисовке героев в пользу укрупненной подачи их психологии позволяет добиться максимальной реалистичности, соответствия изображаемому времени. В ходе исследования определяются эффективные художественные механизмы, посредством которых раскрываются причинно-следственные связи социально-политических явлений. Художественный масштаб, сложная композиционная структура романа-эпопеи вместили жизнь народную и события исторического значения, представив широкий срез эпохи, объективную оценку прошлого.

Ключевые слова: роман-эпопея, личностное самоопределение, факты исторического значения, народность, психологизм

Для цитирования: Болатова (Атабиева) А.Д. Личностное самоопределение героев эпической повествования (Роман З. Толгурова «Большая медведица»). Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 118–128. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128

Original article

**PERSONAL SELF-DETERMINATION
OF THE HEROES OF THE EPIC NARRATIVE
(Z. TOLGUROV'S NOVEL "THE BIG DIPPER")**

Asiyat D. Bolatova (Atabieva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

© A.D. Bolatova (Atabieva), 2021

Abstract. The article analyzes a complex of topical literary issues concerning the concept of a hero in an epic text, the formation of characters in conjunction with the history

of the state and the fate of the people, the definition of their typical features, the topic of social relationships, self-identification of the individual. The author emphasizes the originality of novel thinking and a specific system of concepts within the selected problematic (the principle of historicism, monumentality, epochality, nationality). The personal self-determination of the heroes, the transformation of consciousness under the influence of various factors (inter-class contradictions, ideological pressure, the tragic consequences of the Civil War and revolutionary transformations) are explained in the context of the novel "The Big Dipper" by the Balkar prose writer Z. Tolgurova. The ideological and content accents of the work are aimed at the consistent disclosure of the process of adaptation of the individual to the conditions of a spontaneously changing reality, the choice of a social role in the circumstances modeled by the writer. The writer's desire to circumvent the pronounced dogmatism of the literature of the Soviet period, ideologization in the portrayal of heroes in favor of an enlarged presentation of their psychology allows us to achieve maximum realism, compliance with the depicted time. In the course of the research, effective artistic mechanisms are determined, through which the cause-and-effect relationships of socio-political phenomena are revealed. The artistic scale, the complex compositional structure of the epic novel contained folk life and events of historical significance, presenting a wide cross-section of the era, an objective assessment of the past.

Keywords: epic novel, personal self-determination, facts of historical significance, nationality, psychologism

For citation: Personal self-determination of the heroes of the epic narrative (Z. Tolgurov's novel "The big dipper"). *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 118–128. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128

Литературный процесс 1980–90-х годов отмечен художественными достижениями балкарской прозы, когда усилиями писателей-эпиков, закладывалась основа для становления самого крупного жанра – романа-эпопеи. Одним из первопроходцев на пути создания произведений подобного рода стал З.Х. Толгуров, публикация его романа «Большая медведица» (1982) явилась знаковым событием. Плод многолетнего труда писателя, пример масштабного эпического мышления нового уровня – многоплановое художественное полотно, вместившее народную жизнь на фоне глобального кризиса периода революции и Гражданской войны. Социально-политическая острота произведения не теряет актуальности и в наши дни, поскольку в нем анализируются факторы, обусловившие социальные, идеологические и межличностные конфликты.

Роман как ведущая форма литературы и эпопея как результат осмысленного отражения исторических событий, реконструкции эпох являются свидетельством зрелости писателей, эволюции художественного творчества и национальной литературы в целом. Определяющие оценочные признаки эпопеи (историзм, монументальность содержания, эпохальность, народность), художественные параметры романа нового типа, и в целом эпическое творчество балкарского прозаика нуждаются в более глубоком литературоведческом рассмотрении с развернутым обсуждением глубинных смыслов произведений. Главной же целью данной работы является осмысление процессов, обуславливающих социально-нравственное самоопределение героев в эпопейном повествовании на материале указанного романа.

Произведение З. Толгурова объединяет в себе основополагающие черты романной формы и эпопеи, в толковании эпического текста немаловажен принцип историзма. Глубокое понимание исторических закономерностей определило своеобразие всего эпического творчества писателя. В «Большой медведице» достигается высокая степень объективизации действительности, соответствие историческому моменту наблюдается в максимальной приближенности содержания к реалиям изображаемого времени. Художник нацелен на выявление психологических трансформаций, явившихся следствием стихийно меняющейся реальности, иллюстрацию истинной подоплеку событий, судеб людей, втянутых в политико-идеологические реформы. Человеческие биографии вбирают процесс духовного роста и становления личности в условиях драматических событий. «Действитель-

ность в произведении подается в авторской интерпретации. З. Толгуров берет на себя задачу: проследить духовное развитие персонажей, многоаспектно раскрывая факты исторического значения в ракурсе межличностных отношений» [Болатова 2019: 145]. Это не просто энциклопедический охват народной жизни (как обязательное условие эпохальности произведения) или определенный временной срез, роман охватывает громадный исторический период, когда происходила смена форм общественного устройства.

Следует подчеркнуть, что балкарский прозаик не придерживается установленных схем, довлеющих над художественным творчеством в период создания романа, им нацупывается актуальная проблематика, характеризующая конкретный исторический период и место человека в нем. Важнейшей доминантой в оценке характера эпохи, специфики народной жизни в целом стала тема социальных противоречий. Она обостряется по мере приближения к логической развязке борьбы полярных мировоззрений. Разлад в обществе, вызвавший личные драмы героев, является центральной линией романного сюжета, что в целом соответствовало духу времени. В эпопее нашли отражение тяжелые процессы «обновления» общества. Ранее горская община была разделена по сословно-иерархическому принципу, в период установления гегемонии советской власти наблюдается обезличивание социальных слоев населения. З. Толгуров моделирует новую художественную реальность, основываясь на исторической подлинности, с темой революции сбрасывается идеологический покров, обнажив истинное положение вещей.

Литература исследуемого периода подвергалась серьезной цензурной правке, антагонизм социальных слоев и сфера идеологии превалировали над художественностью. Человек выступал носителем классового признака с соответствующими типическими чертами. Национальные авторы в большинстве своем шли по пути обобщающей идеализации образа борца, определяя его ведущее положение в ходе сюжета. Учитывая, что в социалистической литературе главным критерием оценки персонажа являлась «классовость», ею отрицалась сама необходимость стержневого героя. «В той системе мышления, которая долгое время казалась нам бесспорной и устойчивой, центральной была идея об исторической значительности Октябрьской революции: она определяла специфику художественной матрицы советской культуры. Мысль о том, что небывалый по размаху масштаб исторического переворота в России сам по себе трансформирует художественную систему, рождает новую иерархию художественных ценностей, казалась естественной. И то, что путь нового общества должен сопровождаться рождением небывало крупных художественных форм, соответствующих ей по масштабу (например, роман-эпопея), тоже казалось естественным» [Белая 1998].

Автор «Большой медведицы» сумел обойти безальтернативный подход, избежать нарочитой пропаганды коммунистического мышления. Если ранее идеологизированность художественного творчества и выраженный догматизм искажали реальность, то произведения, подобные роману З. Толгурова, были нетипичным явлением на фоне имеющегося материала прозы. «Подвижная стихия романа», высокая степень объективизации и «художественного освоения мира» [Кожин 1963: 437], стремление претворить жизненный материал в эпическую форму позволяют автору приблизиться к «смене ценностей в литературной парадигме». В данном случае идеология («советская» и «антисоветская») выражена не с целью декларации ведущих принципов, но чтобы показать внутренние колебания людей в момент определения собственной роли в происходящем, подчеркнуть ценность каждого человека.

Анализируемое произведение характеризуется последовательным раскрытием психологии действующих лиц, развернутой многолинейной композицией, панорамным повествованием. Писатель мыслит в духе времени, но вместе с тем, свободен от тенденциозности, предпочтение категории исторического в произведении перевешивает долю художественного вымысла. Персонажи строятся не на

эпическом преувеличении, их душевные движения, подлинность чувств и эмоций всегда в приоритете. В условиях драматических изломов истории вопрос личностного самоопределения героев встает наиболее остро. Радикализм противоборствующих сил погрузил мир в атмосферу зыбкости и неясности, многие черпали духовные силы в мудрости народной.

Для писателя важна была осмысленная подача, объективная оценка исторической действительности с использованием романной техники, ресурсов эпического жанра. Историческая хроника с привлечением документов, архивных данных, панорам сражений, масса деталей и подробностей бытового характера создают необходимый повествовательный фон. Бытописание сельской жизни также имеет свои преимущества в передаче национального колорита. Этот эффект усиливается активным внедрением идиоматических выражений, фразеологических оборотов, диалектизмов, пословиц и поговорок, они щедро рассыпаны по всему тексту, подчеркивая смысловое наполнение образа. Писатель сохраняет этнический колорит, речевые контрасты, специфические обороты, языковые особенности, которые являются прямым указанием на социальное положение персонажей, либо используются для обозначения антагонистических сил («акъмангылайла», «къзыл къашхала», «бальчебикле», «бласт», «кямисар», «от тил байракъ», «аманчабырла», «акъсюе-кле», «къара халкъ», «къаратабанла»). Поскольку классовая семантика была определяющей в оценке персонажей, практика внедрения идеологической лексики наблюдается в четко определяющихся оппозициях («красные» и «белые»). В языке романа в равной мере задействованы эпическое и лирическое начала, особым функционалом наделена монологическая речь, способствующая конкретизации образов, сама идейная основа книги прочитывается в пространных размышлениях героев. Невыдуманные истории, фактическая достоверность описываемых событий, бытовые подробности и физически осязаемое проявление чувств персонажей позволили автору в полной мере реализовать творческий замысел.

Роман Толгунова имеет колоссальное социально-философское значение в понимании важных процессов, происходящих в жизни страны, этноса и каждого человека. «Большую Медведицу» со всей убежденностью можно назвать народной эпопеей, поскольку в ней охвачены различные типы сознания, особенности мировосприятия людей разных классов, мировоззрений и убеждений. Писатель размышляет об истинной роли человека, его месте в истории, дает исчерпывающие разъяснения и комментарии к описываемым событиям через мировосприятие представителей разных формаций и прослоек общества.

XX век явился эпохой тяжелых испытаний для народа и всей страны, люди оказались затянuty в процесс революционных преобразований, попав в тиски двух войн (Первой мировой и Гражданской). В изображении самой войны художника интересует восприятие включенных в этот процесс людей. Толгунов отразил растерянность народа в момент крушения привычного уклада жизни. Общество разделилось на два непримиримых лагеря, враждующие стороны перетягивали в свои ряды как можно больше последователей, лишь немногие были способны идти своим путем. Таков главный герой романа – Казак, он представляет собой собирательный образ, в котором емко отражен национальный характер. Судьба отдельного человека тесно переплетена с судьбой народа и неминуемо вовлечена в перипетии исторических катаклизмов.

Произведение Толгунова транслирует неоднозначность восприятия событий октябрьской революции. Диалектика времени выражается посредством комплексной подачи неоднозначных явлений и обстоятельств, обрисовки образов героев с полярными взглядами и мотивацией. Тревожное предреволюционное время, тенденция расшатывания этнических устоев, противоречивость происходящего рождают в сердцах людей страх, неопределенность, отрицание и тягостное принятие реальности. Персонажи романа включены в контекст эпохи, изображены на пике

претворения в жизнь политических реформ. Этими обстоятельствами обусловлены изменения в духовном облике людей, которые воспринимаются как результат внешних воздействий. Народ (в силу отлаженного веками жизненного уклада) не мог с легкостью принять кардинальные трансформации, повлекшие за собой драматические последствия. Условия существования бедноты и зажиточной части населения контрастировали, и, вместе с тем, принимались как данность. Факторами, объединяющими сельскую общину, являлись родовые связи, вековые обычаи, основы вероисповедания, моральные устои. Гражданская война стала всенародной трагедией, однако и эти испытания не смогли искоренить духовную составляющую этноса.

Изначально идеи установления нового социалистического общества подвергались сомнению в народной среде. Люди не знали, что несет советская власть, к ней не было особого доверия, никто не желал войны. Именно поэтому происходящие изменения часто сравниваются с природной стихией (сходом сели). Конфликт интересов, столкновение мировоззренческих установок приводит к открытому противостоянию. Писатель объясняет пассивность и нерешительность большинства тем, что в этой среде сильно влияние традиций, придерживание адатов не позволяло людям думать о собственном благе, они приучены поступать, как подобает, исходя из добрососедских отношений и того, что предписывают горские обычаи. Однако в ходе повествования отношение сельчан к революционным идеям меняется.

В фокусе авторского внимания находятся поведенческие особенности, душевные терзания человека, его чаяния и надежды. Толгуров предоставляет своим героям альтернативу выбора, который не ограничивается привычной схемой бинарных аппозиций «белое» и «черное», «плохое» и «хорошее». Критике и осуждению подвергаются действия людей, наделенных властью, уходящих в крайности в попытке одних (высшего сословия и зажиточных слоев населения) сохранить нажитое, других (в лице поборников революции) в стремлении любыми средствами установить гегемонию коммунистической идеологии. Обличение негативных сторон противостоящих сил подводит к правильной интерпретации исторической ситуации.

Писателем осмыслен истинный и ложный патриотизм на примере отдельных образов, затронута общенациональная тематика, проблема эволюции героя, получают раскрытие психология народа, его нравственные ориентиры. З. Толгуровым создана целая галерея запоминающихся, социально окрашенных образов: властолюбивые уздени, революционеры, представители духовенства и белого движения, батраки, свободные крестьяне, ушедшие на вольные хлеба абреки. Многоплановый эпический сюжет дает простор в трактовке индивидуальной позиции каждого героя, раскрытия его психологии. Писателем дается оценка типам социальных отношений, характерологический анализ действующих лиц романа (индивидуалисты, приспособляющиеся, идейные лидеры, борцы, воины, простые труженики) имеет социально-классовые истоки, он основан на мотивации и предопределяемых ею действиях. Трагическое столкновение людей в кризисных ситуациях провоцирует разные реакции, герои выбирают свою стезю сообразно тому, отзывается в их душе та или иная философия, либо вызывает внутреннее отторжение. Внешние впечатления способствуют напряженной мыслительной деятельности персонажей, радикально отличающихся по мироощущению.

Личностное самоопределение следует различать в социологическом и психологическом аспектах. Важно выявить механизмы, способствующие соотносению персонажей романа с социумом и идейной составляющей. В произведении получают отражение наиболее острые социально-нравственные, этические аспекты взаимоотношений людей, затрагивая сферы идеологических, мировоззренческих, межличностных коммуникаций. З. Толгуровым целостно представлен процесс духовного становления личности, постижения своего места в историческом процессе. Герои романа прорисованы детально и конкретно, их подлинность не вы-

зывает сомнений. Образы не имеют однозначной трактовки, так как оказываются способными на неожиданные поступки, в одном человеке могут проявляться диаметрально противоположные качества. И это очень важный момент. Генерализующей линией эпопейного повествования является самоидентификация человека на фоне событий эпохального значения.

Меняющаяся действительность требовала перестраивания сознания, ломки стереотипов. Герои сталкиваются с таким явлением как кризис становления. Наблюдается внутриличностный конфликт между какой-либо мыслью человека и отрицанием таковой, желаемым и возможностью его осуществления, адекватная самооценка, мотивация поступков, соблюдение нравственно-этических норм, процесс адаптации к условиям существования, нереализованность желаний и т.п. Противоречия наслаиваются на взаимоотрицающие цели, недостижимость баланса между ними создает конфронтацию чувств и переживаний в самом человеке, ощущение внутреннего разлада. Необходимость кардинальной переоценки жизненных установок меняет поведенческие стратегии. В результате активных действий и эмоционально-волевых усилий героя вырабатывается устойчивая невосприимчивость к чужому мнению, что дает возможность выхода из кризисного состояния, принятия верного решения. Этот замкнутый цикл способны пройти не все. В формате повествования «Большой медведицы» такой личностью является Казак. Писателем фиксируются поведенческие изменения, перестройка мышления в критических ситуациях, которые инициируют те или иные действия, становятся проявленными глубинные, зачастую скрытые свойства характера. Последовательная смена стадий перестраивания сознания, изменение вектора движения служат единой цели – формированию гармоничной личности с устойчивыми жизненными принципами.

Процесс выбора героем своей социальной роли осуществляется через включенность в изображаемые события, обозначив для себя определенные пределы и пространство для реализации собственных устремлений. Средства достижения жизненных целей у каждого героя свои, также и степень реализации личностного потенциала. Автор сосредоточен на такой проблеме, как обретение человеком свободы, сохранение внутренней целостности и гармонии, проявление воли – те внешне и социально обусловленные качества, которые характеризуют персонажа, именно на них указывают перечисляемые художником моменты.

Толгуров намеренно выстраивает повествование в форме дневника чувств, эмоций, мыслей, добиваясь тем самым глубокого психологизма. «Писатель применяет новый тип повествования в балкарской прозе, в котором реализуется принцип «потока сознания» и внутренний монолог. Эти два новых элемента в романе дают возможность сосредоточить внимание на глубинных процессах духовной и эмоциональной жизни человека» [Сарбашева 2001: 116]. В произведении осмыслена сопричастность судеб двух стержневых персонажей – Казака и Нуха. Благообразие отличает образ эфенди, неоднозначно его отношение к своему батраку, с одной стороны безродное происхождение Казака не позволяет рассматривать его как подходящего кандидата для дочери, с другой Нух возлагает на него большие надежды, ценит за преданность и трудолюбие. Процесс установления советской власти угрожал ему потерей нажитого годами имущества, сопутствующие события могли сыграть роковую роль в судьбе семьи. Казак казался хозяину надежным тылом, был необходим в беспокойное, шаткое время, чтобы уберечься от опасности. Поэтому сначала он приближает к себе Казака, затем без сожалений указывает на его место. Жизненная философия Нуха выражена в словах «Вол померет – мясо, воз сломается – дрова», при любом варианте развития событий он старается обернуть все в свою пользу. «Морская волна раскачивает даже корабль», «падающий с холма не выбирает, за что ухватиться», это означает, что следует приспособливаться. Породнившись с батраком, он не потеряет свой статус, но сохранит имущество и обезопасит семью. Эфенди всерьез рассматривает слугу как

возможный и выгодный вариант для замужества дочери, хотя его планам и не суждено было сбыться.

Казак терзался сомнениями, что позволяет хозяину обманывать себя увещаниями, что он для него как сын, и в очередной раз испытать унижительное положение слуги при дворе Нуха. Параллельно развивается сюжетная линия, повествующая о слепой любви героя к Саудат. Момент наивысшего духовного кризиса наступает в душе Казака, когда он вынужден оторваться от семьи хозяина.

В целом оба героя говорят об одном, только с разных позиций. Впечатляющей силой обладают монологи эфенди, в его восприятии мир подобен мельничным жерновам, одни довлеют сверху, другие теснят снизу. Те, кому удалось взобраться наверх, стремятся растолочь в муку находящихся ниже. Эти жернова крутит некая сила, однако на всякую силу найдется другая сила, такова жизнь («Дуния – тирмен чархы. Бирле – аны юсюнде, башхала – тьюбюнде. Башына чыкыгъан тьюбюндегин эзе – жашау олмуду? < > Ким не десе да, ол чархны артыкылыкь бурады, артыкылыкьны жалан да артыкылыкь тунчукьдурады») [Толгуров 1982: 137]. Нух размышлял над тем, как долго просуществует новая власть, но был уверен, что народ и его стихийную мощь не сумеют обуздать ни религия, ни вера в чьи-то слова, ни какая-либо идея. Герой ассоциирует себя с рекой, спешащей влиться в море, но теряющей самость. Пока река остается рекой, она свободно течет, влившись в море, ее путь прерывается, так же и человек, оторванный от своей земли, рискует кануть в небытие («Тенгизге къошулгъан черек – жеринден айырылгъан адам») [Толгуров 1982: 178]. Казак часто задумывается над тем, насколько люди слепы и не способны осознать очевидное, среди них всегда найдутся те, кто примет цветение деревьев за выпавший снег, каждый видит по-своему. Да и лошадь не находит верного направления, пока не оступится. Подвести всех под единые стандарты никому не удастся, только время расставит все по местам.

Точность автора в обрисовке социальных типов несомненна. Наиболее выпукло состояние растерянности раскрыто в образе Казака, который не был изначально носителем революционных убеждений, в этом ракурсе преподносятся другие образы (Аслан, Аскер, Каспот, Андрей и Сергей Кравцовы). На глазах читателя происходит постепенное перерождение героя, принятие им своей роли. Духовные искания персонажа бросают вызов времени. Оказавшись в бурном водовороте антагонистических идей, он не стремится противостоять какой-либо конкретной идеологической силе, но движим созидающим началом, желанием наладить гармоничные отношения с окружающими. Герой выражает недоверие и к «белым», и к «красным», он против братоубийственной войны. Для него очевидна нелогичность происходящего, равенство между людьми (изначально разными) невозможно в принципе. Мысли Казака, утратившего смысл собственного существования, овеяны грустью из-за недостижимости простого человеческого счастья, герой терзается сожалением об упущенных возможностях. Важным этапом в становлении его личности явился момент, когда Казак восстает против себя прежнего.

Выступая, прежде всего, за личностную свободу, он отрицает любое посягательство на человеческую жизнь и его право на выбор. Автор вкладывает в своего героя нравственную установку на гуманность, человеколюбие. Это не отвлеченные понятия, а возможность доказать самому себе собственную духовную состоятельность. Именно поэтому Казаку сложно обрести покой в сумятице исторических событий. Он страстно хочет разобраться в происходящем, не желая отстать от жизни, но и боится быть оторванным от этнических корней и традиций, народная память, хранящая вековой опыт поколений, служит ему опорой в сложное время. В герое сильны моральные устои предков, приверженность обычаям, однако по большому счету его поступки продиктованы желанием сохраниться как человек. Казака нельзя назвать идеалистом, вместе с тем герой не спешит осуждать других, проявляя снисходительность к человеческим слабостям и недостаткам, умеет

быть благодарным, ценит доброе отношение, позволяет себе и другим ошибаться при условии извлечения уроков на будущее.

В герое проявлена индивидуальность за видимой нерешительностью характера. Он представляется значительно выше (в духовном отношении) той среды, к которой отнесен по рождению и в которой ему довелось формироваться как личность. Сложность его внутреннего мира раскрывается в различных жизненных обстоятельствах, герой остается верен своим принципам, собственному пониманию справедливости, несмотря на осуждение со стороны окружающих. Понимание истинной подоплеки сложившихся социальных отношений рождает в душе Казака ответный протест. Взаимная настороженность, отсутствие доверия между людьми, разрыв с прошлым угнетают. В стремлении к звезде своего счастья, которую так и не удалось найти, героя терзают сомнения, ему мешает постоянное чувство неудовлетворенности собой. Процесс избавления от ложных взглядов, осознания реального положения вещей оказался нелегким и долгим. Писателю удалось показать качественный скачок героя от примитивно мыслящего, свыкшегося с бесправным положением батрака, прожившего большую часть жизни в услужении семье Нуха, до независимой, размышляющей, духовно возвышенной личности, готовой не задумываясь отдать жизнь за торжество истины.

Писателю важно было выразить его метания, сомнения, размышления о видимых трансформациях в устоявшейся веками сельской общине, окружающем мире и душах людей. Казак становится выразителем переменчивых настроений в народной среде в напряженные годы насаждения коммунизма на Кавказе. Его временное, обрывочное участие в революционных преобразованиях не дает основания относить данный персонаж к шаблонному образу революционера. Герой «Большой медведицы» позиционируется, прежде всего, как носитель гуманистических идей, созвучных воззрениям самого писателя (строить жизнь по совести, стремиться облагораживать души людей, оказывать нравственное воздействие на их умы). В нем заложен подлинный гуманизм, проявляющийся в довольно конкретных нравственно-этических установках, он ратует за справедливость без идеологического давления и религиозных догм. Насилие правящего класса и радикальные идеи революции одинаково неприемлемы для него. Казак отмечает все, что противоречит индивидуальным представлениям о справедливости. В противовес ему выступают герои, привыкшие навязывать свою волю и насаждать чуждые взгляды (властолюбцы Нух, Мамаш, Гергок и убежденные коммунисты Аслан, Андрей, Аскер).

Первые шаги революции сопровождались необдуманными действиями, за которыми следовала череда неудач. Читатель наблюдает, как люди растворяются в процессе борьбы, многое из того, что казалось правильным, оборачивалось ошибкой, влекло за собой разочарования. По большому счету «светлое будущее» неосуществимо, если каждый позиционирует себя правым, руководствуясь исключительно собственными интересами. В этом несоответствии заключается личностная драма Казака, ожидания и реальность входят в жесткое противоречие. Романтическим символом свободы и счастья героя становится созвездие Большой медведицы, звезда как воплощение судьбы и высоких устремлений, недостижимый образ человеческих желаний.

По мере того, как сгущается атмосфера классового неприятия, Казак сталкивается с представителями различных слоев, вникает в умонастроения людей, анализирует, наблюдает, соотносит их слова и поступки, расхождения же расценивает как недопустимые. Засилье собственнической позиции идет вразрез с его высокими идеалами и представлениями о духовности, философии созидания. Герой чувствует сильнее, действует безоглядно, порывисто, спонтанно.

Казак – во многом противоречивая фигура, потребность в постижении истины через нравственные искания, сомнения, искренние переживания – его определяющая черта. Меняющийся характер персонажа подчеркивает и усиливает

индивидуализацию образа. Поступки мотивируются в начале чувством долга, благодарности семье Нуха, любовью к его дочери Саудат, затем соображениями справедливости и чести, однако осознанный выбор пути достигается позже. Неоднозначное отношение героя к хозяевам жизни и к тем, кто взял на себя роль освободителей угнетенного народа приводит к раздвоенности сознания, Казак находится в противоречии с самим собой, в постоянном поиске своего предназначения. Запутанный жизненный путь, мучительные сомнения и невозможность применения личностных качеств в перезагружающемся, форматируемом мире выводят героя к правде после множества ошибочных действий. «Еще до рождения человека с горы срывается камень, которому суждено его раздавить – когда наступит, неясно, но еще до того, как человек встанет с колыбели, вода уже начинает омыwać дорогу, по которой он будет идти» («Адам туугунчу аны эзерик ташы таудан юзюлюп кьалады – кьачан жетер, адам бешикден кьопхунчу ол жүюрюк жолну суу талап башлайды») [Толгуров 1982: 183]. Таковы его выводы.

Неразрешимость межличностного конфликта провоцирует его продолжение и после смерти одного из героев. На протяжении многих лет Казак приходил на могилу Нуха. Значимым эпизодом романа является диалог уже постаревшего Казака и неприкаянного духа бывшего хозяина, который выявляет степень убежденности героя в верности принятых решений, смысле прожитой им жизни. Тем ли принципам он посвятил свою молодость, за то ли боролся. «Ты был одним из тех, кто проторил тропу. < > А тяжкое бремя вы продолжаете одинаково тянуть? Все еще у одного ярмо на шее, у двух других – змеем вьется плеть» («Сен илипин ишлегенледен болдунг < > Дорласынны уа барыгъыз да бирча терлеп тартамысыз? Энтда да биреуленде – боюенса, экеуленде – жилиялай, кьамичи») [Толгуров 1982: 176]. Слова эфенди отражают следующую мысль: как бы ни старался человек быть полезным людям, итог один – сильный понукает слабым, и добро будет забыто, и молодость сменится старостью, немощь одолеет. На что был ответ Казака: он счастлив тем, что поднимал меч ради истины, его грел огонь борьбы. Нух продолжает: «С топором пошли на лес – со словами дерева неравны, неодинаковы размахнулись. Там где рос чинар, и сейчас чинар растет, и куст остался кустарником. < > Корысть людская непобедима. В селе вашем есть волк, лиса и заяц» («Балта бла агъачха чапдыгъыз – терекле тенг туюндюле деп керилдигиз. Чинар ёсген жерде антда да чинар ёседи, кёкен да кёкенлей кьалды» < > Мюлкге зарлыкь ёчюлмеди. Элигизде бёрю, тюлюк, кьоян да бар») [Толгуров 1982: 177].

Читателю, наблюдающему за процессом активного поиска героем своего предназначения, может показаться, что Казак с легкостью меняет убеждения, однако это мнение в корне неверно, поскольку в нем сильно стремление к гармонизации себя и окружения, которое каждый раз сталкивается с противодействием. Нашупав определенное направление, он вновь понимает, что ошибался, что не все так радужно, что противоречия неизбежны. Будучи в стане абреков, он приходит к выводу, что нет иного пути, кроме как брести самому, пытаясь выжить. А народ, а родная земля? Нет ничего ценнее этих понятий, долг перед ними неоплатен («Туугъан жер – адамлагъа аш-суу берген, ёлгенлени жылтыхан, сауланы бирикдирген жер») / «Родина – дарующая людям пропитание, греющая умерших и объединяющая живых земля») [Толгуров 1982: 356]. Казак живет с верой в горское понятие о чести, считая, что нет ничего важнее, но появляется некая сила, которая перечеркивает обычаи, честь, веру в бога, стыд. Именно она становится причиной жестокости людей. Осмысление собственной судьбы вызывает в нем ассоциации – на протяжении всего повествования он сравнивает себя то с птицей, отлученной от своего гнезда, то с опавшим листом, гонимым ветром. Глядя на ночное небо и созвездие Большой медведицы (ключевой символический образ в романе) он ищет «свою звезду», но ее там нет, она погасла. Над человеком всегда что-нибудь довлеет: то собственный желудок, то семья, то окружение. Если вдуматься, в мире

нет никого, кто бы был абсолютно свободным, даже всемогущий Бог подчиняется своим обязательствам (различать праведников и грешников, следить за устройством мира), его потребность в поклонении тоже трактуется как зависимость.

Образ Казака многоаспектен, заложенный в нем потенциал так и не нашел адекватного применения, не раскрылся в полной мере. Духовно ориентированная личность, в которой активно проявлены эмотивная составляющая и размышляющее начало. Процесс адаптации к новым общественным и политическим условиям проходил болезненно, герой терял и вновь обретал. Жизненный путь персонажа вписывается в идею о том, что «человек не весь в человеке», он «идет к себе издалека» [Мамардашвили 1992: 155], особенно в ситуациях, когда искажения во внешнем мире приводят к разрушению внутренних источников гармонии. Характер Казака, сотканный из сомнений и противоречий, не соответствовал принятому в литературе образу убежденного идеологического борца. В стремлении вникнуть в суть происходящего, преодолеть сумятицу в мыслях и в собственной душе, он проявляет волю, отказываясь идти проторенной тропой. Роль ведомого, как бывало ранее, с течением времени становится неприемлемой, герой ищет свой вектор движения с твердым намерением перестроить жизнь на гуманных началах.

Казак не лишен классовости, не раз он сокрушался по поводу своего унижительного положения безродного батрака, однако необходимость примкнуть к тем или другим угнетает его не меньше, безразличие несвойственно его душе, поэтому сложно подстраиваться, он не может стать «своим» ни в одном стане. Подобные колебания продиктованы не бессилием, но осознанностью, конкретная жизненная ситуация не принимается им окончательно. Казак пытается не допустить разрыва связи со своими корнями, выбирая между категориями истинности и ложности, стремится сохранить человеческое достоинство, посвящает жизнь служению правде.

На протяжении всего повествования читатель не знает, на чью сторону в итоге встанет главный герой, однако автор медленно подводит своего персонажа к революционной борьбе, которая становится причиной убийства бывшего хозяина. Понимание необходимости этого поступка и сожаление о нем одинаково сильны в душе Казака. Он проходит путь от категоричного отрицания идей коммунизма до принятия их основного назначения – облегчить жизнь трудового народа. Перипетии жизненного пути толгуровского героя во многом схожи с примером Григория Мелехова из эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон». И тот, и другой в процессе усвоения тяжелых уроков судьбы обретают понимание причинно-следственной связи событий, явлений, обусловивших напряжение во взаимоотношениях людей. Они ищут свою правду и в этих метаниях бросаются в крайности, с одного идеологического берега на другой, чтобы соблюсти разумный баланс, им необходима твердая убежденность, осознанный выбор. Этим обстоятельством объясняется раздвоенность их личности. Только освободившись от прежних заблуждений и привязанностей, от гнета внешних побуждающих условий втягивания в противоборство сторон, они находят верное решение. В эпилоге романа Казак предстает как личность с уже сложившейся системой ценностей и устойчивым мировоззрением.

В романе «Большая медведица» «органически соединяются в некую целостность национальная действительность и национальная история» [Тхагазитов 2006: 276], что придает произведению балкарского писателя «эпическую самодостаточность». Читатель получает возможность разглядеть объективные обстоятельства в их субъективном преломлении, проследить длительный процесс формирования гармоничной либо деструктивной психологии, целостного мировидения, системы идей, понять отношение героев к реальности, поиск духовных ориентиров, определяющих гражданскую позицию. Персонажи З. Толгурова проходят все стадии личностного становления, корректируется ценностно-смысловая сфера деятельности человека, происходит его самоидентификация.

Список источников

1. Болатова (Атабиева) А.Д. Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр». 2019. 264 с.
2. Белая Г. «Фокусническое устранение реальности» (О понятии «роман-эпопея») // Вопросы литературы. Журнал критики и литературоведения. 1998. № 3. С. 170–201.
3. Кожин В.В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Советский писатель. 1963. 439 с.
4. Сарбашева А.М. Формирование историзма мышления и балкарский роман. Нальчик, 2001. 144 с.
5. Толгурланы З. Жетегейле (Большая медведица): Роман. Нальчик: Эльбрус, 1982. 428 с.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс». Издание 2-е. 1992. 418 с.
7. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). 2-е издание, переработанное и дополненное. Нальчик: Эльбрус. 2006. 280 с.

References

1. BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Printsip khudozhestvennoi uslovnosti v karachaevo-balkarskoi literature* [The principle of artistic convention in Karachay-Balkar literature]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr». 2019. 264 p.
2. BELAYA G. «Fokusnicheskoe ustranenie real'nosti» (O ponyatii «roman-epopeya») [“The conjuring elimination of reality” (About the concept of “epic novel”)] *Voprosy literatury. Zhurnal kritiki i literaturovedeniya*. 1998. № 3. P. 170–201.
3. KOZHINOV V.V. *Proiskhozhdienie romana. Teoretiko-istoricheskii ocherk* [The origin of the novel. Theoretical and historical essay]. M.: Sovetskii pisatel'. 1963. 439 p.
4. SARBASHEVA A.M. *Formirovanie istorizma myshleniya i balkarskii roman* [The formation of historicism of thinking and the Balkar novel]. Nal'chik, 2001. 144 p.
5. TOLGURLANY Z. *Zhetegeile (Bol'shaya medveditsa)* [The Big Dipper]. Roman. Nal'chik: El'brus, 1982. 428 p.
6. MAMARDASHVILI M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How do I understand philosophy]. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress». Izdanie 2-e, 1992. 418 p.
7. Tkhagazitov Yu.M. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov (opyt teoreticheskoi istorii: epos, literatura, roman)* [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs (the experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Nal'chik: El'brus. 2006. 280 p.

Информация об авторе

А.Д. Болатова (Атабиева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы

Information about the author

A.D. Bolatova (Atabieva) – Candidate of philological Science, Senior researcher of the sector of karachai-balkar literature

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-129-136

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ЭТИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМИРА МАКОЕВА

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, orcid.id 0000-0002-1290-6649

© М.А. Хакуашева, 2021

Аннотация. В статье представлен анализ двух произведений кабардинского русскоязычного писателя Амира Макоева – повесть «Натюрморт с чайкой» и рассказ «Следы на воде». В данных произведениях художественный конфликт построен на антагонизме двух начал – мужского и женского. Зримая диспропорция силы и выразительности в пользу женского не исчерпывается чисто гендерной коллизией. Подобное противоречие непосредственно экстраполируется за пределы гендера, таким образом актуализируется одно из самых сложных, драматичных, неразрешимых противоречий между природным и этическим (бессознательным и рациональным, хаосом и космосом, стихийным и разумным и т.д.). В рамках сравнительно молодой адыгской литературы столь смелое смещение акцентов в системе традиционных, строго регламентированных гендерных отношений следует воспринимать как безусловное новаторство. Можно отметить радикальную ломку прежней ролевой гендерной модели в современной национальной литературе, когда женщина после долгой экспозиции патриархальных отношений самостоятельно приблизила эру «нового матриархата», уже достаточно давно неофициально заявившего о себе в мировой культуре. В художественном дискурсе А. Макоева обнаруживается отражение ломки традиционной модели гендерных отношений, которая проявляется расширением и углублением социальной и экзистенциальной роли женщины («Следы на воде»), а также ее деформацией, обусловленной наступающей эпохой анархического капитализма в виде формирования потребительского интереса не столько в отношении потенциального партнера, сколько его финансового капитала.

Ключевые слова: национальная русскоязычная литература, традиционная культура, гендерные проблемы, трансформация, социальная роль, экзистенциальная роль, ломка национальной модели

Для цитирования: Хакуашева М.А. Особенности гендерных этико-социальных характеристик художественных произведений Амира Макоева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. № 3 (50). С. 129–136. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-129-136

Original article

FEATURES OF GENDER ETHICAL AND SOCIAL CHARACTERISTICS OF AMIR MAKOEV'S WORKS OF ART

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, orcid. id 0000.0002-6649

© М.А. Hakuasheva, 2021

Abstract. The article presents an analysis of two works of the Kabardian Russian-speaking writer Amir Makoev – the story «Still life with a seagull» and the story «Foot-

prints on the water». In these works by A. Makoev, the artistic conflict between masculine and feminine, the visible disproportion of its strength and expressiveness in favor of the feminine is not limited to purely gender artistic collision. Such a contradiction is directly extrapolated beyond gender, thus actualizing one of the most complex, dramatic, insoluble contradictions between the natural and the ethical (unconscious and rational, spontaneous and rational, etc.). Within the framework of young Adygeyan literature, such a bold shift in emphasis in the system of traditional, strictly regulated gender relations should be perceived as an unconditional innovation. One can note a radical breakdown of the former gender role model in modern national literature, when a woman, after a long exposure of patriarchal relations, independently brought closer the era of the «new matriarchy», which had already unofficially declared itself in world culture for a long time. A. Makoev's artistic discourse reflects the breakdown of the traditional model of gender relations, which is manifested by the expansion and deepening of the social and existential birth of a woman («Footprints on the Water»), as well as its deformation caused by the coming era of anarchic capitalism in the form of the formation of consumer interest not so much in relation to potential partner, how much of his financial capital.

Keywords: national Russian-language literature, traditional culture, gender problems, transformation, social role, existential role, breaking of the national model

For citation: Hakuasheva M.A. Features of gender ethical and social characteristics of Amir Makoev's works of art // *Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin*. 2021; 3 (50): 129–136. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-129-136

История молодой женщины, которая стала богатой и успешной, – архетипический «кочующий» сюжет, весьма распространенный в мировой литературе. Как один из самых ярких примеров, знакомых с детства. это образ Золушки; однако, выходя за рамки гендерного инварианта, этот мотив включает широкий спектр сюжетов необычного взлета фортуны, кажущегося случайным, но на самом деле закономерного. Начиная от фольклорного Ивана-дурака из русских (славянских) волшебных сказок, кончая романом «Великий Гэтсби» С. Фитцджеральда, – в основе этих литературных произведений лежит сюжетное «ядро» о том, как «обыкновенные» персонажи, открывающие в себе что-то необычное, благодаря собственным усилиям или по стечению обстоятельств оказываются «на вершине» жизни.

Эти сюжеты воплощают особую сказочную стратегию, не сводимую к стандартным постулатам практического разума, а опирающуюся на поиск собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу, но, в конечном счете, приносящих успех. Главные герои имеют некоторые черты трикстера: так, Иван, по определению «дурак», имеет внешние черты неудачника-аутсайдера, он – третий сын, который не имеет права на наследство, но неожиданно оказывается избранником судьбы. На самом деле имплицитно – за реальные добродетели – ум, находчивость, волю и т.д. За фольклорным сюжетом, в свою очередь, стоит магический ритуал инициации, в результате чего герой обретает весь магический арсенал необходимых качеств, который приводит его к вершине власти и успеха, любви и пр.

Любой из подобных архетипических сюжетов имеет свое конкретно-историческое художественное наполнение, превращая его в новое, актуальное для каждого последующего исторического отрезка. Типичными произведениями гендерной направленности можно назвать повесть «Натюрморт с чайкой» и рассказ «Следы на воде» современного кабардинского русскоязычного писателя Амира Макоева.

Действие повести происходит в небольшом приморском городке. Главная героиня в прошлом – танцовщица одного из баров, делает «удачную личную карьеру», выйдя замуж за пожилого владельца одного из самых доходных прибрежных отелей. Это обстоятельство позволяет ей не только разбогатеть, но выйти на более высокий социальный уровень. Недавно похоронив мужа, Лора, как и следует ожидать, отнюдь не безутешная вдова, однако эту роль ей приходится играть на публике. Свое положение она воспринимает как награду за два испорченных года, в течение которых ей приходилось ухаживать за тяжело больным старым мужем.

Однажды молодая женщина обнаруживает в одном из своих подсобных помещений фотолaborаторию, в которой работает молодой фотограф. Артур оказывается довольно способным мастером своего дела, Лора даже вспоминает заметку о том, что какой-то молодой фотограф выиграл фотоконкурс за работу «Натюрморт с чайкой». Артур обаятелен, но благодаря художественной детали (пустяковое замечание Лоры относительно его привычки постоянно откидывать волосы назад) автор заставляет внимательнее присмотреться к образу главного героя, его манерность и любовь к аффектации выдает человека с большими претензиями, амбициями.

Лора – типичная «девушки из народа», она прагматична и расчетлива, в любой ситуации ориентируется на собственный интерес, стремительно формирует свои цели и неизменно добивается их. В процессе постепенного погружения в художественное пространство личных отношений двух молодых людей проясняется недвусмысленная, далеко идущая игра Артура. Нет никаких указаний на то, что «второй» поклонник, Феликс, – автор эпистолярного жанра, и есть молодой фотограф. «Анонимные» любовные письма формируют романтическую атмосферу ожидания любви, располагают девушку к восприятию нового чувства. В письмах герой раздваивается в противоборстве несовместимых начал – морального, согласно которому является необходимым жить по высшим духовным законам, и конформного, требующего приспособляться к любой удобной ситуации, не гнушаясь сомнительными средствами. Описание этого противоборства, с одной стороны, – повод заинтриговать, расположить молодую женщину, с другой – совершенно правдивая исповедь хитроумного ловкого приспособленца. Таким образом, разыгрываемый фарс имеет отношение к реальности. «Другой же (под анонимом имеется ввиду персонификация конформного начала – М.Х.), обретя желанную свободу действий начал быстро и удобно устраиваться в жизни» [Макоев 2005: 186]. Однако фотограф – не только автор любовных писем, но и персонаж тщательно продуманного сценария постепенного присвоения кругленького состояния, оставленного умершим мужем Лоры. Главный герой, – тонкий проницательный наблюдатель и прекрасный знаток женской психологии, больше всего делает ставку на одиночестве молодой женщины и ее тайное ожидание «настоящей любви», обостренной в результате затянувшегося брака с нелюбимым старым мужем. Без труда усыпляя бдительность простой девушки, автор писем постепенно и незаметно для Лоры сокращает дистанцию: сначала он «стихийно» поселяется в подсобке, принадлежащей Лоре, «случайно» знакомится с молодой женщиной, «рассеянно» оставляет в мастерской фото, которые сделал несколько лет назад, когда сама Лора дебютировала в роли «охотницы», теперь эту непростую роль освоил он сам. Артуру, как видно, хватило ума и проницательности безошибочно рассчитать все ходы сценария этой брачной игры наперед, вплоть до ее скорого вдовства. «Анонимные» письма, накалив до нужного предела чувства молодой женщины, прекращают приходиться, – так же «внезапно», как когда-то начали появляться...

Так, реализуя один за другим этапы своего тщательно продуманного плана, герой вскоре превращается в ее «возлюбленного». Игра Артура не лишена артистического блеска, поэтому жертва все время остается слепа. Но читателю ясна подоплека этой продуманной тактики, основной целью которой является женитьба на молодой богатой вдове.

Так, один брак по расчету, сценарий которого оправдал себя, влечет за собой сценарий примерно такого же, но более тонко рассчитанного брака, с той лишь разницей, что обманутой оказывается недавняя обманщица. Сюжет по существу основывается на принципе «на всякого мудреца довольно простоты», то есть на каждого ловкача найдется другой еще более изощренный ловкач.

Если иметь ввиду сюжетную линию главного героя-авантюриста из рассказа «Натюрморт с чайкой» (которая дублирует авантюрную истории Лоры), то сход-

ная фабула также отражается во многих произведениях мировой литературы, отчасти – в одноименной пьесе А.Н. Островского, а также в юмористическом рассказе О. Генри «Развлечения современной деревни». Главный герой – процветающий фермер, приобщившийся к благам цивилизации, твердо уверен в том, что он неуязвим по части пронизательности и ума, и обмануть его никто не в состоянии, однако оказывается одураченным ловким жуликом Энди Таккером.

Другой пример – Джей Гэтсби, сказочно разбогатевший бутлегер, который лишь благодаря первой мировой войне попал в благоприятную среду. Возвышенность его экзистенциального образа больше всего обусловлена глубоким преданным чувством к Дейзи Бьюкенен, именно это неизбывное чувство любви, по сути, мотивировало процесс его стремительного обогащения. Имея фольклорную основу – сюжетную (мотив) и образную (герой) – общей литературной матрицы, главные литературные персонажи обнаруживают фольклорные признаки трикстера.

Художественный текст повести «Натюрморт с чайкой» композиционно выстроен на диалогах двух главных героев, пересказанных автором без включения прямой речи. Они зачастую забавны, – автор использует преимущественно юмор и мягкую иронию, но не сарказм. В авторской позиции сквозит понимание и даже сочувствие по отношению к главной героине. История личного обогащения российского постсоветского класса «новых» незатейлива и прямолинейна так же, как и нуворишей всех предыдущих эпох. Самооценка женщины, добившейся заветной цели, следует из внутреннего монолога: «...Никому так не завидуют, как ей, и прекрасно понимают, что с таким завещанием она только и мечтала скорее стать свободной. Пусть знают, как ей сейчас хорошо, она молода, красива и у нее есть все. Или почти все. Какой сокрушительный повод для зависти!» Однако торжество и радость молодой женщины слегка омрачается раскаянием и чувством растревоженной совести, которые она пытается заглушить: «Лора – единственная наследница всего состояния мужа, ее бедного мужа, да упокой Господь его душу. Долой, долой эти мысли, надо привыкать к новой жизни. Привлекательная танцовщица из бара добилась-таки своего. И хватит об этом» [Макоев 2005 а: 165].

Автор не судит, не обвиняет: таковы времена и нравы «нового» времени, и чтобы им соответствовать, требуется холодный трезвый ум, умеющий безошибочно просчитывать шаги на много ходов вперед для достижения личного успеха. Смыслом существования временщиков становится капитал, целью – его присвоение, – любой ценой. Объектом присвоения «охотника» становится практически все, в том числе любовь, привязанность, надежды, – простые человеческие «слабости», которые все еще имеются в арсенале человеческой природы. Жертвами «новой» хищнической философии сначала становится муж Лоры, увлекшийся молодой девушкой, а следом сама Лора, попавшая в ловушку, хитроумно расставленную ушлым фотографом... Но, следуя логике сюжета, Артур, в скором будущем – «счастливый» супруг и обладатель крупного состояния, должен стать очередной жертвой обмана при гипотетической встрече с умом еще более расчетливым и изощренным... И так без конца. Каков же современный тип человека, который в результате придет к власти во времена упрочения власти капитала? Выводы неутешительны, даже страшны. Для того, чтобы утвердиться в наступающем новом времени, в человеке все человеческое неминуемо должно исчезнуть...

Так универсальный «кочующий» сюжет оказывается злободневным и актуальным для конкретно-исторической эпохи постсоветского российского анархического капитализма.

Следует отметить, что название повести «Натюрморт с чайкой» удачно определяет композицию произведения: экспозиция и финал вписывают повествование в «рамочную» конструкцию так же, как художественное фото, которое главным героем-фотографом заключается в соответствующие рамки. Также реализуется читательское ожидание happy end злободневного сюжета, помещенного в рамки

современного авторского хронотопа. Такая творческая особенность, найденная автором, способствует реализации внутренних закономерностей индивидуально-художественного стиля.

Созвучный мотив художника и зрителя, автора и читателя вводится в повествование рассказа «Голос из бездны», который ведется от первого лица. Молодой писатель поглощен идеей своего будущего романа, который постепенно завладевает им, лишает сил, а впоследствии разрушает его. Автор отмечает несовместимость творческого процесса с противоречивыми требованиями внешней среды, приводящими к ощущению абсурда, с другой стороны – с личностью самого автора, который испытывает параноидальные чувства: «Упорядоченный в начале поток описываемых событий к середине превращался в хаос: сотни персонажей начинали жить самостоятельной жизнью, что не позволяло развивать сюжет по задуманному плану» [Макоев 1991: 108]. В финале у молодого романиста обнаруживаются признаки душевного заболевания, он сходит с ума.

Вторая, виртуальная реальность истинных произведений искусства (фотографии, картины, романы) обретает свою независимую жизнь и влияет на окружающих едва ли не больше эмпирической. Подобный мотив мы находим в творчестве А. Балкарова, в частности, в повести с красноречивым названием «Реквием по нарисованной жизни», в которой главная героиня под воздействием картины молодого художника испытывает радикальные внутренние трансформации, которые превращают ее в другую личность.

О.М. Абакарова находит литературные аллюзии с некоторыми персонажами из русской классики: «Художник, сходящий с ума – образ, достаточно распространенный в русской литературе. Достаточно вспомнить Чарткова из «Портрета» Н.В. Гоголя или Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова» [Абакарова 2005: 135]. Портрет Дориана Грея из одноименного романа О. Уайльда, превращаясь в его «alter ego», разрушает и сводит с ума главного героя.

Наиболее рельефно психология современной модели гендерных отношений проявилась в рассказе «Следы на воде» [Макоев 2005 б]. Достаточно простая сюжетная модель отнюдь не нова: неопытный юноша, ставший «жертвой» демонической inferнальной женщины. Так типичный сюжет, маркированный современным хронотопом и художественными деталями, обретает многомерность и новизну.

Протагонист играет роль некоего универсального фона, на котором проявляется образ главной героини, которая по мере развития повествования «обрастает» разными «слоями» – именами: сначала она представляется Луизой, затем выясняется, что ее имя – Жанна, бывшему однокурснику главного героя его соседка известна как Регина. В финальном письме возлюбленная подписывается Луиза-Жанна-Регина-Мария... Ни от одного имени, таким образом, она не отказывается. Сама девушка при встрече с безымянным героем меняет обличья так же легко и непринужденно, как свои имена, при этом она абсолютно органична в каждой роли и при любом имени.

Начало самостоятельного жизненного пути героя сопровождается кризисом, о котором сам он говорит как о типичном для недавнего выпускника ВУЗа (некоторые детали в описании главного героя обнаруживают сходство с биографией автора): «За год до этого я окончил институт и работал в одном неприглядном учреждении, имеющем отношение к мелиорации... Эта унизительная бессмысленность моей работы усиливала во мне депрессию, обыкновенно появляющуюся у мечтательных юношей в период вступления в самостоятельную жизнь» [Макоев 2005: 98].

Тоскливое, рутинное существование юноши отмечено ожиданием чуда любви. Собственно, он уже безнадежно влюблен в девушку, которую воспринимает как призрачный фантом, – столь бесконечно далека от его убогой реальности прекрасная незнакомка. Но девушка оказывается неожиданно инициативной и все

последующие события происходят не по его, а по ее сценарию, безусловно доминирующему.

В рассказе А. Макоева ролевая модель мужского-женского меняется местами и превращается в своеобразный «перевертыш», который следует прочитывать скорее как женское-мужское: «Еще вчера в кругу друзей ты мог похвастаться своими победами над женщинами и позабавить их начисто выдуманной тобой смешными историями о них, что возвышало тебя в собственных глазах и как мужчину, и как незаурядного сочинителя... Все это ты мог делать еще вчера, то есть до того момента, пока не заметил ее, обнаженную, в зеркале, не подозревая, что она уже с минуту стоит за твоей спиной и молча наблюдает. И ты ничего не мог понять, с этого момента ты стал как бы похожим на совершенную по форме стихотворную строку, абсолютно лишенную всякого смысла» [Макоев 2005б: 95]. Луиза-Жанна, оставаясь воплощением женственности, незаметно берет на себя мужскую роль, трансформируясь из объекта в субъект, тогда как герой-мужчина из субъекта превращается в объект для женского наблюдения и практического экспериментаторства. Однако героиня идет еще дальше, приобретая черты классического манипулятора, – она с самого начала знакомства определяет стратегию отношений, иницируя их начало, кульминацию и финал.

Герой – заурядный, предсказуемый, не лишенный, впрочем, творческого начала и углубленной саморефлексии, подается как воплощение кризисного исчерпавшего себя «рацио». Кажется неслучайной его анонимность, которая выглядит тем более контрастно на фоне образа героини, имеющей множество имен, которые все до одного ею воплощаются. Это не протейность, предполагающая стертость, размытость образа, а некое вдохновенное лицедейство, в процессе которого каждая роль проигрывается на уровне подлинной. И все-таки это всего лишь высококачественная игра, которая выстраивается в форме дерзкой авантюры.

Между тем в финале у читателя остается некоторое недоумение: может быть, вдохновенная игра героини и есть отражение настоящей жизни, игнорирующей всякие правила, обязательства, ветхую мораль... Может быть, подлинные проявления жизни – это вечное становление, сметающее любые рамки и ограничения, которые исключают какую бы то ни было условность? Женщина со множеством имен свободно владеет игрой на множестве регистров, их неисчерпаемость лишь смутно обозначена, будто пунктиром, тогда как ее спутник, втянутый ею в веселую любовную авантюру, – фигура статичная, игрок одного поля. Скорее, и не игрок вовсе, – то, что для Луизы-Жанны игра, для него глубокое чувство с трагическим исходом. Но героиню не трогает незавидная участь возлюбленного, – он очень скоро становится ей неинтересен в заведомом предстоящем проигрыше, – жизнь исключает тесные рамки одного измерения, единственно возможного для него, она безмерна, как женская сущность, и об этом хорошо знает Луиза-Жанна-Регина-Мария... Несоизмеримость масштабов двух главных персонажей предreshает «трагическую» участь главного героя, который не вызывает особого сочувствия не только у героини, начисто лишенной сентиментальности, но и у читателя...

Герой испытывает одиночество, от которого по его представлению может исцелить чувство любви. Однако он с горьким чувством вынужден признаться в ошибке.

Любовное противостояние двух героев носит экзистенциальный характер. Наряду с категорией призвания, дружбы у экзистенциалистов отдельно рассматривается любовь, которой в отличие от двух первых придается отрицательная коннотация: поскольку все экзистансы ассиметричны, они никогда не совпадают, экзистенциальная любовь всегда обречена, следствием является одиночество – одна из основных категорий экзистенциализма.

Ярко выраженная игровая поэтика (лицедейство героини, бесконечная смена имен и пр.) не позволяет рассматривать любовную интригу в целом как преддв-

рие серьезного чувства, оно так и остается любовной игрой; полное несоответствие масштаба личностей обоих героев закрывает перспективу развития чувства у молодой девушки.

На уровне онтологического осмысления художественного нарратива можно заключить, что рассказ – о кризисе рационального, который во многом обусловил глобальный культурологический интерес к женской проблеме в самом широком смысле. Образ главной героини рассказа «Следы на воде» – довольно распространенный типаж, однако он неизменно волнует неисчерпаемым художественным потенциалом.

В рамках современной адыгской литературы столь смелое смещение акцентов в системе традиционных и строго регламентированных гендерных отношений следует воспринимать как безусловное новаторство. На примере главной героини рассказа «Следы на воде» можно отметить радикальную ломку прежней ролевой гендерной модели в современной национальной литературе.

Художественное пространство рассказа А. Макоева, обозначенное универсальными маркерами, в частности, именами, представлено скорее российским русскоязычным топосом, в котором женское доминирование скорее норма, чем отклонение. Однако, учитывая этническую принадлежность автора, художественно манифестирующего противоположную гендерную модель по сравнению с присущей национальной (кавказской), трудно отрицать элементы «революционной» поэтики.

Исследование, проведенное в статье, привело к следующим выводам. В произведениях А. Макоева происходит значительное переосмысление «мужского» художественного нарратива, который в данном случае выступает не только как категория текстопостроения, но и смыслообразования. В художественном дискурсе А. Макоева находит отражение ломка традиционной модели гендерных отношений, которая проявляется расширением и углублением социальной и экзистенциальной роли женщины. Наряду с этим отмечается ролевая деформация, обусловленная наступающей эпохой анархического капитализма в виде формирования потребительского интереса не столько в отношении потенциального партнера, сколько его финансового капитала.

Список источников

1. Абакарова О.М. Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005. 154 с.
2. Макоев А.Л. Голос из бездны: Рассказ // Литературная Кабардино-Балкария. 1991. № 1. С. 102–112.
3. Макоев А.Л. Натюрморт с чайкой. Лунные мальчики. Нальчик: Эльбрус, 2005. 216 с.
4. Макоев А.Л. Следы на воде // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 4. С. 88–108.

References

1. АВАКАРОВА О.М. *Sovremennaya russkoyazychnaya proza Kabardino-Balkarii: poetika stilej i zhanrov* [Modern Russian-language prose of Kabardino-Balkaria: poetics of styles and genres]: diss. ... Candidate of Philology. sciences. Nalchik, 2005. 154 p.
2. МАКОЕВ А.Л. *Golos iz bezdny: Rasskaz* [Voice from the abyss: A story]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. Nalchik, 1991. N. 1. Pp. 102–112.
3. МАКОЕВ А.Л. *Natyurmort s chajkoj. Lunnye malchiki* [Still life with a seagull. Moon boys]. Nalchik: Elbrus, 2005. 216 p.
4. МАКОЕВ А.Л. *Sledy na vode* [Footprints on the water]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. 2005 b. N. 4 . P. 88–108.

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской филологии

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Philology, Leading researcher of the Kabardino-Circassian Philology sector

Статья поступила в редакцию 25.07.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.

The article was submitted 25.07.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-137-143

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ БЕТАЛА КУАШЕВА

Людмила Борисовна Хавжокова^{1✉}, *Фатимат Сафаровна Бейтуганова*²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

² Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ lyudmila-havzhokova.86@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

² beytfatima@gmail.ru

© Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова, 2021

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей поэтики лирических и лиро-эпических произведений Б. Куашева, одного из самых решительных реформаторов кабардинского стиха. Специфика художественной организации его стихотворений и поэм до настоящего времени не стала предметом отдельного изучения, чем обусловлено обращение к обозначенной проблеме. Данным фактом определена научная новизна представленной статьи. Актуальность исследования заключается в стремлении более обстоятельно изучить одну из интересных страниц истории адыгской (кабардино-черкесской) литературы, в частности – восполнить пробел в изучении поэтического наследия Б. Куашева с акцентированием внимания на художественном мастерстве и индивидуально-авторском стиле поэта. В ней впервые предпринимается попытка комплексного анализа поэтического языка указанного автора. В ходе исследования выявлены художественно-изобразительные средства и структурно-композиционные и стилистические приемы, свойственные произведениям Б. Куашева. В статье использован ряд научных методов, в том числе – сравнительно-типологический анализ (литературный, лингвистический), дескриптивный и герменевтический методы. Теоретическая база статьи включает труды северокавказских литературоведов, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы, релевантные для нашего исследования: очерки и статьи З.М. Налоева, Х.Г. Кармокова и др. Полученные результаты могут найти применение в изучении истории адыгской литературы, творческого наследия Б. Куашева, а также при проведении исследований в области национальной филологии, написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: кабардинская поэзия, Бетал Куашев, поэтика, стиль, стихотворение, поэма

Для цитирования: Хавжокова Л.Б., Бейтуганова Ф.С. О некоторых особенностях художественной организации поэтического текста в творчестве Бетала Куашева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. № 3(50). С. 137–143. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-137-143

Original article

ABOUT SOME FEATURES OF THE ARTISTIC ORGANIZATION OF THE POETIC TEXT IN CREATIVITY OF BETAL KUASHEV

Lyudmila B. Khavzhokova^{1✉}, *Fatimat S. Beytuganova*²

¹ Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

² Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center» Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

² beytfatima@gmail.ru

© L.B. Khavzhokova, F.S. Beytuganova, 2021

Abstract. The article is devoted to identifying the peculiarities of poetics of lyric and lyric-epic works of B. Kuashev. The specificity of the artistic organization of his poems and poems has not yet become the subject of a separate study, which initiated an appeal to the indicated problem. This fact determines the scientific novelty of the presented article. The relevance of the study is due to the need to restore the pages of the history of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature, in particular, to fill the gap in the study of the poetic heritage of B. Kuashev with an emphasis on the artistic skill and individual author's style of the poet. In it, for the first time, an attempt is made to comprehensively analyze the poetic language of the specified author. In the course of the study, the artistic and graphic means and structural-compositional and stylistic techniques inherent in the works of B. Kuashev were identified. The article uses a number of scientific methods, including analysis (literary, linguistic), description and hermeneutic methods. The theoretical basis of the article includes the works of North Caucasian literary critics, in which, to one degree or another, problems relevant to our research are touched upon: essays and articles by Z.M. Naloev, H.G. Karmokov and others. The results obtained can find application in the study of the history of the Adyghe literature, the creative heritage of B. Kuashev, as well as in research in the field of national philology, writing qualification and other types of research work.

Keywords: Kabardian poetry, Betal Kuashev, poetics, style, poem, poem

For citation: Khavzhokova L.B., Beytuganova F.S. About some features of the artistic organization of the poetic text in creativity of Betal Kuashev // Bulletin of the Institute for the Humanities Research. 2021; 3 (50): 137–143. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-137-143

Поэтику лирических и лиро-эпических произведений Б. Куашева, на наш взгляд, следует рассматривать как новое явление в истории адыгского поэтического искусства. Этим фактом обусловлена основная цель статьи – исследовать эстетику художественной организации стихотворений и поэм поэта.

В своей работе мы стремимся установить презентативность реформаторских нововведений Б.И. Куашева в контексте общей эволюции кабардинской поэзии, более всего – в части версификации.

З.М. Налоев писал, что «постоянные поиски, как в области идейно-тематической, так и в области поэтики, стали главным в творчестве Б. Куашева» [Налоев 1968: 262]. Отчетливее всего мастерство поэта проявилось во второй из указанных областей. Он ввел в национальную поэзию новаторские средства и приемы, которые впоследствии получили свое продолжение и были успешно реализованы поэтами последующих поколений. В его стихах и поэмах прослеживаются отпечатки оригинального этноспецифического образного мышления, выраженного богатым поэтическим языком.

В поэзии Б. Куашева в определенной степени произошло разрушение традиций адыгского фольклора, транслированных в профессиональную литературу через творчество поэтов старшего поколения – Б. Пачева, А. Шогенцукова, А. Кешокова и др. Это, как можно толковать, завершающий этап в преодолении устнопоэтических стереотипов в процессе формирования подлинно литературного стиля. Чаще всего это выражалось в опредмечивании абстрактных понятий, употреблении алогичных сравнений, чрезмерно частом использовании инверсионных оборотов и т.д. К примеру, в стихотворении «Волга» («Индъл», 1948) обнаруживаются все перечисленные и другие, не менее интересные новаторские, явления. В первой строфе поэт пишет:

*Щхэм кьитIэсуэ щытыгъакъым
Нобэ фIэкI, Индыл,
Уи инагъыр, си гугъакъым
Ухъуэ псым я пыл! [Куашев 1958: 66].*

В голове не укладывалось
До сегодняшнего дня, Волга,
Твое величие, не думал,
Что ты – слон всех рек.
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

В заключительной строке приведенного фрагмента содержится сравнение Волги со слоном. Здесь же имплицировано и другое, непосредственно коррелирующее с ним, сравнение – масштабы Волги, приравненные автором к огромным габаритам слона, установлены по отношению к другим рекам, т.е. Волга по сравнению с другими реками – есть слон. Возможно, при создании данного тропа поэт имплицированно провел аналогию с аллегорией из известной басни И.А. Крылова «Слон и Моська»: в образе слона – Волга, в образе Моськи – все другие реки мира, включая Нил, Ганг, Тигр, Евфрат и т.д.

В этом же стихотворении встречаются и другие необычные гиперболизированные сравнения. Реке Ганг, например, дается следующая характеристика:

*ЛэщIыгъуищэхэр зи тхыдэ,
Лъы нэпсхэм я шланг,
Индус нэщIхэр зыгъэшхыдэ,
Псы жагъуэиц ин Ганг [Куашев 1958: 66].*

[Река] с многовековой историей,
Шланг кровавых слез,
Заставляющий индусов гневаться,
Ненавистен огромный Ганг
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

Сравнения типа «ты – слон всех рек», «шланг кровавых слез» и многие им подобные необычные тропы, которыми пронизано все творчество Б. Куашева, стали новаторским, не в каждом случае одинаково удачным, трудным для восприятия феноменом в национальной литературе. Рассмотрим еще один пример. В поэме «Два Джона» («ДжонитI», 1948) темнокожий персонаж по имени Джон характеризуется как «*Джон-вындыжь*», «*негр фэ “вындыжь”*» «*Джон-вынд*» [Куашев 1958: 332, 334, 335, 360 и др.] – букв. «Джон-грач», «негр цвета “грача”», «Джон-ворон» (в переносном значении – «Джон-черный»). Одновременно автор подчеркивает, что характер и образ жизни Джона идут вразрез с цветом его кожи:

*Жинкъым Джон, и щIыфэр жэщми,
И дзэу и гур хужьщ,
Хабзэ фIыцIэм нэмыльэщми,
Ар сэлэт лыхъужьщ [Куашев 1958: 349].*

Джон – не злой джинн, несмотря на кожу [цвета] ночи,
Словно его зубы, белоснежно его сердце,
Пусть и не в силах противостоять черным законам,
[Но] он – отважный солдат.
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

В данном небольшом отрывке наблюдается жонглирование черно-белой палитрой художественно-изобразительных средств: «кожа-ночь / кожа [цвета] ночи», «белоснежное, словно зубы, сердце», «черные законы» и т.п.

Одна из отличительных особенностей поэтического языка Б. Куашева заключается в удачном использовании инверсионных оборотов. Известно, что «во многих языках с жестко фиксированным расположением слов инверсия – это лексическая ошибка» [Секреты и загадки синтаксиса...: эл. рес.]. В кабардино-черкесском языке порядок слов в предложении фиксированный и, как правило, выстраивается по схеме «подлежащее → дополнение → определение → обстоятельство → сказуемое». Однако в рассматриваемом поэтическом творчестве инверсия не только не искажает смысл текста и не нарушает ритмику, но и обеспечивает его благозвучие и верное (в соответствии с задумкой автора) интонационное воспроизведение. Более того, как верно заметил критик и литературовед Х.Г. Кармоков, «инверсия обогащает язык и расширяет диапазон его возможностей, открывает новые перспективы развития, становится более экспрессивным – наглядным примером является поэзия Б. Куашева» [Кармоков 1996: 291].

В кабардино-черкесском языке определительное слово, выраженное качественным прилагательным, располагается после определяемого слова. В поэзии Б. Куашева качественные прилагательные-эпитеты (определятельные слова) часто занимают первую (по отношению к определяемому слову) позицию. Такой прием используется автором для выделения того или иного свойства, признака характеризуемого объекта, предмета или явления. Например:

*Къыщыхуахъым из бокалыр,
Гуауэр Гэныхуащ* [Куашев 1958: 365].

Когда преподнесли ему наполненный бокал,
Отпустил горе.
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

Во многих случаях необходимость применения инверсии диктуется специфической метрико-рифмовочной организацией текста. При этом подобное целенаправленное нарушение порядка слов не снижает уровень художественности текста, а, напротив, подчеркивает его оригинальность. В следующем примере из поэмы «Нох» инверсия сохраняет стихотворный размер, которым написано все произведение:

*Большевикхэр, шэч хэлыжкъым,
Захуэ гъуэгу техъащ* [Куашев 1996: 266].

Большевики, нет уже в том сомнения,
На истинный путь вступили.
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

U U / – U / – U / – U
U U / – U / –

Как видно на схеме, фрагмент написан хореем (как и вся поэма). При прямом порядке слов – «*Большевикхэр, шэч хэлыжкъым, / Гъуэгу захуэ техъащ*» – «Большевики, нет уже в том сомнения, / На путь истинный вступили» – наблюдается разрушение размера:

U U / – U / – U / – U
U – U U –

При таком раскладе во второй строке выстраивается неоднозначная схема, которая может быть интерпретирована по-разному: 1) одна стопа ямба + неидентифицированная (по причине наличия пиррихия на одном из двух слогов) стопа + одна неполная стопа хорей; 2) две стопы амфибрахия (вторая стопа неполная). Таким образом, подтверждается значимая роль инверсии в определении размера стиха.

В следующем примере функция инверсии направлена на выстраивание и поддержание рифмы:

*Нэ пIацитIыр зэзэмызэ
Хуэмуэ зэтырех,
Къэхъум ицIыху цыхуэмызэ,
Малгъэр Нэху. Зэхех... [Куашев 1996: 267].*

Большие глаза время от времени
Медленно открывает,
Когда не встречается [взглядом] с кем-либо из знакомых,
Смотрит Нох. Слышит...
(Подстр. пер. – Л.Х., Ф.Б.).

В приведенной иллюстрации инверсионный оборот «*къэхъум ицIыху цыхуэмызэ*» (вместо «*ицIыху цыхуэмызэ къэхъум*») необходим для организации рифмы «*зэзэмызэ ↔ цыхуэмызэ*».

Таким образом, «на сегодняшний день в адыгской поэзии нет равных Б. Куашеву в применении рассмотренного приема. При этом поэт не только переставлял слова в предложении, нарушая законы синтаксиса, но и создавал уникальную ритмику» [Хавжокова, Бейтуганова 2020: 299].

В целом, поэтическое наследие Б. Куашева отличается и необычной структурой предложения с инверсиями, и богатой образной системой, которая, как отмечено многими исследователями и как подтверждается произведениями поэта, носит тавро индивидуального художественного мастерства и таланта их создателя. «Почерк Куашева (язык, образ), – писал Х.Г. Кармоков, – невозможно спутать с чем-либо другим, язык его поэзии узнаваем даже одной строкой – где бы ни встретили эту строку, можно догадаться о том, что это есть творение Куашева» [Кармоков 1996: 289].

Намного раньше авторскую маркированность стихов и поэм Б. Куашева отмечал исследователь его творчества З.М. Налоев: «Образы Куашева сильны тем, что они носят новаторский характер, который невозможно создать, не будучи <самим> Беталом Куашевым, – писал он. – Такие оригинальные образы свойственны творчеству лишь высокопрофессиональных художников слова. <...> Поэзия Куашева изобилует удивительными образами, которые мог создать только этот поэт» [Налоев 1958: 30–31]. Подобное мастерское владение родным языком и ее средствами и приемами обеспечило произведениям Б. Куашева особую фоннику и мелодичную ритмику.

Исследование, проведенное в статье, позволяет нам сделать следующие выводы:

- поэтическое творчество Б. Куашева вывело адыгскую (кабардино-черкесскую) поэзию на новый профессионально-литературный уровень развития, окончательно избавив ее от стереотипов устной, фольклорной версификации;
- новаторские средства и приемы, введенные поэтом в художественный и научный обиход, стали новой ступенью на пути к усовершенствованию языка и поэтики национальной поэзии;
- посредством использования инверсии Б. Куашев открыл новые возможности обогащения и эволюции языка адыгской поэзии.

Список источников

1. Кармоков Х.Г. Наследие поэта [на каб.-черк. яз.: УсакӀуэм и гуащӀэ] // Куашев Б.И. Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 279–296.
2. Куашев Б.И. Собрание сочинений в 2-х т. [на каб.-черк. яз.: Тхыгъэхэр]. Т. I / Подготовка к печати, вступит. статья, комментарии З.М. Налоева. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. 416 с.
3. Куашев Б.И. Собрание сочинений в 2-х т. [на каб.-черк. яз.: Тхыгъэхэр]. Т. II / Подготовка к печати З.М. Налоева. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 204 с.
4. Куашев Б.И. Стихотворения и поэмы [на каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1996. 304 с.
5. Налоев З.М. Богатое наследие. Комментарии [на каб.-черк. яз.: Куэд зымыгъащӀэу куэд зылӀэжъа. Комментариехэр] // Куашев Б.И. Собрание сочинений. Т. I. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. С. 3–39; 400–412.
6. Налоев З.М. Творчество Бетала Куашева (1920–1957) // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 260–279.
7. Секреты и загадки синтаксиса. Что такое инверсия [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/liteditor59/sekrety-i-zagadki-sintaksisa-chto-takoe-inversiia-60897909d66dff63dbed3a08> (дата обращения: 29.08.2021).
8. Хавжокова Л.Б., Бейтуганова Ф.С. Художественные особенности поэзии Бетала Куашева: система образов, идиостиль, поэтика (К 100-летию со дня рождения поэта) [КӀуащ БетӀал и усыгъэм хӀӀь художественнӀэ щӀхъхуэныгъэхэр: образ къӀэгъэшӀыкӀэр, тхыгъэхэм я бзэр, поэтикӀэр (УсакӀуэр къызрӀальхурӀэ ильӀси 100 щрикъум ирихӀӀӀэу)] // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 294–306.

References

1. KARMOKOV KH.G. *Nasledie poeta* [The legacy of the poet]. IN: Kuashev B.I. Poems and poems. Nalchik: Elbrus, 1996. P. 279–296. (In Circassian).
2. KUASHEV B.I. *Sobranie sochinenij v 2-h t.* T. I [Collected works in 2 volumes. Vol. I] / Preparation for publication, will enter. article, comments by Z.M. Naloev. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1958. 416 p. (In Circassian).
3. KUASHEV B.I. *Sobranie sochinenij v 2-h t.* T. II [Collected works in 2 volumes. Vol. II] / Preparation for publication by Z.M. Naloev. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1966. 204 p. (In Circassian).
4. KUASHEV B.I. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. Nalchik: Elbrus, 1996. 304 p. (In Circassian).
5. NALOEV Z.M. *Bogatoe nasledie*. Kommentarii [Rich heritage. Comments] // Kuashev B.I. Collected Works. Volume I. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1958. P. 3–39; 400–412. (In Circassian).
6. NALOEV Z.M. *Tvorchestvo Betala Kuasheva (1920–1957)* [The work of Betal Kuashev (1920–1957)]. IN: Essays on the history of Kabardian literature. Nalchik: Elbrus, 1968. P. 260–279. (In Russian).
7. *Sekrety i zagadki sintaksisa. Chto takoe inversiya* [Secrets and riddles of syntax. What is inversion] [Electronic resource]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/liteditor59/sekrety-i-zagadki-sintaksisa-chto-takoe-inversiia-60897909d66dff63dbed3a08> (date accessed: 29.08.2021). (In Russian).
8. KHAVZHOKOVA L.B., BEYTUGANOVA F.S. *Hudozhestvennyye osobennosti poezii Betala Kuasheva: sistema obrazov, idiosstil', poetika (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya poeta)* [Artistic features of Betal Kuashev's poetry: a system of images, idiostyle, poetics (To the 100th anniversary of the poet's birth)]. IN: Electronic journal "Kavkazologiya". 2020. No. 4. P. 294–306. (In Circassian).

Информация об авторах

Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы.

Ф.С. Бейтуганова – аспирант Научно-образовательного центра КБНЦ РАН.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Candidate of Philology, Head of the Department of Kabardino-Circassian Literature.

F.S. Beytuganova – Postgraduate student of the Scientific and Educational Center of KBSC RAS.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 821.352.3 / 82-144

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-144-150

**НАЛО ЗАУР И БАЛЛАДЭХЭР:
ЖАНРЫР КЪЫЗЭРЫГЪЭИЭРЫХУАМ И ИУЭХУКИЭ**

Хъэвжокъуэ Борис ихъу Людмилэ¹, Альэскыр Суфян ихъу Радимэ²

¹ Урысейм ЩэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Урысей

² Урысейм ЩэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгъэ центрым и Щэныгъэ-егъэджэныгъэ центр, Налшык, Урысей,

¹ lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

² atlaskirovaradima@yandex.ru

© Л.Б. Хавжокъуэ, Р.С. Альэскыр, 2021

Аннотаци. Статъяр зытеухуар балладэ жанрым къэбэрдей усакIуэ Нало Заур и творчествэм зэрызыщиужьарщ. УсакIуэм и Iэдакъэ къыщIэкIа «ЦIыху напэр», «ЦIыхумрэ Тхьэмрэ» тхыгъитIыр лъэпкъ литературэ щэныгъэмрэ критикэмрэ я гулбытэ нэхь мащIуэ зыгъуэтахэм ящыщ. Ди къэхутэныгъэм и щIэщыгъуагъри, ар зэхэдублэным шхъусыгъуэ хуэхъуари Налом и балладэхэр нэсу зэпкъыха, щIэныгъэри лъабжъуэ джа зэрымыхъуамрэ апхуэдэ лэжыгъэм нэрылбагъуу мыхъэнэ зэриIэмрэщ. Абы къыпкърыкIащ ди лэжыгъэм и мурад нэхьыщхъэри – зи цIэ къытIуа тхыгъитIыр я купщIэкIи, фащэкIи, художественнэ шхъэхуэныгъэу япкърылIэ и лъэныкыуэкIи къызщIэкъуауэ джыныр, абыхэм жанрым и зыужыныгъэмкIэ мыхъэнэу яIэр къэхутэныр, лъэпкъ литературэм, хэхауэ къэбгъэлягъуэмэ, лиро-эпикэм шаубыд увыпIэр убзыхуныр. Къэхутэныгъэм и кIуэщIэкIэ мыпхуэдэ гупсысэ нэхьыщхъэхэм дыкыыхуэкIуащ: 1) къэбэрдей литературэм балладэ жанрым зыужыныгъэшхуэ щимыгъуэтами, абы и шапхъэ нэххэм ушрохъэлIэ; 2) Нало З. и IэдакъэщIэкI балладэхэр (псом хуэмьдэу «ЦIыху напэр») жанрым и къупхъэм нэхьыфIу изэгъахэм ящыщ; 3) «ЦIыху напэр» и купщIэкIи ухуэкIэ-гъэпсыкIэкIи европей балладэм пэгъунэгъуш, ар усакIуэм Iэзэу жанрыр къызэригъэлэрыхуам и щыхъэт наIуэщ. Къэхутэныгъэм кърыкIуахэр литературэджхэм, курыт еджапIэхэмрэ еджапIэ ищхъэхэмрэ лъэпкъ литературэр щезыгъэдджхэм, апхуэдэуи студентхэм, аспирантхэм яхуэщхъэпэнуш.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: Нало Заур, къэбэрдей литературэ, лиро-эпикэ, балладэ, жанр, жыпхъэ

Цитатэ къызэрыхэлхыну: Хъэвжокъуэ Л.Б., Альэскыр Р.С. Нало Заур и балладэхэр: жанрыр къызэрыгъэлэрыхуам и ИуэхукIэ // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. № 3 (50). Н. 144–150. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-144-150

Original article

**ZAUR NALOYEV'S BALLADS:
TO THE PROBLEM OF GENRE DEVELOPMENT**

Lyudmila B. Khavzhokova¹, Radima S. Atlaskirova²

¹ Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

² Scientific and Educational Center of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center» Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

²atlaskirovaradima@yandex.ru

© Л.Б. Khavzhokova, R.S. Atlaskirova, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of the ballad genre in the works of the Kabardian author Zaur Naloev. Here, for the first time, an attempt is made to separate scientific consideration and coverage of two ballads – “Conscience”, “Man and God”. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time a comprehensive (meaningful and structural-compositional) analysis of these works is carried out. The main research attention is focused on establishing the correspondence / inconsistency of the considered ballads with the canons of the genre, identifying artistic features, determining the place of these works in the evolution of national literature. The article uses a number of scientific methods, including analysis and description. The research carried out in the article led to the following conclusions and conclusions: 1) despite the fact that the ballad in Kabardian literature has not received wide development and distribution, vivid examples of the genre are found in it; 2) Z. Naloev’s ballads (especially “Conscience”) are an example of the most successful mastering of the genre in national literature; 3) the principles of constructing a European ballad are traced in “Conscience”, which is evidence of Z. Naloev’s mastery of the canons of the genre. The results obtained can be helpful in studying the history of the ballad genre in the Adyghe literature, more generally in the North Caucasian literature, as well as in compiling special courses and writing qualification and other types of research papers.

Keywords: Zaur Naloev, Kabardian literature, lyro-epic, ballad, genre, canon

For citation: Khavzhokova L.B., Atlaskirova R.S. Zaur Naloev’s ballads: to the problem of genre development // Bulletin of the Institute for the Humanities Research. 2021; 3 (50): 144–150. (in Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-144-150

Научная статья

БАЛЛАДЫ ЗАУРА НАЛОЕВА: К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЖАНРА

Людмила Борисовна Хавжокова^{1✉}, Радима Суфьяновна Атласкирова²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

² Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

²atlaskirovaradima@yandex.ru

© Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова 2021

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра баллады в творчестве кабардинского автора Заура Налоева. Здесь впервые предпринимается попытка отдельного научного рассмотрения и освещения двух баллад – «Совесть», «Человек и Бог». Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проводится комплексный (идейно-тематический и структурно-композиционный) анализ указанных произведений. Основное внимание в исследовании сконцентрировано на установлении соответствия / несоответствия рассматриваемых баллад канонам жанра, выявлении художественных особенностей, определении места этих произведений в эволюции национальной литературы. В статье использован ряд научных методов, в числе главных – анализ и описание. Исследование, проведенное в статье, привело к следующим выводам и заключениям: 1) несмотря на то, что баллада в кабардинской литературе не получила широкого развития и распространения, в ней обнаруживаются яркие образцы жанра; 2) баллады З. Налоева (в особенности «Совесть») являются примером наиболее удачного освоения жанра в национальной литературе; 3) в «Совести» прослеживаются принципы построения европейской баллады, не заслоняющими национального колорита, что является свидетельством

мастерского овладения 3. Налоевым канонами жанра. Полученные результаты могут стать подспорьем при изучении истории жанра баллады в адыгской, в более общем плане – северокавказской – литературе, а также при составлении спецкурсов и написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: Заур Налоев, кабардинская литература, лиро-эпика, баллада, жанр, канон

Для цитирования: Хавжокова Л.Б., Атласкирова Р.С. Баллады Заура Налоева: к проблеме освоения жанра // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. № 3 (50). С. 144–150. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-144-150

Адыгэ литературэм и деж балладэр щызэфIэувэ лъэхъэнэм абы тегъэщIапIэу тIу иIащ: япэр – балладэ ухуэкIэ зиIэу лъэпкь IуэрыIуатэм кыыхэщыж уэрэд гупыр [епль: Гутов 2016: 39], еIуанэр – урыс балладэм и шапхъэхэр. Ди лъэпкь балладэм а тIум я нэщэнэхэри зыщIишащ, ауэ щыхъукIи езым и зыужыныгъэ лъагъуэ хишыжын хузэфIэкIащ.

Къэбэрдей усыгъэм и тхыдэ гъуэгуанэм уриплъэжмэ, лирикэри лиро-эпикэри зы лъэхъэнэм – XX лIэщIыгъуэм и 20–30 гъэхэм – кыызэдэунэхуащ, зэгъусэуи кыызэдэгъуэгурыкIуащ. Абы и щыхъэтщI ПащIэ Бэчмырзэрэ ЩоджэнцIыкIу Алийрэ я творчествэр. Усэхэм нэмышI, абыхэм япэ поэмэхэр я Iэдакъэ кыщIэкIащ. Иужьрейхэм (поэмэхэм) я фIыгъэкIэ лиро-эпикэм и зыужыныгъэр ешэжъа хъуащ, ауэ абыхэм балладэр гуэгъу шахуэжъуар нэхъ иужьыIуэкIэщ. Апхуэдэу жытIэми, КIыщокъуэ А. Хэку заушхуэм ипэкIэ итхауэ шыта «Жэщ шу» усэр сыт и лъэныкъуэкIи йозагъэр инджылыз балладэм и къупхъэм. Апхуэдэ шапхъэ щхъэхуэхэр иджырищIэнущ. Япэ адыгэ (къэбэрдей) балладэр дунейм кыщытхъар нобэкIэ зэхэгъэкIыжыгъуейми, шэч зыхэмылтыр зыщ – жанрым гурэ щхъэрэ зетелъу япэ лъэбакъуэхэр ичу щыхуежъар Хэку заушхуэм иужь лъэхъэнэхэрщ.

XX лIэщIыгъуэм и 60 гъэхэм я кIэухым – 70 гъэхэм я пэщIэдзэм балладэм къэбэрдей литературэм нэхъ щIэгъэхуэбжъауэ зыщиужьу щIидзащ. А лъэхъэнэм кыщегъэжъауэ дунейм кытхъа тхыгъэхэм я бжыгъэр куэд дыдэ мыхъуми, я фIагъкIэ жанрым и классикэу къэльбатыпхъэхэр яхэтщ.

Адрей жанрхэм (усэм, сонетым, поэмэм, н.) еплъытмэ, балладэм адыгэ литературэм нэхъ машIэу зыщиужъащ, апхуэдэу шытми, нобэкIэ абы и шапхъэ пщIы бжыгъэхэр диIэщ. Псалъэм папщIэ, КIыщокъуэ Алим и «Бжей жыгым и балладэ», Бештокъуэ Хъэбас и «Мкртыч Даштоян папщIэ балладэ», Бицу Анатолэ и «Бгырысыр кызыральнойуар», «ЩIакIуэ кIапэ», «Жамболэт», «НэхъыщIэ», «Лъагъуныгъэ», Къэжэр Хъэмид и «Данко жэкъуа», «Уэредадэ», «Дахагъым и сурэт», «Псалъэ зейншэхэр», Къагъырмэс Борис и «Паганини», «Кърум папщIэ балладэ», Уэрэзей Афлик и «СурэтыщIым теухуа балладэ», Хъэвжокъуэ Людмилэ и «Псалъэ жагъуэ» жыхуиIэхэр кыыхэгъэщыпхъэщ.

Дызэрыщыгъуазэщи, балладэр лиро-эпикэм и зы жанр лIэужыгъуэщ, абы кыыхэкIкIи сюжет зиIэ усэм хэгъэгъуэщэн хуейкыым. Ар поэмэм кызырэщхъэщыкIыр абы нэхърэ «нэхъ цIыкIуу зэрыщытырщ» [Квятковский 1966: 59], лирикэ уэрэдым кыщхъэщызыгъэкIыр – сюжет зериIэрщ. Абыхэм нэмышIауэ, мы усыгъэ пкъыгъуэм езым и тематикэ, сюжет гъэлпсыкIэ, стилистикэ Iэмал хэха дэллагъунущ.

Иджырей литературэу щIэныгъэмрэ теориэмрэ зэрыщыубзыхуамкIэ, балладэм и нэщэнэ нэхъыщхъэхэм ящыщц усэу зэрыгъэлсар, сюжет зериIэмрэ конфликт зэрыхэлъымырэ. Апхуэдэуи тхыгъэр драматизмэкIэ гъэнщIа къэхъугъэ гуэркIэ, нэхъыбэрэ – лIыхъужь нэхъыщхъэм и лIэныгъэкIэ иухын хуейщ. Абы шыгъуэми лIыхъужьым и иужьрей гъуэгуанэр пщIэрэ щIыхъкIэ гъэнщIауэ, абы и лIэныгъэм лIыгъэ хэлъу, гъэсэнэгъэ-уцииныгъэ мыхъэнэ щIэлърэ шапхъэгъэллагъуэу цытыпхъэщ. КъыщынэмышIауэ, балладэм уэрэдымрэ макъамэмрэ я нэщэнэхэр е и купщIэкIэ, е и фащэкIэ (нэхъыбэрэ – еIуанэмкIэ) кыпкырыщыпхъэщ.

Къэдгъэлыгъуахэр жанрым и хабзэ, нэцэнэ нэхьыщхьэхэр аркъудейщ, ауэ абыхэм нэмышц, къэзыгъэщц лъэпкъ (лъэпкъ гупсысэклэ), усаклуэ (щхьэзакъуэ дуней лъагъуклэ), кызырагъэщц бзэм и зэхэлъыклэ-ухуэклэ, н. елытауэ, балладэм щхьэхуэныгъэ зэхуэмыдэхэр илэнклэ хьунуш. Ахэр налуэ шыхьур зы тхыгъэ хэха е зы усаклуэм и лэдакъэщцэклэ зыбжанэ куууэ шызэпкърах, сюжетымрэ поэтикэмрэ кызыэщцэкъуауэ щадж къэхутэныгъэ щхьэхуэхэрщ.

Къэбэрдей литературэм хэхауэ и гугъу пщцымэ, нэхь пасэу ятхэхэм икли балладэм и къупхьэм «хуэфыпсу» изэгъэхэм ящыщц Нало Заур и «Цыху напэр» – къэбэрдей литературэм и лъабжьэгъэтлыл икли и классик Щоджэн-цыклу Алий фэепль хуицар. И купщцлэрэ и фашцэклэ мыр, и плэ нэхьыфц кымывэн хуэдизу, балладэ нэгъэсащ, ауэ Налом и тхыгъэхэр томищым шызэхуэхьэсауэ кышыцдэклэжым, 2015 гъэм дунейм кытехьа етлуанэ томым поэмэу хыхьаш, и флэшыгъэри «Удымрэ ваклуэмрэ» жыхуилэмклэ хьуэжаш. Мыпхуэдэ зэхуэжыныгъэхэм я гугъу пщцыну ухуежьэмэ, къэхутэныгъэ щхьэхуэ хуэфашц, ауэ мыбдежым Гуэхугъуэ зыбжанэ шыубзыхупхьэщ: япэрауэ, зэрыжытлащи, и сюжеткли поэтикэ ухуэклэкли мы тхыгъэр балладэ нэщ, сатыр бжыгъэхэр куэд зэрыхьу къудеймклэ ар поэмэу къэплъытэныр тфлэкъабылкъым. Етлуанэрауэ, усаклуэм и тхыгъэм шыжилену зыхуеямрэ абы щилъхьа идее лъагэмрэ еклуу къэзыгъэлыгъуэр «Цыху напэ» флэшыгъэрщ: мыбы щынэхьыщхьэр удымрэ ваклуэмрэ я зэхушытыклэр е я зэхуаку кыдэхуэ конфликтыр аракъым (иужьклэ игъуэта флэшыгъэм тепщцыхьэм), атлэ Налом абы щилъхьа щлагъыбзэ куурщ – напэм нэхь лъаплэ дунейм зэрытемытырщ, абы нэхь мылькушхуи цыхум зэрыбгъэдэмылтырщ. Клэщцлэ жытлэнщи, тхыгъэм и флэшыгъэми, жанрыр езы усаклуэм зэриубзыхуами зэхуэжыныгъэ хэлъхьэн хуеяуэ къэтлътэркъым.

«Цыху напэм» и купщцлэмклэ кышыщцлэддзэнщи, балладэм зэрыщыхабзэу, мыбы драматизм кууклэ гъэнщцлэ конфликт щлэлыщ, гуащцэу еклуеклэ сюжет хыболъагъуэ, персонаж нэхьыщхьэм и лэныгъэклэ еух. Тхыгъэм мифологие лъабжьэ илэщ (мыри жанрым и зы нэцэнэщ): ажалымрэ гъащцлэмрэ, емрэ флэымрэ, кыфлэыгъэмрэ нэхугъэмрэ я зэпэщцлэтыныгъэ мыухыжыр дунейм и хабзэ тклийуэ зэрыщытыр удымрэ балладэм и лыхьужь нэхьыщхьэ цлэимылуэ «лэымрэ» я образхэмклэ къэгъэлыгъуаш.

Сюжетым кышыщхьу-кышыщцлэм куэдыр шыгъуазэщ, сыту жыплэмэ «Цыху напэ» балладэр ебланэ классым и хрестоматием иту курыт еджаплэхэм шрагъэдж. Ауэ, тхыгъэм и художественнэ щхьэхуэныгъэхэр къэтхутэн икли налуэ къэтщцын папщцлэ, ар зытеухуар клэщцлэ дигу къэдгъэклыжыпхьэщ.

Махуэр хуабэу гъуэгуанэ тет лъыр псыхуэллэм щигъэмэхым, абы ирихьэллэ удыр щхьэщохьэри псы ирегъафэ. Псы Губыгъуэм зыкыригъэщцлэжа нэужь, зы псы фалъэ иригъэфэжыну лъыр удым йолъэлу. Ауэ пщцлэншэу псы иригъэфэну удым идэркъым, псы фалъэм и уасэу гъэ къэсклэ тыгъэ гуэр лыхьыну пеубыд. Псыхуэллэм къарууншэ ищцлэ лъыр абыклэ арэзы мэхьури, Гуэхур зэраухыллэ. Арщхьэклэ, усаклуэм пэжу кызырэрыхыгъэщци, удым тыншу уфлэклэфынутэжым. Тхыгъэм дыкыщоджэ:

Атлэ удхэр зыгъэудыр

Лей зэрахьэр ари.

Мис мы удми и мурадыр

Щцлэпхьаджагъэ гуэриц [Нало 2013: 122].

Удым лэым лыхьыну игу ирилъхьар тыгъэ лъаплэ дыдэт – цыхум и напэр арат. Ар итыну лъыр арэзы шымыхьум, абы пэклэуэ удым япэ илэсым и бзэр лех, етлуанэм – и нэр, ещанэм – и псэр. Мыбдежым лэым и псэр итами, трагедие (лэныгъэ) къэхьуами, балладэм зэрыщыхабзэу, клэухыр гукъутэжым, уеблэмэ лыхьужьым и псэр пщцлэрэ щлэхьэрэ пылыу зэритам уропагэ, гушхуэныгъэ къуэт, а псом флэклэжауэ, и ущииныгъэ мыхьэнэри лъагэщ, сыту жыплэмэ

напэр зыхьумэфырщ Цыху нэсклэ узэджэнур, зи цлэмрэ зи хьыбарымрэ шапхэгьэлгагьуэу лэщыгьуэу куэдхэм клуэцлрыкыфынур. Араш лым и хьэдэм пшлэшхуэ щлгьуэтри:

*Напэ хужьу цылтц а хьэдэр,
Нурыр кьыщхьэщех,
Цыхуу цылэм ягьэлганлэу
Лым и хьэдэр дах* [Нало 2013: 127].

Тхыгьэм клэунэ езытыж строфахэм кьызэрыщыгьэлгьуамклэ, напэ кьабзэм и нурыр дыгьэ бзийм хыхьауэ цыхухэм ятопсэ, анэ быдзышэхэм зыщлашащ, сабинэм кьыщлощ. Дэ дызэрепльымклэ, усаклуэм нэхьыщхьэу жилену зыхуеяр мыраш: напэр зыхьумэфхэм флы кьапкьрокл, а флыр мэбагьуэ, дунейр еуфэбгьури, ар кьутэу кьемыщэщэхьжу, ильэс мин бжыгьэ куэд льяндэрэ зэтрефьгьэ.

«Цыху напэм» и поэткэри, зыхуэбгьадэ хьун шымылэу, гьэщлэгьуэнщ, еклущ, шэрыуэщ. Ищхьэклэ кьызэрыхэдгьэщащи, уэрэдымрэ макьамэмрэ я пкьыгьуэ гуэрхэр, я хьэл хэплгагьуэныр балладэм и нэщэнэ нэхьыщхьэхэм ящыщц. Нало 3., и тхыгьэм зы бэуэгьуэкли кьызэтеувылэн хуэмейуэ, тыншу укьоджэ, и ритмикэр макьамэм хуэдэу шэщлаш, рифмэхэр кьулейщ, сатыр 204-рэ зи клыхьагь тхыгьэшхуэр зэрыщыту, жьпхьэм зы мащлэкли темькыу, хорейклэ тхаш. Уэрэдым и гьэпсыклэм пэгьунэгьу ищлу, балладэм зы едзыгьуэм куэдрэ кьыщытрегьээжэ («припев-рефрен» пэлгытэу кьоклуэ): удыр лым и пащхэ кьиувэхуклэ, тхыгьэм хэль драматизмэр щлгьгьухабжьэу, абы и теплэрэ усаклуэм дигу кьегьэкьыж:

*Цы луданэ пльыжьсклэ и нэр
Хуэдэщ кьэдыхьам,
Псалгьэу жилен гур елулэр,
Ещхьу хуэи хыхьам* [Ар дыдэм: 122, 123, 124–125].

Балладэм и хьэл-щэнэу литературэджхэм кьыхагьэщхьэхуклхэм ящыщ абы луэрылуатэ, мифологие, таурыхь мотивхэр льябжьэ хуэхьунри. Луэрылуатэ тхыгьэхэм я гьэпсыклэмрэ таурыхьхэм я ухуэклэмрэ пэгьунэгьуу тхаш Налом и балладэри. Гьут лэдэм пэжу гу зэрылытащи, «мыбы льябжьэу авторым хуищла кьэхьугьэр ущие псысэм и сюжетым ещхьщ» [Гутов 2019: 65], нэгьуэщлу жьплэмэ дидактикэ хэльщ. Кьыщынэмыщлауи, таурыхьхэр «щылаш-псэуаш...» жилену кьызэрызэлуах щыклэм тету ухуауэ, ауэ нэхь зыубгьуауэ «Цыху напэм» хэзышэ лыхьэ илэщ. Тхыгьэм и конфликтным и ублаплэм клэщлу щигьгьуэза нэужь, усаклуэм тхыльеджэм зыхуегьазэ:

*Ер вы бжакьуэм кьызэриклыр
Тцлэмэ, луэху кьэхьунт?
Ер псы фальэм зэрыхэльыр
Ицлэм, лыр ефэнт?
А псы фальэм кьикла луэхур
Кьэтлуэтэнищ иджы.
Ар кьэфщлэну фэ фыхуеймэ,
Мы тхыдэжьыр вджы* [Нало 2013: 122–123].

«Ер вы бжакьуэм кьокл» жыхуилэ адыгэ псалгьэжьыр тхыгьэм и бзэм лэклэуэ зэрыхуэхуэнами гу лытапхьэщ.

Жанрым нэгьуэщл и зы щхьэхуэныгьи Налом и лэдакьэщлэклым кьыпкьрышащ: тхыгьэм гьыищ и палгьэ кьызэщллуубыдэми, ильэсхэр усаклуэм псынщлэ-псынщлэурэ эклэпхьэ, нэгьуэщлу жьплэмэ кьэтхэкл лейрэ кьыщымыщ луэхурэ хэмыту ешэжьа хьуа сюжетыр еукьуэдий, конфликтным и льяужьи клэщлу дрегьаплгьэ. Луэхур щеклуэкл щыплэри убгьуауэ кьэгьэлгьуакьым, сыту жьплэмэ балладэм

цынэхъыщхьэр конфликтырэ абы и зэфIэхынымрэщ, ар къэзыухьуреихь псори абы ефэгъуэкIыу гъэпсыпхъэщ: апхуэдэ ухуэкIэм тхыгъэм щIэлъ драматизмэр, психологизмэр щIегъэхуабжъэ.

Дызыхэплъа псори зы псалъэухакIэ къызэщIэткъуэжмэ, Нало З. и «ЦIыху напэр» лъэпкъ балладэм и зы лъагапIэщ, жанрым и фIыпIэщ, абы и къупхъэм, фIэкI е дэдзых имыIэу, хуэфIу йозагъэ.

«ЦIыху напэм» нэмышI, Нало З., «ЦIыхумрэ Тхьэмрэ» (1968) фIэщыгъэм щIэту, нэгъуэщI зы баллади и Iэдакъэ къыщIэкIащ. Жанрым и зы нэцэнэу а тхыгъитIми пкъыгъуэ гъэщIэгъуэн япкърылыщ: я идее унэтIыныгъэр щIыльгэм къыщыхьукъыщыщIэхэм нэхьрэ куэдкIэ нэхь лъагэщ, мифологие лъабжъэ яIэщ. Налом IэкIуэлъакуэу къегъэсэбэп реализм методым иригъэкIуэтами, имыгъэкIуэда романтизмым и Iэмалхэр, абы и фантазием къыхэкIа образхэр.

«ЦIыхумрэ Тхьэмрэ» балладэм и сюжетыр щIэщыгъуэщ, жанрым къызэригъэуви, конфликт хэлыщ. Тхыгъэм къызэрыхэщымкIэ, Тхьэ иныр лIэщIыгъуэ минкIэ гупсысащ, икIэм-икIэжым, жэщибл-махуиблым и кIуэцIкIэ «дыгъэ минищэ цыблэу» дуней дахэ къыгъэщIащ. АрщхьэкIэ а дунейм зэманыр зэщIа щыхуатэкъым, «зэтыхужт икътэу дуней иныр» [Нало 2008: 224]. Ар зыхъумэфын, зэтэзыIыгъэн къару къилыхьуэурэ Тхьэшхуэр гупсысапIэ ихуащ, хэкIыпIэу къыгъуэтари дунейр зегъэкIуэн-зехьэнымкIэ щIэгъэкъуэн къыхуэхъун гурэ къыгъэщIынырщ: япэ щIыкIэ МелыIычыр, къыкIэлъыкIуэу Иблисыр, ещанэу ЦIыхур къыгъэщIащ.

Тхыгъэм и конфликт нэхъыщхьэр Тхьэмрэ Иблисымрэ я зэхуаку къыдохъуэ:

– Дунейр IэщIокI хуэмыIыгъыжу си ихуэм,
Сыт си Iэмал? – щIоупщIэ Алыхьышхуэр.
– Дунейр къэзыгъэщIам хузэфIэмыкIым, –
Жилащ абы пащIэкIэм щIэгъуфIыкIыу, –
Хэт къыбжила сэ си Iээзгъуэ иту? –
Ар мэлгэтэж абы нэхь Гуэху хэмыту.
Ар жыжъэу къоплэ, Тхьэм къыщыдыхьэшхыу.
Езыри цытти Иблисым хуэдзэлашхуэ [Ар дыдэм: 225].

Зэманыр щашхуэ дунейри къещэщэхыжынкIэ шынагъуэм Гуэхур щыхуэкIуэм, Тхьэшхуэм къыхуэнэжар зыг – ЦIыху къыгъэщIынырт. Тхыгъэм иужькIэ нагуэ зэрыщыхьуамкIэ, ар гукъэкI пэжт, сыту жыпIэмэ езы гъащIэр къызыхуигъэщIари зыхэщIэрэ зэхэщIыкIэ зыхуэупсари ЦIыхур арат. Дунейм къызэрытехьуэу абы желэ:

– Сэрат мы дуней иныр къызыхуэтыр. –
Лэжъэн щIидзауэ ЦIыхум жэуап етыр.
Абы акъылкIэ зэрехьыж зэманыр,
Дунейр мыкътэу къызэтрегъанэр.
Абы къэхьугъэм мыхьэнэ иретри
КъегъэуIэбжъэ езы дунейм и тетри.
ГуфIауэ Тхьэм къыхуещIыр ЦIыхум тыгъэ
Насыту цыIэм яцхьэу лъагъуныгъэр [Ар дыдэм: 225].

Къэтхьа пычыгъуэр балладэм и кIэухщ, тхыгъэм щIэлъ гупсысэр къыщызэщIэкъуэжаш, Гушыгъэрэ ущиекIэ гъэнщIащ. УсакIуэм къызэригъэлъэгъуащи, япэрауэ, ЦIыхур дунейм къызэрытехьуэу лэжъэн щIедзэ, лэжыгъэм ар адрей псэушхьэхэм къазэрыщхьэщигъэкIыр, ЦIыху нэс зэрищIыр щIагъыбзэкIэ къиуатэу. ЕтIуанэрауэ, ЦIыхум акъыл бгъэдэлъу, абыкIэ дунейр зэтриIыгъэн къалэн иIэу къызэригъэщIар мы сатырхэм иджыри зэ дигу къагъэкIыж. Ещанэу, лъагъуныгъэр Тхьэм и тыгъэу, ар гъэпэжын, хьумэн хуейуэ зэрыщытыр тхыгъэм кIэлунэ дахэ езытыж Гушыгъэу усакIуэм къехь, зэрыжаIэу, гуIэфIтешIэжкIэ балладэр еух.

Конфликт гуащIэ, драматизм куу е трагизм хэмьльми, Нало З. и етIуанэ балладэри кьехьулIауэ, и купщIэкIэ, сюжет ухуэкIэкIэ жанрым и кьупхьэм кьригьээзэгьфауэ кьэлъытапхьэщ.

ИщхьэкIэ дызыхэпльахэр зрыщыхьэтици, Нало Заур кьэбэрдей литературэм и деж балладэм и зэхэублакIуэхэм ящыщ, жанрым и ухуэкIэ хабзэ псори Iээу кьигьIэрыхуэн льэкIаш, усакIуэм и IэдакьэщIэкI тхыгьитIри льэпкь щэнхабзэм и хэлъхьэныгьэ нэс хьуащ.

ТегьэщIапIэхэр Список источников

1. Гитов А.М. Адыгский фольклор // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Том I. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. 392 с.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966. 375 с.
3. Налоев З. Совесть: Баллада // Адыгская (кабардино-черкесская) литература. 7 класс: учебник-хрестоматия. 2-ое изд. / Сост: Тимижев Х.Т., Балова Л.Ф. Нальчик: Эльбрус, 2013. С. 121–127.
4. Налоев З. Человек и Бог: Баллада // Антология кабардинской поэзии. XX век. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 224–225.

References

1. GUTOV A.M. *Adygskij fol'klor* [Adyghe folklore]. IN: History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Volume I. Nalchik: Publishing Printing House "Print Center", 2019. 392 p. (In Russian).
2. Kvyatkovsky A.P. *Poeticheskij slovar'* [Poetic Dictionary] / Scientific. ed. I. Rodnyanskaya. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 375 p. (In Russian).
3. NALOEV Z. *Sovest': Ballada* [Conscience: Ballad] IN: Adyg (Kabardino-Circassian) literature. Grade 7: textbook-reader. 2nd ed. / Comp: Timizhev Kh.T., Balova L.F. Nalchik: Elbrus, 2013. P. 121–127. (In Circassian).
4. NALOEV Z. *Chelovek i Bog: Ballada* [Man and God: Ballad]. IN: Anthology of Kabardian poetry. XX century. Nalchik: State Enterprise KBR "Republican Polygraphic Plant named after Revolution of 1905". Publishing Center "El-Fa", 2008. P. 224–225. (In Circassian).

Информация об авторах

Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы.

Р.С. Атласкирова – аспирант Научно-образовательного центра КБНЦ РАН.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Candidate of Philology, Head of the Department of Kabardino-Circassian Literature.

R.S. Atlaskirova – Postgraduate student of the Scientific and Educational Center of KBSC RAS.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- инициалы и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, ORCID каждого, электронные адреса авторов;
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- key words (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы каждого, электронные адреса авторов;
- основной текст статьи;
- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе (-ах);

– сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов. 1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

Элементы заглавной части набираются без абзацного отступа, междустрочный интервал – 1.

1.3.1.1. ТИП СТАТЬИ (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. ИНДЕКС УДК (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру.

1.3.1.4. ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта ✉.

Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹, Петр Петрович Петров²

^{1,2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1,2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3,4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. АННОТАЦИЯ статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.»;

1.3.1.6. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;

1.3.1.7. ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двосточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Толковый словарь русского языка ... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статью или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Ка-

раулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

1. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

2. Адыгэ псалгъалэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыцокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

5. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

8. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

9. Российский государственный архив древних актов. Д. 1. Оп. 1.

10. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра. П. 1. П. 1.

11. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

12. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // Известия СОИГСИ. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

13. *Павшук А. В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

14. *Тимижев Х. Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Нумерация и порядок должны сохраняться как в русском варианте.

Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit-online.ru/>.

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russ. / In Kabardino-Circassian/ In Balkar).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке.

ПРИМЕР:

References

1. KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russ.).
2. *Adyge psal'al'e* [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).
3. BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russ.).
4. KESHOKOV A. *H"uepseg"ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian).
5. NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: Mediaskop. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russ.).
6. KARDANOV B.M. *Russko-kabardino-cherkesskij slovar'* [Russian-kabardino-chircassian dictionary]. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1955. 1055 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).
7. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russ.).
8. *K"arachaj-malk"ar fol'klor: hrestomatiya* [Karachay-balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Balkar).
9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. Case 1. Inventory 1. (In Russ.).
10. *Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra* [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russ.).
11. BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.
12. MALKONDUEV H.H. *Etnonimy, toponimy i antroponimy v karachaevo-balkarskom epose «Narty» i drevnih pamyatnikah kak istoricheskij istochnik* [Ethnonyms, toponyms and anthroponyms in the karachay-balkar nart epic and ancient monuments as a historical source]. IN.: Izvestiya SOIGSI. 2018. № 28 (67). Pp. 146–154. (In Russ.).
13. PAVSHUK A.V. *Yazykovaya priroda i funkcii epiteta v hudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina «Volya»)* [Linguistic nature and functions of the epithet in the literary text (based on novel by Asorin «Will»): diss. ... of cand. of philological sciences. Moscow, 2007. 198 p. (In Russ.).

14. TIMIZHEV H.T. *O voprosah hudozhestvenno-esteticheskogo urovnya sovremennogo kabardinskogo romana* [On the issues of artistic and aesthetic level of the modern kabardian novel]. IN.: Kavkazologiya. 2018. № 2. P. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93. (In Russ.).

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

ПРИМЕР: Вклад авторов:

Иванов И.И. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Петров П.П. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Ivanov I.I. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Petrov P.P. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
13,3

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 281

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94